

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чертыков В.К., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ответственный секретарь:

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Члены редакционной коллегии:

Самрина Е.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ковалева О.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чебоचाкова И.М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чистобаева Н.С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Редактор переводов:

Мечтанова Д.И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Абумова О.Д., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия

Арбачакова Л.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Ахматова М.А., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия

Бакчиев Т.А., Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика

Борисов А.А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Булгутова И.В., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Россия

Гергилев Д.Н., Сибирский федеральный университет, Россия

Даван Тая, Университет Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика

Дацышен В.Г., Институт демографических исследований РАН, Россия

Донгак У.А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Ефимова Л.С., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Ефремов Н.Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Жаркын Турсун, Институт древней истории Академии общественных наук, Китайская Народная Республика

Жумагулов С.Б., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

Зарбалиев Х.М., Азербайджанский государственный университет языков Азербайджанской Республики, Азербайджанская Республика

Карамашева В.А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Килуновская М.Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия

Кузьмина Е.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Курас Л.В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Peer-reviewed academic journal
№ 1(41) 2024
The journal is published quarterly

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

Valery K. Chertykov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Executive secretary:

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Members of the Editorial Board:

Elena V. Samrina, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Olga V. Kovalyova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Translator-reviser:

Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Olga D. Abumova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia

Lyubov N. Arbachakova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mariyam A. Akhmatova, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russia

Talantaaly A. Bakchiev, National Academy «Manas», Kyrgyzstan

Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Irina V. Bulgutova, D. Banzarov Buryat State University, Russia

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia

Taya Dawan, University of Inner Mongolia, China

Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

Uran A. Dongak, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Lyudmila S. Efimova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jarkyn Tursun, Institute of Ancient History of Chinese Academy of Social Sciences, China

Sagymbai B. Zhumagulov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan

Viktoriya A. Karamasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia

Evgeniya N. Kuzmina, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Кызласов И.Л., Институт археологии РАН, Россия

Магай Жером, Музей доисторической антропологии, Княжество Монако

Мамбеталиев К.И., Международный университет Ала-Тоо, Кыргызская Республика

Морозова О.Н., Амурский государственный университет, Россия

Мыльникова Л.Н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Нам И.В., Томский государственный университет, Россия

Николаева Н.Н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Ооржак Б.Ч., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Осава Такаши, Университет Осаки, Япония

Раджабов К.К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Семенова В.Г., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Слюсаренко И.Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Соегов Мурадгелди, Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана, Туркменистан

Султангареева Р.А., Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия

Тэн Хай, Датунский университет, Китайская Народная Республика

Уртегешев Н.С., Институт филологии СО РАН, Россия

Функ Д.А., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Хамдамов У.А., Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан

Хубитдинова Н.А., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия

Цагаан Турбат, Национальный университет Монголии, Монголия

Цэдэндамбын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия

Чугунекова А.Н., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия

Шапауов А.К., Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан

Шульга П.И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В.Г.
Email: badaev@sayn-altai.ru
ISSN 2304-7488

Отпечатано в типографии ГБУ РХ «Хакаское книжное издательство им. В.М. Торосова». 655017, Россия, г. Абакан, ул. Советская, 173.

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098

© Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2024
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2024

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco

Kuban I. Mambetaliev, Ala-Too International University, Kyrgyzstan

Olga N. Morozova, Amur State University, Russia

Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia

Natalya N. Nikolaeva, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Takashi Osawa, Osaka University, Japan

Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Valentina G. Semyonova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Muratgeldi Soyegov, Magtymguly Institute for Language, Literature, and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Turkmenistan

Rozaliya A. Sultangareeva, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Teng Hai, Shanxi Datong University, China

Nikolai S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Dmitry A. Funk, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Ulugbek A. Khamdamov, Institute for Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan

Nerkes A. Khubbitdinova, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia

Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia

Batbayar Tsedendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia

Alyona N. Chugunekova, N.F. Katanov Khakass State University, Russia

Alibi K. Shapauov, Shoqan Ualikhanov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan

Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Founders:

Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Tel.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G. Badaev
Email: badaev@sayn-altai.ru

Printed by «V.M. Torosov Khakass Book Publishing House». 173 Sovetskaya Str., Abakan, Russia, 655017.

The journal is included in the Russian Science Citation Index
The electronic version of the journal is available on the platform of the Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Археология

Семашкевич В. Э.

К вопросу о технологии транспортировки
крупных плит для строительства элитных курганов
тагарской культуры в Салбыкской степи
в Хакасии4

Тимощенко А. А., Выборнов А. В., Давыдов Р. В., Мамаева А. К., Морозов А. А., Долганов В. А., Половников И. С.

Спасательные археологические работы Института
археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук в Сагайской степи
в 2023 г. 19

История

Вдовин А. С., Самрина Е. В.

Организация и деятельность Хакасской
этнографической экспедиции 1930 г. 28

Леонтьев А. П.

Несколько эпизодов из жизни хакасского
и чувашского ученых-просветителей – Н. Ф. Катанова
и Н. В. Никольского 40

Ситнянский Г. Ю.

Тохары – древнейшие индоевропейцы
в Евразии? 52

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

Ооржак Б. Ч., Аннай Э. К., Ондар Ч. Г., Саая О. М.

Функционирование тувинского и русского
языков в Республике Тыва: опыт анализа 64

Чертыкова М. Д.

Русские заимствования в текстах хакасских
героических сказаний 74

Литературоведение

Карамашева В. А.

Идейно-тематическая основа басен
В. Ф. Барашкова 88

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бурнаков А. А.

Современные сведения о празднике *Хазың тайыҕ*
и божествах женского рода у хакасов 100

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Archaeology

Vladislav E. Semashkevich

On the issue of the technology for transporting large
slabs for the construction of elite mounds
of the Tagar culture in the Salbyk steppe
in Khakassia 4

Aleksei A. Timoshchenko, Anton V. Vybornov, Roman V. Davydov, Aleksandra K. Mamaeva, Anatoly A. Morozov, Vadim A. Dolganov, Ivan S. Polovnikov

Rescue archaeological work of the Institute of
Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences in the Sagai steppe
in 2023 19

History

Aleksandr S. Vdovin, Elena V. Samrina

Organization and activities of the Khakass Ethnographic
Expedition in 1930 28

Aleksei P. Leontiev

Several episodes from the life of Khakass
and Chuvash scientists-enlighteners
N. F. Katanov and N. V. Nikolsky 40

Georgy Yu. Sitnyansky

The Tokhars – are the oldest Indo-Europeans
in Eurasia? 52

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

Baylak Ch. Oorzhak, Ellada K. Annai, Choygan G. Ondar, Oyumaa S. Saaia

Functioning of the Tuvan and Russian languages
in the Republic of Tuva: analysis experience 64

Mariya D. Chertykova

Russian borrowings in the texts
of Khakass heroic tales 74

Literary studies

Viktoriya A. Karamasheva

The ideological and thematic basis
of V. F. Barashkov's fables 88

FIELD RESEARCH

Artas A. Burnakov

Modern information about *Khazyn Taiyg* Holiday
and female deities among the Khakass 100

DOI 10.52782/KRIL.2024.1.41.001

УДК 903.53

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ТРАНСПОРТИРОВКИ КРУПНЫХ ПЛИТ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЭЛИТНЫХ КУРГАНОВ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В САЛБЫКСКОЙ СТЕПИ В ХАКАСИИ

В.Э. Семашкевич

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: vladsem4175@yandex.ru

В статье предпринята попытка анализа способов транспортировки многотонных каменных плит, использовавшихся при строительстве больших элитных курганов Салбыкской степи в Хакасско-Минусинской котловине. Путем проведения аналогий с приемами транспортировки каменных блоков и статуй в ранних цивилизациях сделан вывод о том, что преимущественным способом перемещения камней для возведения салбыкских курганов являлось движение грузовых саней по деревянной основе (бревна, брусья) с использованием смазочного материала. На основании имеющихся исследований в области трибологии автором проведен расчет количества тягловых животных, которое было необходимо для транспортировки одной стелы. Предложен вариант погрузки каменных блоков на грузовые сани при разработке каменоломни на горе Хызыл-Хая, которая являлась одним из мест добычи строительного камня для салбыкских курганов. Сформулированы перспективные направления в изучении строительных технологий тагарской культуры, основное из которых – выявление и исследование каменоломен как самостоятельных археологических памятников.

Ключевые слова: тагарская культура, салбыкские курганы, транспортировка стел, каменоломня, Хызыл-Хая, архитектура кургана.

ON THE ISSUE OF THE TECHNOLOGY FOR TRANSPORTING LARGE SLABS FOR THE CONSTRUCTION OF ELITE MOUNDS OF THE TAGAR CULTURE IN THE SALBYK STEPPE IN KHAKASSIA

Vladislav E. Semashkevich

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: vladsem4175@yandex.ru

In this article, it was made an attempt to analyze the methods of transporting multi-ton stone slabs used in the construction of large elite mounds in the Salbyk Steppe in the Khakass-Minusinsk Basin. By drawing analogies with the methods of transporting stone blocks and statues in early civilizations, it was concluded that the predominant way to move stones for the construction of Salbyk mounds was the movement of cargo sleds on a wooden base (logs, beams) using a lubricating material. Based on the available research in the field of tribology, the author calculated the number of draft animals that were necessary to transport one stele. The author proposed a variant of loading stone blocks onto cargo sleds during the development of a quarry on the Khyzyl-Khaya Mountain, which was one of the places of building stone mining for the Salbyk mounds. Promising areas in the study of Tagar culture construction technologies are formulated, the main of which is the identification and study of quarries as independent archaeological sites.

Keywords: Tagar culture, Salbyk mounds, transportation of steles, quarry, Khyzyl-Khaya, the architecture of the mound.

Введение

Тему транспортировки крупных каменных плит при строительстве погребальных сооружений тагарской культуры, в первую очередь больших элитных курганов в Салбыкской степи в Хакасско-Минусинской котловине, нельзя назвать дискуссионной. Исследователям представляются в целом очевидными, с небольшими вариациями, общие принципы технологии доставки плит от каменоломен до мест возведения курганов – на деревянных салазках, в которые запрягались тягловые животные, с использованием рычагов и деревянных катков, вероятнее всего, в зимний период [Киселев, 2015, с. 8; Кызласов, 2008, с. 387; 2022, с. 18; Марсадолов, 2010, с. 38]. Собственно, данные выводы являются вполне обоснованными, так как базируются на инженерных решениях по передвижению многотонных грузов в первобытных обществах и ранних цивилизациях [Шуази, 2019, с. 7–9].

В настоящей публикации автором принята попытка анализа возможных вариантов транспортировки крупных плит тагарцами с привлечением немногочисленных археологических источников, а также сведений о строительных технологиях по перемещению каменных блоков и статуй, которые известны по изображениям ранних цивилизаций. Кроме того, предложен опыт по расчету тягловой силы животных, которую необходимо было приложить для транспортировки каменных стел.

Стелы (угловые, простеночные, выносные), как архитектурные элементы элитных курганов Салбыкской степи, являлись, по-видимому, крупнейшими плитами, добытыми строителями тагарской культуры в каменоломнях. Их масса оценивается археологами в диапазоне от 30 до 50 тонн. Для определения более точных параметров необходимы замеры объемов стел (у закопанных плит до $\frac{1}{2}$ объема находится в земле) и плотности песчаника, из которого они изготовлены. Несомненно, что транспортировка и организация доставки этих монолитов до мест строительства курганов представляла собой сложную инженерно-техническую задачу, которая решалась с задействованием значительных ресурсов. Технологи-

гия перемещения была по-своему уникальна и имела локальный характер, так как на территории Хакасско-Минусинской котловины больше нигде не встречаются памятники погребальной архитектуры с использованием столь масштабных каменных конструкций.

Основная часть

В транспортных системах, необходимых для организации механизированного перемещения грузов, выделяются следующие компоненты: контейнер для транспортировки груза; ходовая часть, обеспечивающая равномерное передвижение контейнера или монолитного груза с наименьшими затратами силы; тягловая сила; система, осуществляющая передачу от движителя к контейнеру или грузу [Кожин, 1985, с. 171]. Данные элементы были присущи и транспортным системам, использовавшимся для доставки стел.

Тагарские грузовые сани

Нам известны тагарские петроглифы с изображением саней и людей, использующих для передвижения лыжи (рис. 1). Сани (полозья) также являлись элементом сложной и тяжелой конструкции передвижного жилища [Есин, 2019, с. 145]. Это позволяет утверждать, что тагарцы были хорошо знакомы со строительными технологиями, связанными с применением скольжения при перемещении тяжелых грузов, и не вызывает сомнения, что для доставки массивных плит к местам строительства салбыкских курганов также использовался транспорт, основу которого составляли полозья.

В литературе существуют различные подходы к классификации полозовых транспортных средств – их определяют как сани, полозовые волокуши, горизонтальные, бескопильные сани, салазки [Балабина, 2004, с. 185–188]. Применительно к транспортным средствам, использовавшимся для перемещения многотонных и крупногабаритных каменных блоков и статуй, которые хорошо известны по истории архитектуры вплоть до новейшего времени (рис. 2–6), в литературе уже давно закрепился термин «салазки»

[например, Кларк и др., 2009, с. 120; Лурье и др., 1939, с. 229].

На наш взгляд, данный термин не совсем корректен применительно к подобному транспортному средству. Толковый словарь русского языка В.И. Даля определяет салазки как ручные санки для катанья с гор. В этимологическом словаре Г.А. Крылова отмечается, что слово «салазки» образовано от глагола «слазить» – спускаться, первоначально имело форму «слазки». То есть салазки – транспорт, предназначенный для спуска, движения вниз по наклонной плоскости. Средства для доставки каменных плит все же правильнее было бы обозначать термином «сани». И.Л. Кызласов [2022, с. 18] определяет тагарские средства доставки салбыкских стел как грузовые сани. Последние, учитывая габариты и вес перевозимых камней, имели крупные размеры (как вариант, это могли быть просто два-три полоза, прикреплявшиеся к плите). В настоящей работе автор также будет использовать термин «грузовые сани».

Проблема катков

Ключевым узлом для ходовой части грузовых саней, который бы обеспечивал равномерное их передвижение с наименьшими затратами силы, являлись дополнительные элементы, действие которых было направлено на уменьшение трения при перемещении груза. Имеющиеся археологические источники, свидетельствующие о наличии таких вспомогательных приспособлений, в том числе в тагарской культуре, весьма ограничены. Авторы вышеупомянутых работ, посвященных изучению кургана Большой Салбык, считают, что к технологии перемещения стел и плит имеют отношение обнаруженные при расчистке нижней части земляной насыпи этого кургана сухостойные бревна лиственницы с зарубками на концах длиной 7–8 м, которые интерпретируются как катки.

Признавая неоспоримость факта использования тагарцами катков при перемещении массивных плит, тем не менее отметим, что в литературе по вопросам транспортировки многотонных блоков и статуй в древности

ставится под сомнение применение катков как основного способа доставки тяжелых грузов. В частности, египтологами при исследовании вопроса о технологиях перемещения блоков и статуй весом в десятки тонн в Древнем Египте среди недостатков катков отмечаются необходимость дополнительного обустройства твердой ровной основы для обеспечения их вращения (например, продольные балки, которые нужно было жестко закреплять на неровном рельефе по всему маршруту), скатывание катков набок, их заклинивание и расслаивание при движении [Кларк и др., 2009, с. 120]. Архитектор эпохи Возрождения Л.-Б. Альберти в своем трактате «Десять книг о зодчестве» также обращает внимание на «капризность» катков: «Если их будет числом много, то их трудно удерживать на параллельных линиях и в направлении намеченного пути, хотя это совершенно необходимо, чтобы они не сбили и не скатили тяжесть в сторону... Если их будет числом немного, то они обессилят, изнемоги под тяжестью, и, разъединившись, задержат ее; или словно острием будут врезаться и застревать либо в поверхности пути, либо в лежащей на них нижней поверхности тяжести» [Альберти, 1935, с. 189]. Аналогичные аргументы о проблематичности использования катков при транспортировке древних колоссов приводят специалисты по истории инженерного дела и трибологии¹ [Davison, 1961, с. 12; Dowson, 1979, с. 31–33].

Добавим, что применение катков без твердой основы непосредственно по земле при перемещении плит весом в десятки тонн в принципе невозможно, так как приведет к их проседанию в грунт под воздействием веса монолита и не позволит вращаться. Кроме того, во избежание скатывания катков вбок (при наличии твердой основы) необходимо, чтобы они были правильной цилиндрической формы, что при использовании сухостойных стволов лиственницы, найденных при раскопках Большого Салбыкского кургана, вряд ли

¹ Трибология – раздел физики, занимающийся исследованием и описанием контактного взаимодействия твердых тел при их относительном перемещении. Областью трибологических исследований являются процессы трения, изнашивания и смазки.

достижимо (ствол дерева – вытянутый конус). Применение катков зимой также наверняка было проблематичным – катки увязали бы в снегу и снежных переметах, которых в это время в Салбыкской степи предостаточно. Вероятно, катки могли использоваться тагарцами для транспортировки относительно небольших плит, предназначенных для оград курганов, когда соотношение веса, размеров камня и количества катков позволяло обеспечивать их вращение без увязания в земле.

На основании изложенных аргументов, а также с учетом изображенных деталей процесса транспортировки статуй на барельефах Древнего Востока трибологами сделан вывод о том, что преимущественным способом перемещения многотонных грузов все же являлось обеспечение хода грузовых саней по уложенным поперек их движения деревянным бревнам (брускам, балкам и т. п.) с использованием смазки в виде воды или масла [Davison, 1961, с. 12; Dowson, 1979, с. 31–33]. Так, на барельефе по перемещению египетской статуи (рис. 4) у ее подножия изображен рабочий, льющий смазку на брусья, рядом находятся другие рабочие, которые держат емкости со смазкой и несут брусок, предназначенный для укладки под сани. Л.-Б. Альберти также отмечает, что для «...подготовки пути мы очень легко достигнем того, что нам нужно, настилая балки, соразмерно объему, величине, толщине и весу тела... Между нижней частью груза и путем должно быть нечто посредствующее, делающее дорогу скользкой» [Альберти, 1935, с. 189]¹.

Строителями тагарских курганов в ходе транспортировки каменных стел на грузовых санях в качестве смазки могли использоваться вода, снег, животный жир, трава, которые при

нанесении на деревянную основу (бревна, брусья) снижали силу трения – основное препятствие, затрудняющее перемещение плит. При таком способе обеспечения скольжения важно, чтобы грунт был твердым. Из этого логично полагать, что работы по доставке плит к местам строительства салбыкских курганов производились зимой и ранней весной, а также летом, когда грунт максимально тверд. Осенью и весной это затруднительно из-за вязкости почвы в связи с дождями и таянием снега – топоним Салбык с хакасского (Салбых чазызы) – степь снежной воды [Бутинаев, 1995, с. 98]. Трудно судить о том, сколько времени требовалось для транспортировки той или иной плиты. Вероятно, на это влиял ряд факторов – отдаленность строящегося кургана от каменоломни, весовые характеристики камней, сезон, в который осуществлялась доставка, ресурсная база и т. п. Будучи ограниченными в сроках (до таяния снега либо до осенних дождей), какое-то количество блоков строителями доставлялось до места в течение сезона.

Здесь уместно прокомментировать бытующее мнение о доставке салбыкских стел на санях зимой по льду, которое следует признать несостоятельным. Истории архитектуры известны факты перемещения камней весом до 300 тонн на грузовых санях по искусственной ледяной дороге – таким способом из каменоломен транспортировались мегалиты для строительства дворцового комплекса Запретный город в Пекине в XV–XVI вв. Для организации их доставки предварительно выравнивалась трасса, которая зимой заливалась водой из колодцев, вырытых через каждые полкилометра по всему маршруту движения – около 70 км [Jiang Li и др., 2013, с. 20023–20027]. Однако в случае с транспортировкой салбыкских плит, несмотря на масштабы задействуемых при строительстве курганов ресурсов, представляется, что уровень развития орудий труда в тагарский период, их производительность вряд ли позволили бы провести работы по созданию инфраструктуры для сооружения и функционирования искусственной ледяной дороги протяженностью в километры. Возможность доставки воды в необходимых

¹ Пример использования смазки для перемещения платформы на полозьях с многотонным грузом по брускам имеется в новейшей истории. В 1929 г. из мраморной каменоломни в Апуанских Альпах транспортировалась 350-тонная конструкция с обелиском Муссолини. В качестве смазки использовалось жидкое мыло, наносившееся на брусья, по которым на полозьях двигалась груженная платформа, запряженная 72-мя волами [Mannoni L. и др., 1980, с. 215]. На кадрах фильма о транспортировке обелиска [https://dzen.ru/video/watch/634031fc28af8d0fc9365976] хорошо видно, что использовались специальные балки, а не катки.

объемах для заливки дороги из перемерзающих соленых озер и ключей Салбыкской степи также следует оценить как маловероятную.

Тяговая сила

И. Л. Кызласов [2008, с. 387] красочно описывает процесс транспортировки каменных стел: «Легко представить, какое оживление царило в Салбыкской долине, когда сотни быков в невероятном напряжении тащили огромные деревянные салазки с каменной глыбой, как сустились вокруг них люди, криками и ударами погонявшие животных».

Значение быков (волов) как транспортных и тяговых животных известно издавна, в том числе в тагарскую эпоху (рис. 1, 1–3). Этнографические материалы также свидетельствуют о преобладании хозяйственной роли волов над лошадьми в традиционных кочевых обществах [напр., Вайнштейн, 1972, с. 145–148]. В целом не вызывает сомнений, что в качестве основной тяговой силы при перемещении крупных плит в тагарскую эпоху также использовались быки (волы). Автором предпринята попытка расчета тяговой силы, а точнее количества быков, которое было необходимо для перемещения тагарских стел путем скольжения деревянных полозьев грузовых саней по деревянной основе, покрытой смазочным материалом.

В качестве образца для расчетов взята плита песчаника, которая находится в 1,08 км к югу от Большого Салбыкского кургана (координаты – N 53°53'04.78"/E 90°46'42.15"). Вероятно, камень тащили из каменоломни либо он был выворочен со своего первоначального места для переиспользования и, судя по размерам, предназначался для установки на одном из элитных курганов, скорее всего, в качестве выносной стелы¹, однако по каким-то причинам не был доставлен до пункта назначения (рис. 7). Плита имеет архитектурные элементы, присущие стелам

¹ Выносные камни тагарских элитных курганов устанавливались напротив середины западной стороны кургана на расстоянии, примерно равном длине боковой стороны ограды, и, в отличие от угловых и простеночных вертикальных стел ограды, как правило, имели вытянутую по вертикали форму, как и рассматриваемый образец.

тагарского кургана, – выраженный скос верхней грани к западу (при ее вертикальной установке), зауженная книзу подтрапециевидная форма. Горизонтальное положение плиты, когда открыта ее «подземная» часть, позволило провести замеры и расчеты, в результате которых установлены следующие параметры камня²: длина верхней грани – 3,47 м; нижней – 2,4 м; восточной – 7,73 м; западной – 7,4 м; максимальная толщина – до 0,85 м; примерный объем – 16 куб. м; плотность горной породы³ – 2560 кг/куб. м; масса (объем × плотность) – около 41 тонны.

Методической основой для расчетов тяговой силы явились исследования английского физика – специалиста в области трибологии Д. Доусона [Dowson, 1979, с. 36–38] по вычислению коэффициента трения дерева о дерево со смазывающим составом при транспортировке 60-тонной травертиновой статуи фараона Джехутихотепа, которую тянули 172 мужчины, изображенные на барельефе (рис. 4). Коэффициент трения (μ) вычислен Д. Доусоном по формуле:

$$\mu = \frac{F}{W} = \frac{172 \times 800}{600 \times 10^3} = 0,23$$

где: W – вес статуи 60 тонн (600 кН); F – сила трения, которую преодолевают 172 человека, при усилии одного человека, в среднем равном 800 Н; μ – коэффициент трения – 0,23.

Применительно к транспортировке тагарской стелы для определения количества волов, тянувших груженные сани, необходимо определить среднюю силу тяги одного животного. По устному сообщению М. В. Саблина (д-р биол. наук, Зоологический институт РАН), в первом тысячелетии до н.э. на территории

² Плита сильно задернована, нижняя плоскость почти полностью скрыта, поэтому провести замеры толщины по всей площади камня не представляется возможным, в связи с этим параметры толщины, объема и веса имеют усредненный характер. Расчеты проведены совместно с горным инженером-геологом Ермаковым В. М. – старшим преподавателем кафедры «Экология и география» Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова.

³ Плотность измерена методом гидростатического взвешивания трех образцов, взятых из разных слоев камня. Границы плотности песчаников – от 2000 до 2900 кг/куб. м (Ерофеев и др., 2006, с. 22).

Южной Сибири крупный рогатый скот имел средние размеры, в настоящее время по своим тягловым качествам наиболее близки к быкам (волам) тагарского времени местные аборигенные быки, разводимые в современных условиях Тувы. Масса последних, по наблюдениям зоологов, в среднем составляет 325 кг [Кужугет и др., 2017, с. 53–56]. Используя формулу $F = m \times g$ (где F – сила тяги, m – масса тела, g – ускорение свободного падения, равное $9,8 \text{ м/с}^2$), устанавливается средняя сила тяги одного животного – $F = 325 \times 9,8 = 3185 \text{ Н}$.¹

Таким образом, при известных весе стелы (41 тонна) и коэффициенте трения (0,23) количество волов (X) рассчитывается по формуле:

$$X = \frac{W \times 10^3 \times \mu}{F} = \frac{410 \times 10^3 \times 0,23}{3185} = 30 \text{ быков.}$$

То есть для транспортировки стелы массой в 41 тонну требовалось не менее 30 животных, запряженных в грузовые сани, при условии, что каждый бык тянет с одинаковой максимальной силой тяги. Однако при запряжке нескольких быков в одни сани расчетная сила тяги одного животного значительно уменьшается. Так, в Урочном положении по расчету строительных работ указывается, что при запряжке в повозку 8 животных расчетная масса груза, полагаемого на одно животное при тяге в одиночку, уменьшается на 50% [Урочное положение, 1916, с. 650–651]. Таким образом, не будет преувеличением утверждение, что для перемещения рассматриваемой тагарской стелы задействовалось более 60 волов. Очевидно, для транспортировки плит в каждом конкретном случае привлекалось количество животных, которое определялось, исходя из параметров камня и опыта доставки таких грузов. В любом случае это количество исчислялось десятками голов.

¹ Данная формула является основной для расчета силы тяги физических тел. Однако надо понимать, что универсальной формулы не существует, сила тяги определяется множеством факторов (конструкцией движителя, физическими условиями среды, рельефом и др.).

Организация движения

В этой связи возникают вопросы по организации движения такого числа животных, устройству их упряжи, сообщавшей передачу тяги к груженным саням. Иного варианта запряжки, кроме как цугом (друг за другом попарно, в шахматном порядке, либо цепочкой), трудно предположить (рис. 5–6). Сообщение о том, что данный вид упряжки использовался скифами, имеется у Псевдо-Гиппократата: «В такие повозки (с кибитками. – *Авт.*) запрягают они по 2 и 3 пары безрогих волов» [по: Латышев, 1947, с. 296].

Не исключено, что для увеличения силы тяги грузовые сани тянули две цепочки быков, двигавшихся параллельно, упряжь каждой из них прикреплялась к одному из полозьев. То есть применительно к нашему случаю в одной цепочке могло быть запряжено не менее 30 быков. Сила тяги, сообщаемая двумя упряжками по 30 животных, больше силы тяги одной упряжки в 60 голов. Синхронизация движения «степного локомотива» осуществлялась погонщиками. При таком способе транспортировки стел между замыкающими парами быков и грузовыми санями должен был оставаться промежуток в несколько метров, необходимый для подкладывания брусьев перед грузовыми санями и их смазывания в целях обеспечения безостановочного движения.

Можно только предполагать, сколько десятков человек задействовалось для обслуживания движения (погонщики скота, рабочие, укладывающие бревна под полозья, наносящие смазочный материал, бригадиры и т.п.), количество материально-технических средств, используемых при этом (бревна для обеспечения движения, бревна-рычаги, кожаные ремни, веревки, элементы упряжи и т.п.).

Сложно сказать, какой была упряжь быков – использовались ли для передачи тяги от животных к саням дышла, либо это была постромочная упряжь из толстых веревок либо ремней. На египетских изображениях по транспортировке каменного блока можно

увидеть надетые на волах ошейники, присоединенные лямками к тяжу, прикрепленному к полозу грузовых саней (рис. 6). Постробочная бычья запряжка в сани также представлена на тагарских петроглифах (рис. 1, 1–2). При раскопках Большого Салбыкского кургана экспедицией С.В. Киселева были обнаружены многочисленные фрагменты веревок из конского волоса [Марсадилов, 2010, с. 101, рис. 39, 1]. Такие веревки, особенно из волос хвоста лошади, у скотоводческих народов считались наиболее ценными и прочными [Вайнштейн, 1972, с. 255]. В свою очередь дышлавая запряжка для пары быков или лошади также была хорошо известна тагарцам, о чем свидетельствуют несколько петроглифов четырехколесных повозок этого периода [Савинов, 2002, с. 27–30]. В Ригведе [1999, с. 201] есть упоминания о вытянутом дышле, в которое впряжены десять животных (Мандала I, 164, 14). Возможно, что при транспортировке стел имели место оба вида упряжи – постробочная и дышлавая.

Интересно, что на фоне привлечения столь значительных ресурсов процесс доставки плит не нашел отражения в тагарском наскальном искусстве (по крайней мере, до настоящего времени такие сюжеты не известны). Это, в свою очередь, может являться дополнительным аргументом в пользу тезиса о том, что тагарские петроглифы иллюстрируют темы мифов, а не бытовую сторону жизни [Советова, 2005, с. 94], к которой, вероятно, относилось и строительство салбыкских элитных архитектурных ансамблей.

Проблема погрузки

Говоря о доставке плит к местам возведения курганов, коснемся вопроса погрузки камней на сани в каменоломне как начального этапа транспортировки. По мнению С.В. Киселева, каменоломни, где производилась добыча строительного материала для Большого Салбыкского кургана, было не менее двух [Киселев, 2016, с. 10] – на горе Хызыл-Хая (около 16 км к юго-западу от кургана) добывались плиты для стен ограды, камни для угловых и простеночных стел – в крутопадающих

обнажениях берегов Енисея в 70 км к востоку от кургана. По оценке доктора геологических наук А.М. Малолетко [2016, с. 61], изучавшего плиты Салбыка в составе экспедиции Государственного Эрмитажа, камни добывались в одном карьере или в очень близких по стратиграфии и расположению разрезах. В любом случае выявление каменоломен для салбыкских курганов требует самостоятельного изучения.

По мнению Я.И. Сунчугашева¹ и И.Л. Кызласова [2022, с. 14–20], исследовавших каменоломню на горе Хызыл-Хая, извлеченные из пласта горной породы блоки песчаника спускали к подножию горы по длинным деревянным бревнам, уложенным на спусковые трассы, которые были сооружены по склону (рис. 8). Внизу плиты дорабатывались до придания нужной формы и грузились на сани с помощью погрузочных эстакад. Последние представляют собой каменные блоки, вкопанные углом вверх таким образом, что их верхние грани образовывали две широкие наклонные плоскости по отношению к дневной поверхности, из чего и было высказано мнение о том, что это приспособления для погрузки плит на сани (рис. 9). На эстакады камни поднимались с помощью катков [Кызласов, 2022, с. 18].

В целом соглашаясь с авторами по вопросу погрузки с использованием эстакад, тем не менее отметим, что угол наклонной плоскости всех сооружений достаточно крут, если предположить, что каменные блоки затачивались на эстакады для последующей укладки на грузовые сани. Во всяком случае, представляется маловероятным, что это были погрузочные приспособления для блоков весом в десятки тонн. Для последних, возможно, сооружали земляные (дерновые?) пандусы с небольшим уклоном для затачивания и пологим спуском к грузовым саням по технологии, которая использовалась еще при возведении первых памятников архитектуры

¹ Отчет о работе археологической экспедиции Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1986 г. Абакан, 1987 (Документальный фонд Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова. КП-7095/999).

из мегалитов [Шуази, 2019, с. 7–8]. Не исключено, что каменные эстакады являлись основанием для таких пандусов, укрепляя вершину последних, на которую приходилась основная нагрузка, когда плита переваливалась от подъема к спуску на сани.

В настоящее время мы видим каменноломню Хызыл-Хая, какой ее оставили каменодобытчики после многолетней разработки – заваленную крупными блоками, сошедшими со спусковых трасс, камнями, отколотыми в результате вскрытия пластов. К началу своей разработки гора имела другие характеристики по углу склона, была менее замусорена обломками. Это позволяет предполагать, что технология спуска могла быть иной и менялась по мере разработки вертикального карьера. Не исключено, что первоначально угол склона мог быть близок к так называемому углу трения – максимальному углу подъема наклонной плоскости, при котором лежащий на ней груз удерживается на месте за счет сил трения. Незначительное изменение угла способствовало медленному спуску блока под собственным весом. При таком положении спуск не представлял значительной сложности, блок мог двигаться по подложенным брусам под воздействием рычагов с использованием сдерживающих приспособлений (каменных башмаков). Возможно, таким путем в месте добычи камня происходила его погрузка на сани и к подножию горы блок уже спускался готовым к транспортировке. Предложенная технология – пока лишь предположение и требует проверки и расчетов, для чего необходимо моделирование первоначального вида склонов Хызыл-Хая с привлечением геологов и маркшейдеров.

Заключение и перспективные направления

Проведенный выше анализ способов транспортировки крупных каменных плит, предназначенных для строительства элитных курганов Салбыкской степи, позволяет подвести некоторые итоги и наметить ряд актуальных направлений в изучении строительных технологий тагарской культуры.

Как мы попытались обосновать, преимущественным способом доставки блоков, предназначенных для установки в качестве вертикальных стел в оградах курганов, являлось движение грузовых саней по деревянной основе с нанесенным на ней смазывающим составом, которые тянули десятки быков (волов), запряженных цугом. Данный способ доставки, вероятно, был характерен в первую очередь для наиболее крупных каменных блоков весом в десятки тонн. Для перемещения камней меньшего размера наверняка сочетались различные виды транспортировки – с использованием катков, волоком, на грузовых санях, колесном транспорте (при раскопках Большого Салбыкского кургана обнаружен фрагмент деревянного изделия, которое С. В. Киселев интерпретировал как возможную часть телеги¹ [прорисовка по фото – Марсадолов, 2010, с. 101, рис. 39, 3]).

Предложенный автором опыт по расчету тягловой силы носит экспериментальный характер и в какой-то степени является развитием подходов С. В. Киселева к вопросам реконструкции производственных ресурсов тагарского общества, необходимых для строительства салбыкских погребальных комплексов [Дэвлет, 1976, с. 152]. Полученные результаты наглядно свидетельствуют о масштабности транспортных работ, связанных с доставкой только одной стелы к месту возведения курганного архитектурного ансамбля. Учитывая, что одновременно таких стел могло транспортироваться несколько, количество людей и животной тягловой силы, задействованных в этом процессе, в очередной раз дает представление об исключительности салбыкских архитектурных комплексов, демонстрирующих высокий уровень социально-административного развития и организации тагарского общества.

Тема транспортировки крупных камней для строительства элитных погребальных памятников Салбыкской степи затрагивает ряд актуальных и малоизученных вопросов.

¹ Салбыкский курган. Фотографии Салбыкской экспедиции (Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. № 1046).

1. Основным из них является выявление и исследование тагарских каменоломен, где добывали и откуда доставляли блоки для стел и оград салбыкских курганов. К настоящему времени достоверно установлена только одна – на горе Хызыл-Хая, хотя очевидно, что при таком количестве погребальных ансамблей в Салбыкской степи их число не ограничивалось одним карьером. Еще С.В. Киселев [2016, с. 10] высказывал мнение об одновременной разработке нескольких каменоломен, каждая из которых имела свою «специализацию» – добычу блоков для вертикальных стел (угловых, простеночных, выносных) и для плит ограды. К сожалению, древние разработки в окружении Салбыкской степи сильно видоизменены или уничтожены в результате промышленной добычи камня в первой половине XX века (например, карьеры Кунинского и Капчальского месторождений песчаников разрабатывались для нужд жилищного строительства, на точильные бруски и жернова [Евсеев, 1938, с. 483–484]).

2. До настоящего времени отсутствует практика петрографического изучения каменоломен (той же Хызыл-Хая) и привязки к ним конкретных салбыкских курганов, на что уже обращалось внимание исследователями [Малолетко, 2016, с. 61]. Это позволило бы не только соотнести курганы с местами добычи камня, но и определить транспортные возможности тагарцев, исходя из отдаленности каменоломен от строящихся объектов.

3. Каменоломня Хызыл-Хая, как уникальный памятник, характеризующий производительные силы тагарской культуры, изучен фрагментарно, и до сих пор ее подробного описания не имеется. Гора постепенно подвергается естественному разрушению, в результате чего утрачиваются детали, позволяющие реконструировать технологию добычи, спуска и погрузки плит, смоделировать первоначальный вид склонов.

Приближение к решению этих вопросов будет способствовать изучению строительных технологий тагарской культуры при сооружении салбыкских курганов.

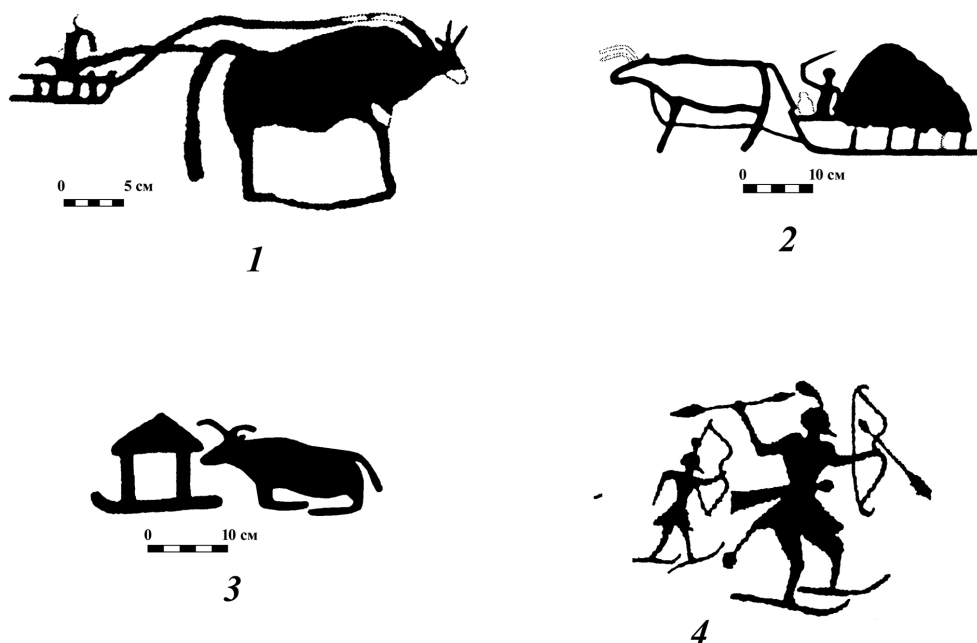

Рис. 1. Некоторые изображения тагарских полозовых средств передвижения: 1 – изображение саней с горы Хызыл-Хая в долине р. Уйбат; 2, 3 – изображение саней с передвижным жилищем с Боярского хребта на правом берегу р. Енисей; 4 – изображение лыжника с Четвертого Сундука на р. Белый Июс. [Рис. 1–3 по Есин, 2019, с. 145, рис. 1, 2; рис. 4 по Советова, 2005, с. 133, табл. 27, рис. 11]

Fig. 1. Some images of Tagar sledge vehicles: 1 – image of a sledge from Mount Khyzyl-Khaya in the Uibat River valley; 2, 3 – image of a sledge with a mobile home from the Boyar Ridge on the right bank of the Yenisei River; 4 – image of a skier from the Fourth Chest on the Belyi Iyus River (Fig. 1–3 according to Esin, 2019, fig. 1, 2; Fig. 4 according to Sovetova, 2005, table 27, fig. 11)

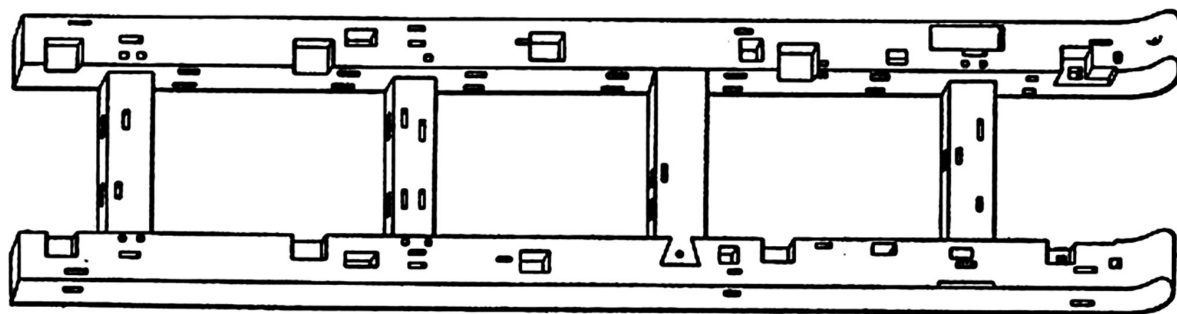

Рис. 2. Деревянные грузовые сани для перевозки тяжестей из Дашура, Древний Египет, период Среднего царства (длина – 4,21 м, ширина – 0,8 м), использовались в том числе для транспортировки каменных блоков, статуй [по Лурье и др., 1939, с. 229, рис. 119]

Fig. 2. Wooden cargo sledge for transporting heavy loads from Dashur, Ancient Egypt, the period of the Middle Kingdom (length – 4.21 m, width – 0.8 m), were used for transporting stone blocks, statues as well [according to Lurie et al., 1939, fig. 119]

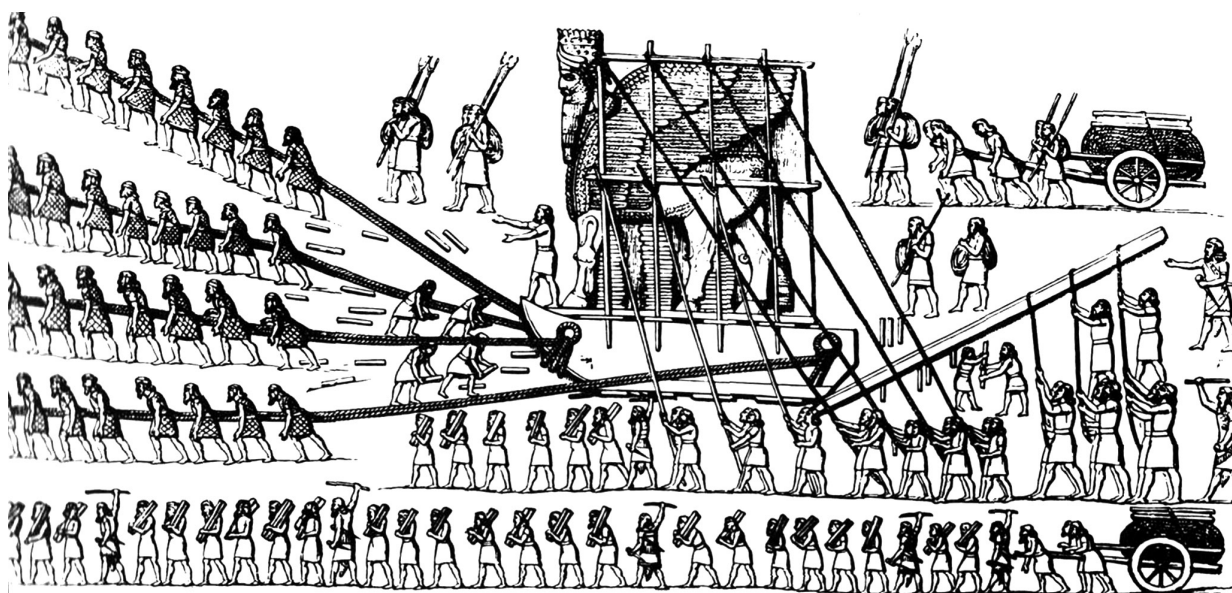

Рис. 3. Транспортировка статуи быка с человеческой головой, Ассирия, Куюнджик, около 700 года до н.э. [по Dowson, 1979, с. 33, рис. 4.14]

Fig. 3. Transportation of the bull statue with a human head, Assyria, Kuyunjik, about 700 BCE [according to Dowson, 1979, p.33, fig. 4.14]

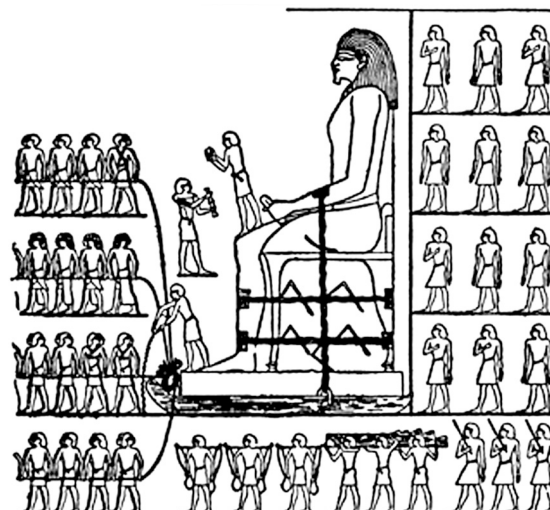

Рис. 4. Транспортировка травертиновой статуи Джехутихотепа II, Древний Египет, эпоха XVIII династии, фрагмент барельефа [по Кларк и др., 2009, с. 116, рис. 37]

Fig. 4. Transportation of the travertine statue of Djehutihotep II, Ancient Egypt, the epoch of the 18th dynasty, a fragment of the bas-relief [according to Clark et al., 2009, p. 116, fig. 37]

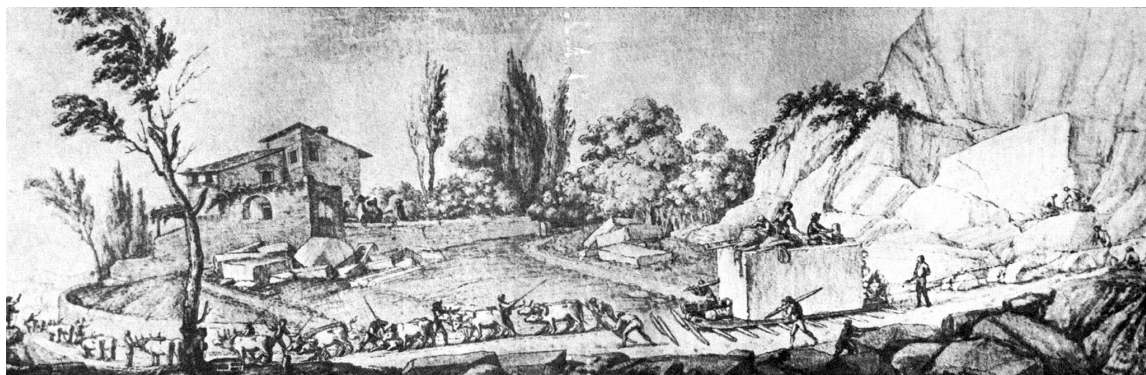

Рис. 5. Картина С. Сальвиони. Перевозка мрамора на санях в Карраре (начало XIX века). На картине изображена технология транспортировки блока мрамора на грузовых санях по деревянным балкам, которые укладывались попарно. Сани тянут не менее девяти пар волов [по Mannoni L. и др., 1980, с. 99, рис. 146]

Fig. 5. Painting by S. Salvioni. Transportation of marble by sleigh in Carrara (the early 19th century). The painting depicts the technology of transporting a block of marble on a cargo sledge along wooden beams that were stacked in pairs. The sledge is pulled by at least nine pairs of oxen [according to Mannoni L., et al., 1980, p. 99, fig. 146]

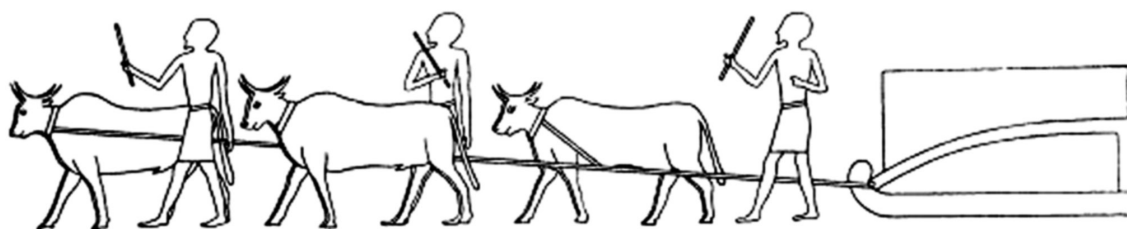

Рис. 6. Транспортировка каменного блока на грузовых санях, запряженных волами. Древний Египет, период Среднего царства [по Лурье и др., 1939, с. 229, рис. 120]

Fig. 6. Transportation of a stone block on a freight sledge drawn by oxen. Ancient Egypt, the period of the Middle Kingdom [according to Lurie et al., 1939, p. 229, fig. 120]

Рис. 7. Плита песчаника, установка которой, вероятно, предполагалась в качестве выносной стелы на одном из элитных курганов Салбыкской степи (фото А.Г. Акулова)

Fig. 7. Sandstone slab, the installation of which was probably intended as an outrigger stele on one of the elite mounds in the Salbyk Steppe (photo by A. G. Akulov)

Рис. 8. Каменоломня Хызыл-Хая. Вид на одну из спусковых трасс на склоне горы [по: Кызласов, 2022, с. 16, рис. 32]

Fig. 8. The Khyzyl-Khaya quarry. View of one of the downhill slopes on the mountainside [according to: Kyzlasov, 2022, p. 16, fig. 32]

Рис. 9. Одна из погрузочных эстакад на фоне каменоломни Хызыл-Хая [по Кызласов, 2022, с. 20, рис. 41]. Представленная на фото эстакада состоит из двух вкопанных углом блоков песчаника, имеет высоту 1,4 м

Fig. 9. One of the loading decks against the background of the Khyzyl-Khaya quarry [according to Kyzlasov, 2022, p. 20, fig. 41]. The deck shown in the photo consists of two sandstone blocks dug cornerwise and is 1.4 m high

Источники

- Салбыкский курган. Фотографии Салбыкской экспедиции // Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ф. 3. Оп. 2. Д. № 1046.
- Сунчугашев Я. И. Отчет о работе археологической экспедиции Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 1986 году. Абакан, 1987. Документальный фонд Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова. КП-7095/999.

Литература

- Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. Т. 1 / пер. В. П. Зубова. М.: Изд-во всесоюзной Академии архитектуры, 1935. 392 с.
- Балабина В. И. Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Виталия Васильевича Волкова. М.: Институт археологии РАН, 2004. С. 180–213.
- Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: [б.и.], 1995. 268 с.
- Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972, 314 с.
- Дэвлет М. А. Большой Салбыкский курган – могила племенного вождя // Из истории Сибири. Материалы совещания по проблеме «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири» (Томск, 17–22 марта 1975 г.). Вып. 21. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1976. С. 146–154.
- Евсеев М. Ф. Песчаники // Полезные ископаемые Красноярского края. Красноярск: Красноярское краевое гос. изд-во, 1938. С. 483–496.
- Ерофеев Л. Я., Вахромеев Г. С., Зинченко В. С., Номоконова Г. Г. Физика горных пород: учебник для вузов. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2006. 515 с.
- Есин Ю. Н. О древних санях на юге Сибири // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сборник научных статей IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2019. С. 144–147.
- Киселев С. В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: [б.и.], 2016. С. 6–15.
- Кларк С., Энгельбах Р. Строительство и архитектура в Древнем Египте. М.: Центрполиграф, 2009. 367 с.
- Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985. С. 169–182.
- Кужугет Е. К., Монгуш С. Д., Биче-Оол С. Х., Хомушку Ч. М. Закономерности роста и развития молодняка местного аборигенного скота в условиях Республики Тыва // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. ФГБНУ «Научно-исследовательский институт аграрных проблем Хакасии» (Абакан, 2–4 декабря 2015 г.). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2017. С. 53–56.
- Кызласов И. Л. Каменоломня в скале Хызыл-Хая // Кызласов И. Л. Древности Хакасии. М.: Институт археологии РАН, 2022. С. 14–20.
- Кызласов И. Л. Тайна царской гробницы // Сокровища культуры Хакасии. Наследие народов Российской Федерации. Вып. 10. М.: Научно-информационный издательский центр, 2008. С. 386–391.
- Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 249–332.
- Лурье И. М., Ляпунова К. С., Матъе М. Э., Пиотровский Б. Б., Флитнер Н. Д. Очерки по истории техники Древнего Востока. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. 353 с.
- Малолетко А. М. Плиты каменной ограды Большого Салбыкского кургана // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях. Абакан: [б.и.], 2016. С. 54–62.
- Марсadolов Л. С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2010. 128 с. ил.
- Ригведа. Мандалы I–IV / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1999. 768 с.
- Савинов Д. Г. Изображение четырехколесной повозки на плите из могильника Есино V // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. 5. Кемерово, 2002. С. 27–30.
- Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

- Транспортировка обелиска Муссолини весом 350 тонн в 1929 году | Антропогенез.РУ [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/634031fc28af8d0fc9365976> (дата обращения: 23.01.2024).
- Урочное положение. Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ. Составил инженер-архитектор граф Н. И. де-Рошефор. Петроград, 1916. 694 с.
- Шуази О.** Всеобщая история архитектуры. От доисторической эпохи до романской архитектуры. М.: Изд-во АСТ, 2019. 512 с.
- Davison C. ST.C.** Transporting Sixty-Ton Statues in Early Assyria and Egypt. In: *Technology and culture*. Volume II, Number 1, Winter 1961. Pp. 11–16.
- Dowson D.** History of tribology. London; New York: Longman, 1979. 677 pp.
- Jiang Li, Haosheng Chen, Howard A. Stone.** Ice lubrication for moving heavy stones to the Forbidden City in 15th- and 16th-century China. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. December 10, 2013, vol. 110, no. 50, pp. 20023–20027.
- Mannoni L., Mannoni T.** Marmor: Material und Kultur. München: Callwey, 1980. 234 s.
- Alberti L. B.** Desyat' knig o zodchestve. T. 1 (perevod Zubova V.P.) [Ten books on architecture. Vol. 1 (translated by V.P. Zubov)]. Moscow, 1935, Publishing House of the All-Union Academy of Architecture, 392 pp. (In Russian).
- Balabina V.I.** Glinyanye modeli sanei kul'tury Kukuten'-Tripol'e i tema puti [Clay models of sledges of the Kukuten-Tripoli culture and the theme of the way]. In: Monuments of archaeology and ancient art of Eurasia. In memory of Vitaly Vasilyevich Volkov. Moscow, 2004, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 180–213. (In Russian).
- Butanaev V. Ya.** Toponimicheskii slovar' Khakassko-Minusinskogo kraia [Toponymic Dictionary of the Khakass-Minusinsk Region]. Abakan, 1995, n/p, 268 pp. (In Russian).
- Choisy O.** Vseobshchaya istoriya arkhitektury. Ot doistoricheskoi epokhi do romanskoi arkhitektury [The universal history of architecture. From the prehistoric era to Romanesque architecture]. Moscow, 2019, AST Publishing House, 512 pp. (In Russia).
- Clark S., Engelbach R.** Stroitel'stvo i arkhitektura v Drevnem Egipte [Construction and architecture in Ancient Egypt]. Moscow, 2009, Tsentrpoligraf, 367 pp. (In Russian).
- Davison C. ST.C.** Transporting Sixty-Ton Statues in Early Assyria and Egypt. *Technology and culture*. 1961, vol. 2, no. 1, pp. 11–16. (In English).
- Devlet M.A.** Bol'shoi Salbykskii kurgan – mogila plemennogo vozhdya [The Great Salbyk Mound – the tribal leader's grave]. In: From the history of Siberia. Materials of the meeting on the problem «Economics and Social Structure of the Ancient Population in Western Siberia». Vol. 21. Tomsk, 1976, Tomsk State University Press, pp. 146–154. (In Russian).
- Dowson D.** History of tribology. London, New York, 1979, Longman, 677 pp. (In English).
- Erofeev L. Ya., Vakhromeev G. S., Zinchenko V. S., Nomokonova G. G.** Fizika gornykh porod: uchebnyk dlya vuzov [Rock physics: textbook for universities]. Tomsk, 2006, Tomsk Polytechnic University Publishing House, 515 pp. (In Russian).
- Esin Yu.N.** O drevnikh sanyakh na yuge Sibiri [On ancient sledges in South Siberia]. In: Nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research: Collection of Scientific Articles of the 4th International Congress of Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes. Book 2. Ulan-Ude, 2019, Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, pp. 144–(In Russian).
- Evseev M.F.** Peschaniki [Sandstones]. In: Minerals of the Krasnoyarsk Territory. Krasnoyarsk, 1938, Krasnoyarsk Regional State Publishing House, pp. 483–496. (In Russian).
- Jiang Li, Haosheng Chen, Howard A. Stone.** Ice lubrication for moving heavy stones to the Forbidden City in 15th- and 16th-century China. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. December 10, 2013, vol. 110, no. 50, pp. 20023–20027. (In English).
- Kiselev S.V.** Otchety o raskopkakh Bol'shogo Salbykskogo kurgana za 1954–1956 gody [Reports on the excavations of the Great Salbyk Mound for 1954–1956]. In: The Great Salbyk Mound and archaeological sites in its vicinity. Abakan, 2016, n/p, pp. 6–15. (In Russian).
- Kozhin P.M.** K probleme proiskhozhdeniya kolesnogo transporta [On the problem of the origin of wheeled transport]. In: Ancient Anatolia. Moscow, 1985, Nauka, pp. 169–182. (In Russian).
- Kuzhuget E.K., Mongush S.D., Biche-Ool S.Kh., Khomushku Ch.M.** Zakonomernosti rosta i razvitiya molodnyaka mestnogo aborigennogo skota v usloviyakh Respubliki Tyva [Patterns of

- growth and development of young animals of local aboriginal cattle in the conditions of the Republic of Tuva]. In: Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference with International Participation. Scientific Research Institute of Agrarian Problems of Khakassia. Abakan, 2017, N.F. Katanov Khakass State University Press, pp. 53–56. (In Russian).
- Kyzlasov I.L.** Kamenolomnya v skale Khyzyl-Khaya [Quarry in the Khyzyl-Khaya Mountain]. In: I.L. Kyzlasov. Antiquities of Khakassia. Moscow, 2022, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 14–20. (In Russian).
- Kyzlasov I.L.** Taina tsarskoi grobnitsy [The secret of the royal tomb]. In: Khakassia's treasures of culture. Heritage of the peoples in the Russian Federation. Issue 10. Moscow, 2008, Scientific and Information Publishing Center, pp. 386–391. (In Russian).
- Latyshev V.V.** Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Chast' pervaya. Grecheskie pisateli [News of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus. Part 1. Greek writers]. Bulletin of Ancient History, 1947, no. 2. pp. 249–332. (In Russian).
- Lurie I.M., Lyapunova K.S., Mathieu M.E., Piotrovsky B.B., Flittner N.D.** Ocherki po istorii tekhniki Drevnego Vostoka [Essays on the history of technology in the Ancient East]. Moscow, 1939, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 353 pp. (In Russian).
- Maloletko A.M.** Plity kamennoi ogrady Bol'shogo Salbykского кургана [Plates of the stone fence on the Great Salbyk Mound]. In: The Great Salbyk Mound and archaeological sites in its vicinity. Abakan, 2016, n/p, pp. 54–62. (In Russian).
- Mannoni L., Mannoni T.** Marmor: Material und Kultur. München, 1980, Callwey, 234 pp. (In German).
- Marsadolov L.S.** Bol'shoi Salbykский курган в Khakasii [The Great Salbyk Mound in Khakassia]. Abakan, 2010, Khakass Book Publishing House, 128 pp. (In Russian).
- Rigveda. Mandaly I–IV. Izdanie podgotovila T.Ya. Elizarenkova [The Rigveda. Mandalas 1–4. The publication was prepared by T.Ya. Elizarenkova]. Moscow, 1999, Nauka, 768 pp. (In Russian).
- Salbykский курган. Fotografii Salbykской экспедиции [The Great Salbyk Mound. Photos of the Salbyk expedition]. The Manuscript Fund of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. F. 3. L. 2. F. No. 1046. (In Russian).
- Savinov D.G.** Izobrazhenie chetyrehkolesnoi povozki na plite iz mogil'nika Esino V [Image of a four-wheeled cart on a slab from Esino 4 burial ground]. Bulletin of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art. Kemerovo, 2002, no. 5, pp. 27–30. (In Russian).
- Sovetova O.S.** Petroglify tagarskoi epokhi na Enisee (syuzhety i obrazy) [Petroglyphs of the Tagar epoch on the Yenisei (plots and images)]. Novosibirsk, 2005, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 140 pp. (In Russian).
- Sunchugashev Ya.I.** Otchet o rabote arkheologicheskoi ekspeditsii Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii v 1986 godu [Report on the work of the archaeological expedition of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History in 1986]. L.R. Kyzlasov Archive of the Khakass National Museum of Local Lore. Abakan, 1987, F. No. 7095/999. (In Russian).
- Transportirovka obeliska Mussolini vesom 350 tonn v 1929 godu [Transportation of the Mussolini obelisk weighing 350 tons in 1929]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/634031fc28af8d0fc9365976> (accessed on January 23, 2024). (In Russian).
- Urochnoe polozhenie. Posobie pri sostavlenii i proverke smet, proektirovanii i ispolnenii rabot. Sostavil inzhener-arkhitektor graf N.I. de Rochefort [The Building Regulation. A manual for the preparation and verification of estimates, design and execution of works. Compiled by the architectural engineer Count N.I. de Rochefort]. Petrograd, 1916, 694 pp. (In Russian).
- Weinstein S.I.** Istoricheskaya etnografiya tuvintsev. Problemy kochevogo khozyaistva [The Tuvans' historical ethnography. Problems of nomadic economy]. Moscow, 1972, Nauka, 314 pp. (In Russian).

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В САГАЙСКОЙ СТЕПИ В 2023 г.

А. А. Тимошенко¹, А. В. Выборнов², Р. В. Давыдов³, А. К. Мамаева⁴, А. А. Морозов⁵, В. А. Долганов⁶, И. С. Половников⁷

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; email: timoshenko@archaeology.nsc.ru

² Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; email: vybornov@archaeology.nsc.ru

³ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; email: puer-viro@mail.ru

⁴ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; email: polis.sib@gmail.com

⁵ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; email: morozov07archeologue@yandex.ru

⁶ Независимый исследователь, Екатеринбург, email: vadolganov@mail.ru

⁷ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; email: polis.sib@gmail.com

В статье дается краткий обзор исследований Аскизской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2023 г. в зоне строительства второго пути железной дороги Междуреченск – Тайшет. Спасательные полевые работы проведены на площади погребальных и стояночных комплексов Южно-Минусинской котловины в левобережной долине Абакана от разъезда Чартыковский до станции Камышта. В 2023 г. изучен курган тагарской и тесинской культур Чартыковский-2, часть крупного могильника периода поздней бронзы Станция Камышта-7 и нарушенная часть небольшой стоянки периода поздней бронзы – этнографической современности Станция Камышта-6.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, река Камышта, период поздней бронзы, карасукская культура, тагарская культура, тесинская культура, средневековье.

Публикация подготовлена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 «Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов».

RESCUE ARCHAEOLOGICAL WORK OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES IN THE SAGAI STEPPE IN 2023

Aleksei A. Timoshchenko¹, Anton V. Vybornov², Roman V. Davydov³, Aleksandra K. Mamaeva⁴, Anatoly A. Morozov⁵, Vadim A. Dolganov⁶, Ivan S. Polovnikov⁷

¹ The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia; email: timoshenko@archaeology.nsc.ru

² The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia; email: vybornov@archaeology.nsc.ru

³ The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia; email: puer-viro@mail.ru

⁴ The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia; email: polis.sib@gmail.com

⁵ The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia; email: morozov07archeologue@yandex.ru

⁶ Independent researcher, Yekaterinburg, email: vadolganov@mail.ru

⁷ The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia; email: polis.sib@gmail.com

The article provides a brief overview of the research of the Askiz archaeological expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2023 in the construction zone of the second track of the Mezhdurechensk-Taishet railway. Rescue field work was carried out on the area of the burial and settlement complexes of the Southern-Minusinsk Basin in the left-bank valley of the Abakan River from the Chartykov crossing to the Kamyshta Station. In 2023, the researchers studied mounds of the Tagar and Tes cultures in Chartykov-2 site, part of a large burial ground of the Late Bronze Age in Kamyshta-7 Station and the destroyed part of a small settlement site of the Late Bronze Age – ethnographic modernity of Kamyshta-6 Station.

Keywords: Khakass-Minusinsk Basin, Kamyshta River, Late Bronze Age, Karasuk culture, Tagar culture, Tes culture, Middle Ages.

The publication was prepared within the framework of the research project of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences FWZG-2022-0007 "Geochronology of cultural and historical processes in the Pleistocene-Holocene of North Asia based on the comprehensive study of geoarchaeological objects".

Введение

В 2023 г. были продолжены спасательные археологические работы в зоне строительства второго пути железной дороги Междуреченск – Тайшет (рис. 1). Ранее ИАЭТ СО РАН в сотрудничестве с НПО АИКЭ на участках землеотвода на перегонах Чартыковский-Камышта и Камышта-Уйтак были выявлены археологические объекты, по которым разработаны необходимые мероприятия для их сохранения. В 2023 г. проведены археологические исследования, позволившие сформировать корпус источников и полностью исследовать территорию памятников, разрушаемую в ходе строительства. Все три исследованных памятника расположены в части Южно-Минусинской котловины, обозначаемой как Сагайская степь – территория вдоль левобережья р. Абакан, от долины р. Аскиз на юго-западе до р. Камышта и г. Уйтаг на северо-востоке, ограниченная серией хребтов на северо-западе. В настоящее время ландшафт этой местности значительно изменен железными и автомобильными дорогами, многочисленными каналами, в т.ч. большим Сагайским магистральным каналом, а также сельскохозяйственными работами, хозяйственными и жилыми строениями. Но на всем пространстве от берега Абакана до подножия хребтов Сарж и Люсхол ярко выделяются крупные насыпи курганов

тагарской и тесинской культур. Могильники здесь не такие плотные, как южнее, в Могильной степи, или севернее – на северном и западном склонах г. Уйтаг. Судя по раскопкам в зоне строительства железной дороги, курганы раннего железа в Сагайской степи также многочисленны, но в настоящее время менее выражены. Могильники же предшествующих эпох практически не видны. Особенно выразителен контраст большей части «разреженных» курганов Сагайской степи на фоне очень плотного и крупного могильника Усть-Камышта-1 у выхода русла р. Камышта из «зажима» между горами Сарж и Уйтаг [Лазаретов и др., 2023, с. 109–110].

В настоящей публикации приводится краткий обзор результатов работ. Материалы раскопок предварительно опубликованы [Тимощенко и др., 2023; Тимощенко, Выборнов, 2023].

Материалы спасательных археологических полевых работ Одиночный курган Чартыковский-2

В 2023 г. у разъезда Чартыковский раскопом был исследован объект археологического наследия Одиночный курган Чартыковский-2, который расположен в 100 м к северу от разъезда Чартыковский, в 40 м к северо-западу от откоса железнодорожных путей. Курган нахо-

дится между полосой плотной посадки кустарников вдоль железной дороги и оросительным каналом.

Курган Чартыковский-2 был открыт разведкой ИАЭТ СО РАН при сотрудничестве с НПО АИКЭ (Абакан) в 2021 г. На основании внешнего вида памятник отнесен к тагарской культуре (VIII–III вв. до н. э.).

На современной дневной поверхности видно, что часть северной стенки и весь северо-западный угол кургана разрушены при строительстве канала, проходящего параллельно железной дороги. Части каменной ограды на современной дневной поверхности проявляются верхней частью пяти угловых и простеночных камней – три по южной стенке, один в центре восточной, один в северо-восточном углу. Стелы ориентированы плоскими сторонами по линии север-юг с отклонением около 340°. Курган состоит из трех каменных оград, сформированных из вертикальных плит, и центральной могилы с каменной обкладкой и плитами перекрытия (рис. 2).

Внешняя ограда из вертикально вкопанных плиток, прямоугольной формы, восточная и западная стенки по 12 м, южная – 9 м. Судя по остаткам угловых и простеночных камней (часть уничтожена при строительстве канала), внешняя ограда относится к так называемым «восьмикаменным» курганам. Ограда отличается относительно небольшими размерами плит и глубиной закапывания (высотой 0,7–1,0 м, вкопаны на глубину не более 0,4 м). По центру восточной стенки расположен вход с «коридором». В 2,7 м к югу от входа найдена горизонтально уложенная плита. На всех угловых и простеночных камнях отмечены следы выбивки: пара антропоморфных фигур на восточной экспозиции северо-восточной стелы; тамгообразные знаки в виде дуги концами вверх и горизонтальной линией снизу на северной стороне юго-восточной стелы.

Средняя ограда отступает от внешней на 0,5–1,2 м, соответствующих размеров и формы. Плиты этой ограды заметно больше по размеру и глубже вкопаны, чем элементы внешней ограды. В центре южной стенки

расположен уплощенный валун со следами выбивки в форме трехчастной личины.

Внутренняя ограда окружает каменную обкладку и перекрытие могильной ямы. Ограда была сформирована из плиток, близких по размеру и глубине закапывания камням внешней ограды.

Могила расположена в центральной части, напротив входа. Яма прямоугольной формы, ориентирована длинными сторонами по линии восток-запад. Размеры по кровле: длина – 3 м, ширина – 2,5 м, глубина – 1 м от кровли ямы под каменной обкладкой. Стенки могильной ямы обложены плитами и обломками породы. По внешнему контуру ямы была сформирована кладка из плит и обломков породы, на которую были уложены плиты перекрытия. С западной стороны надмогильного покрытия были установлены вертикально два вытянутых валуна со следами выбивки и краски. На плитах обкладки стенок могилы и плите перекрытия обнаружены антропоморфные изображения.

В заполнении могильной ямы и на дне обнаружены переотложенные кости людей (не менее трех погребенных, в том числе дети), животных, фрагменты керамических сосудов и бронзовых изделий. Также обнаружены остатки истлевших деревянных жердей. Найдено несколько сферических и цилиндрических небольших бусин из камня, стекла и пасты (?). Виды орнамента сосудов: рубчатая лопатка в верхней части; ряд кольцевых вдавлений по верхней части; прочерченная ровная прямоугольная линия; узкие каннелюры под слегка заостренным венчиком.

Комплекс из трех оград кургана Чартыковский-2 весьма необычный и явно отражает несколько этапов сооружения. Предположительно, курган был сооружен носителями раннетагарской культуры и перестроен в тесинское время. Судя по отсутствию в могиле анатомически целых костяков и типично тесинских предметов, целью нарушения кургана и его изменения было не создание нового погребального комплекса, а формирование культового объекта с иным символическим содержанием.

Моги́льник Станция Камы́шта-7

Моги́льник Станция Камы́шта-7 расположен на северной окраине Сагайской степи, на небольшом незатапливаемом возвышении над высокой поймой р. Камышта, на расстоянии около 1 км к юго-востоку от подножия г. Сарж (рис. 3). Это равнинная поверхность со слабым уклоном в сторону русла Абакана.

Согласно материалам разведки, моги́льник представлен слабовыраженными на современной поверхности следами каменных конструкций курганов, отнесенных к периоду поздней бронзы. В ходе раскопок выяснилось, что основная часть объектов никак не была выражена на современной поверхности – они были покрыты отвалами грунта из срезов под железную дорогу, разделившую моги́льник на две части, а также окружающими оросительными каналами.

В пределах раскопа выявлены разной степени сохранности остатки каменных конструкций курганов, связываемых с периодом поздней бронзы. Моги́льник относительно плотный, максимальное расстояние между курганами не превышает 15 м. Плотность погребальных объектов понижается к южной и северной окраинам раскопа и моги́льника.

В 2023 г. на моги́льнике Станция Камы́шта-7 изучено 283 конструкции (109 одиночных и 174 объединенных в группы до семи вплотную построенных сооружений), 293 погребения.

На основании конструктивных особенностей и характеристик погребального обряда предварительно выделяется четыре группы объектов-курганов.

Первая группа – сооружения с прямоугольной оградой из вертикально вкопанных плиток песчаника, без заполнения, с погребениями в каменных ящиках в центре периметра, с перекрытиями из горизонтально уложенных плит песчаника. Ограды подквадратной формы, редко встречаются вытянутые. Сооружения ориентированы по оси юго-запад – северо-восток. К этой группе относятся как одиночные, так и несколько смежных оград. Погребенный уложен либо в центральной части могилы вытянуто на спине или левом

боку, либо вдоль юго-восточной стенки вытянуто или скорчено на левом боку. Напротив погребенного, в западном углу, установлены 1–2 керамических сосуда. Вдоль северо-западной стенки располагались кости рога того скота (погребальная пища в виде частей коровы или барана).

Вторая группа – прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плиток песчаника с заполнением из обломочного камня, уложенного в один ряд. В большинстве случаев в центральной части над могилой остается свободное пространство. Ограды как одиночные, так и пристроенные друг к другу в рамках курганов, содержащих до шести сооружений. Зафиксированы подквадратные и вытянутые прямоугольные формы. В основном ограды вытянуты по оси юго-запад – северо-восток. В границах ограды находятся одна или две могилы, ориентированные по линии юго-запад – северо-восток, содержащие каменный ящик с перекрытием из плитняка и обломочного камня. В могиле один погребенный, расположенный вытянуто или скорчено на левом боку вдоль юго-восточной стенки. Напротив покойного, в западном углу, располагался один керамический сосуд, вдоль северо-западной стенки – заупокойная пища (кости рога того скота).

Третья группа – сооружения в виде оград из обломочного камня. Ограды одиночные или пристроены друг к другу, до семи конструкций в одном кургане. Выделяются два варианта: ограды с пустым пространством внутри периметра (подквадратные и округлые или вытянутые формы) и округлые ограды со сплошным заполнением. Внутри оград расположено по одной могиле в каменном ящике с перекрытием из плит или обломков породы – в центре либо со смещением к северо-восточной или юго-восточной стенкам. Могилы ориентированы по оси юго-запад – северо-восток. Варианты расположения погребенного – вытянуто на спине или вытянуто или скорчено на левом боку, в центральной части или у юго-восточной стенки ящиков. Керамический сосуд и заупокойная пища помещались вдоль северо-западной стенки или в западном углу.

Четвертая группа – сооружения в виде прямоугольных оград, выложенных из обломочного камня в один ряд. Ограды квадратной или прямоугольной формы, одиночные или примыкающие. Внутри – выкладки из обломков породы, покрывающие одну могилу с перекрытием из обломков породы в один слой. Часть могильных ям имеет обкладку контура на уровне древней дневной поверхности. Ямы ориентированы по оси юго-запад – северо-восток. Погребенный уложен головой на юго-запад вытянуто на спине (редко на боку) в центральной части ямы (редко – у юго-восточной стенки). Один или два керамических сосуда и остатки погребальной пищи, как и в других типах, размещались напротив тела, как правило, вдоль северо-западной стенки (сосуды в западном углу).

Вне оград обнаружены также могилы без дополнительных конструкций. Часть из них была разрушена, в некоторых случаях отсутствовали изначально. Конструкция и содержание могильных ям подобны погребениям в оградах.

Судя по раскопкам 2023 г., исследована центральная, наиболее плотная часть могильника Станция Камышта-7. Значительная часть погребений была уничтожена при строительстве железной дороги, у многих курганов нарушена конструкция. Это препятствует цельному планиграфическому анализу и исчерпывающим выводам относительно состава населения, оставившего могильник. Однако сохранившиеся курганы показывают разнообразие погребений периода поздней бронзы от ее ранних этапов до перехода к раннему железу. Разнообразие конструктивных вариантов курганов и характера погребений связано с двумя факторами: изменением состава и особенностями социальной структуры местного населения.

Стоянка Станция Камышта-6

Выявленный объект археологического наследия Стоянка Станция Камышта-6 расположен в Аскизском районе Республики Хакасия, в 3,5 км к северо-востоку от ст. Камышта,

в 670 м к юго-западу от границ Курганного могильника Станция Камышта-2 (периода тагарской культуры), с обеих сторон железной дороги (рис. 4). Большая часть объекта расположена в пределах постоянного земельного отвода.

Границы объекта установлены разведкой ИАЭТ СО РАН при сотрудничестве с НПО АИКЭ (Абакан) в 2021 г. Судя по данным рекогносцировки, памятник представляет собой участок распространения культурного слоя на окраине надпойменной возвышенности в правобережье долины р. Камышты.

Спасательные работы проводились в 2023 г. в виде археологических наблюдений. Общая площадь наблюдений составила 7661,12 кв. м.

Стратиграфическая ситуация, отмеченная на стоянке:

Слой 1. Современный дерново-почвенный горизонт.

Слой 2. Суглинок светло-серый. Структура пылеватая. Текстура неоднородная, светлеет книзу. Пронизан корнями растений. Нижняя граница нечеткая, прямая, проведена по изменению цвета и механического состава. Мощность – около 0,10–0,15 м.

Слой 3. Суглинок темно-серый до черного, мелкокомковатый. В кровле – сохранившаяся фрагментами почва, с которой ассоциирован культурный слой. Текстура однородная. Нижняя граница нечеткая, волнистая, проведена по изменению цвета и механического состава. Мощность – 0,05–0,08 м.

Слой 4. Суглинок темно-бурый, плотный. Структура неоднородная – пылеватый в кровле, мелкокомковатый в толще. Текстура неоднородная – светлеет и сереет книзу. Толща насыщена дресвой. Видимая мощность – до 0,35 м.

В ходе археологической разведки были зафиксированы отдельные экспонированные предметы – фрагменты керамических сосудов и костей животных, в том числе фрагментированные. Фрагмент бронзового колокольчика этнографического времени был зафиксирован в первом слое на юго-западной окраине стоянки.

В ходе наблюдений установлено значительное нарушение территории стоянки, фрагментарно сохранившийся культурный слой зафиксирован на участках № 51, 52, 76–78. На участке 51 зафиксировано небольшое кострище, выявленное по пятну прокаленного грунта, вокруг которого концентрировались находки в виде фрагментов керамики и битых костей животных. Единичные кости животных в переотложенном состоянии фиксировались на участках 79, 81 и 101. Среди костей два фрагмента со следами обработки:

- фрагмент черепной коробки крс (коровы), на котором зафиксированы следы круговой подсечки в районе перехода к стержню от полого рога. Отсеченные стержни могли использовать в качестве заготовок для поделок (Р-2 пикет 77);

- фрагмент трубчатой кости мрс (овца?), со следами разделки металлическим лезвием (Р-2 пикет 102).

Отдельные фрагменты керамических сосудов на юго-западной части стоянки связаны с этнографической современностью. Здесь обнаружен отогнутый округлый венчик гончарного сосуда с заглаженной поверхностью (№ 1).

Сохранившиеся следы культурного слоя выявлены на южной окраине территории стоянки, небольшом возвышении над окружающей поверхностью. Предметы обнаружены в слое темно-серого суглинка. Упорядоченные скопления не выделяются, находки разрознены. Фрагменты керамики относительно небольшие, относятся к туловам нескольких сосудов. Формовочная масса – мелкозернистая, с добавлением песка; хорошего обжига, следы нагара отсутствуют. Толщина стенок – 11 мм (№ 40), 16 мм (№ 33), 11 мм (№ 34), 12 мм (№ 40), 14–18 мм (№ 3). Фрагменты венчиков слегка отогнуты, закругленные, утолщенные (№ 40) и уплощенные, утолщенные, с небольшим карнизиком (№ 3).

Выделены три вида орнамента. Один из сосудов с тонким отогнутым венчиком (№ 34, 40) имел налепной треугольный в сечении валик на 3 см ниже среза венчика; по валику сделаны косые парные (Λ-образные) насечки заостренной палочкой. Один из сосу-

дов (№ 3), из скопления с уплощенным венчиком, имел многочисленные, но неупорядоченные ромбовидные вдавления. Этот же фрагмент имел следы сколов по одному из краев, по-видимому, фрагмент был переиспользован в качестве скребка. Третий вид орнамента – прочерченные узкие, прямые линии (направленные под углом друг другу) с ровными краями (прямоугольные в сечении); отмечен на одном фрагменте тулова (№ 33). Фрагменты сосудов могут ассоциироваться как с периодом поздней бронзы, так и разными периодами Средневековья.

Изделие из камня обнаружено в единственном числе. Это утилизированная удлиненная галька. Судя по оббитым краям, могла использоваться в качестве рыболовного грузила; либо – обломанный отбойник.

Заключение

Курганы в степях Южно-Минусинской котловины на левобережье Абакана многочисленные и хорошо известны археологам. Но раскопки на широких площадях приносят новые сведения о населении этого района. Спасательными археологическими раскопками ИАЭТ СО РАН 2023 г. в Аскизском районе Республики Хакасия открыты погребальные конструкции на памятниках Станция Камышта-7 и Чартыковский-2, а также часть стояночного комплекса на Станции Камышта-6. Наибольшие по площади и информативности раскопки проведены на могильнике периода поздней бронзы Станция Камышта-7. Здесь исследованы различные виды погребений с каменными сооружениями (ограды, насыпи, обкладки, ящики), отражающие сложные процессы культурогенеза «карасукской эпохи», в том числе с явным участием носителей иных культурных традиций. Всего исследовано 293 погребения, что существенно расширило корпус источников по этому периоду.

На южной окраине Сагайской степи изучен одиночный курган Чартыковский-2, содержащий необычную структуру из трех каменных оград. По-видимому, курган подгорновского периода был переиспользован во времена

тесинской культуры. Одним из свидетельств этого является обилие изображений на камнях кургана – стелах внешней ограды, валунах внутренних конструкций, могильных плитах.

В 2023 г. получены фрагментарные сведения о стояночном комплексе в долине р. Камышта – наблюдения проведены на Стоянке Станция Камышта-6. Выявлены следы кратковременного пребывания людей на небольшой возвышенности над высокой поймой Камышты в виде очажного пятна, скоплений обломков костей животных и керамических сосудов.

Литература

- Лазаретов И.П., Поляков А.В., Лурье В.М., Амзarakov П.Б.** Финал эпохи палеометалла в Хакасско-Минусинской котловине // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 108–118.
- Тимошенко А.А., Выборнов А.В.** Кургan раннего железного века Чартыковский-2 в Сагайской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. XXIX. С. 1148–1154.
- Тимошенко А.А., Выборнов А.В., Давыдов Р.В., Морозов А.А., Мамаева А.К., Долганов В.А.** Могильник периода поздней бронзы в Сагайской степи (Станция Камышта-7): обзор раскопок 2023 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. Т. XXIX. С. 1155–1161.

References

- Lazaretov I.P., Polyakov A.V., Lourie V.M., Amzarakov P.B.** Final ehpokhi paleometalla v Khakassko-Minusinskoi kotlovine [The finale of the Paleometallic epoch in the Khakass-Minusinsk Basin]. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2023, vol. 51, no. 1, pp. 108–118. (In Russian).
- Timoshchenko A.A., Vybornov A.V.** Kurgan rannego zheleznogo veka Chartykovskii-2 v Sagaiskoi stepi [The mound of the Early Iron Age Chartykov-2 in the Sagai steppe]. In: Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Novosibirsk, the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2023, vol. 29, pp. 1148–1154. (In Russian).
- Timoshchenko A.A., Vybornov A.V., Davydov R.V., Morozov A.A., Mamaeva A.K., Dolganov V.A.** Mogil'nik perioda pozdnei bronzy v Sagaiskoi stepi (Stantsiya Kamyshta-7): obzor raskopok 2023 goda [The burial ground of the Late Bronze Age in the Sagai steppe (Kamyshta-7 Station): overview of the excavations 2023]. In: Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Novosibirsk, the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2023, vol. 29, pp. 1155–1161. (In Russian).

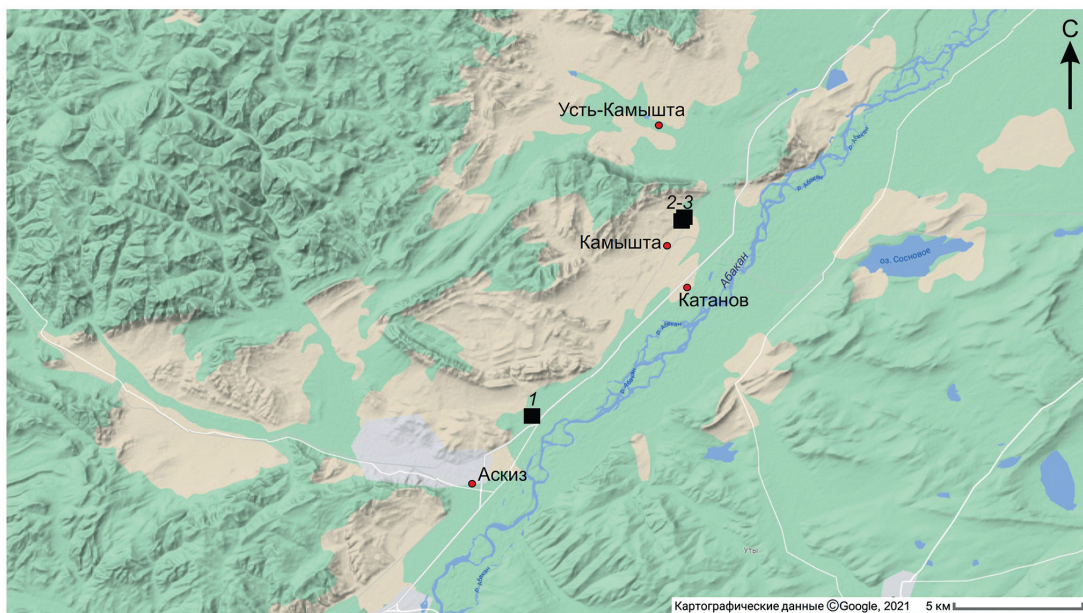

Рис. 1. Карта расположения археологических объектов, изученных Аскизской археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН в 2023 г.: 1 – одиночный курган Чартыковский-2; 2 – могильник Станция Камышта-7; 3 – стоянка Станция Камышта-6.

Fig. 1. Location map of the archaeological sites studied by the Askiz archaeological expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2023: 1 – single mound Chartykov-2; 2 – burial ground Kamyshta-7 Station; 3 – settlement site Kamyshta-6 Station.

Рис. 2. Общий вид конструкции кургана Чартыковский-2, вид с северо-востока.

Fig. 2. General view of the structure of mound Chartykovsky-2, view from the northeast.

Рис. 3. Общий вид раскопов на станции Камышта-7 у подножия хребта Сарж, вид с юго-востока.

Fig. 3. General view of the excavations at Kamyshta-7 station at the foot of the Sarzh Ridge, view from the southeast.

Рис. 4. Долина реки Камышта, вид с юго-запада.

Fig. 4. The Kamyshta River valley, view from the southwest.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАКАССКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1930 г.

А. С. Вдовин¹, Е. В. Самрина²

¹Красноярский краевой краеведческий музей, ул. Дубровинского, 84, Красноярск, 660049, Россия; email: vdovin2002@bk.ru

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655001, Россия; email: esamrina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4748-2460

В данной работе на основе архивных документов, переписки между руководителем экспедиции А. В. Харчевниковым и Обществом изучения Сибири выявляется процесс организации и деятельности Хакасской этнографической экспедиции 1930 г. Основная задача экспедиции состояла в комплектовании этнографической коллекции для продажи иностранным музеям, фирмам, частным коллекционерам. В условиях социально-экономического кризиса, несогласованности работы органов власти и элементарного дефицита продуктов питания, экспедиционного снаряжения подготовка этнографической экспедиции требовала напряженной предварительной работы. Сотрудникам экспедиции удалось скомплектовать обширную коллекцию, сделать ее научное описание, а собранные материалы дополнить коллекцией уникальных фотоотпечатков.

Ключевые слова: Хакасская этнографическая экспедиция, Общество изучения Сибири, А. В. Харчевников, хакасы, этнографическая коллекция, фотоотпечатки.

ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE KHAKASS ETHNOGRAPHIC EXPEDITION IN 1930

Aleksandr S. Vdovin¹, Elena V. Samrina²

¹Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, 84 Dubrovinsky Str., Krasnoyarsk, 660049, Russia; email: vdovin2002@bk.ru

²Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655001, Russia; email: esamrina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4748-2460

This work reveals the process of organization and activities of the Khakass ethnographic expedition in 1930 on the basis of archival documents, correspondence between the head of the expedition A. V. Kharchevnikov and the Society for the Study of Siberia. The main task of the expedition was to compilation the ethnographic collection for sale to foreign museums, companies, and private collectors. In the conditions of the socio-economic crisis, the inconsistency of the work of the authorities, the elementary shortage of food and expedition equipment, the preparation of the ethnographic expedition required intense preliminary work. The expedition staff managed to complete an extensive collection, to make its scientific description, and to supplement the compiled materials with a collection of unique photographic prints.

Keywords: Khakass ethnographic expedition, Society for the Study of Siberia, A. V. Kharchevnikov, Khakass, ethnographic collection, photographic prints.

В условиях социально-экономического кризиса 1920–1930-х гг. государственная контора новых видов экспорта (Новоэкспорт) (1929–1933) организовывала экспорт этнографических и археологических коллекций.

Деятельность Новоэкспорта осуществлялась через Общество изучения Сибири (ОИС, Новосибирск) [Вдовин, Китова, 2010, с. 171]. ОИС было привлечено к разработке плана организации сбора этнографических и археоло-

гических коллекций. Кроме того, обществом производился определенный мониторинг восстребованности этнографических коллекций со стороны иностранных музеев, фирм и частных коллекционеров.

Рассматривались разные методы сбора коллекций: покупка дублетов из фондов музеев; приобретение коллекций и отдельных предметов у частных лиц; планомерный сбор в ходе экспедиций. ОИС было поручено организовать деятельность по составлению плана работ, сметы расходов, списков предметов, научного описания, оценки для экспорта. Под непосредственным руководством ОИС планировались этнографические и археологические исследования в регионах [Китова, Вдовин, 2018, с. 13–14]. Для сбора этнографических и археологических коллекций был согласован ряд сибирских экспедиций, в том числе в 1930 г. Хакасская этнографическая экспедиция.

Руководителем экспедиции был назначен директор Минусинского музея Александр Васильевич Харчевников (1889–1937), заведующий Хакасским краеведческим музеем Ф. В. Мухометьяров был привлечен в качестве научного сотрудника. А. В. Харчевников по поводу участия в экспедиции Мухометьярова в июне 1930 г. обращался в ОИС. В заявлении он рекомендовал известить Хакасский отдел народного образования о назначении Ф. В. Мухометьярова, а копию заявления отправить ему¹. Вскоре после назначения на должность руководителя экспедиции ему было выдано удостоверение².

Выбор кандидатур членов этнографической экспедиции представляется вполне оправданным. А. В. Харчевников и Ф. В. Мухометьяров имели большой опыт работы в области музейного дела, комплектования, отбора музейных предметов и научно-исследовательской работы с коллекциями.

А. В. Харчевников окончил историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета, работал ученым секретарем и заведующим отделом истории края Читинского музея, был правителем дел Забайкальского отделения Русского географи-

ческого общества [Энциклопедия Забайкалья [Электронный ресурс].

Для организации Хакасской этнографической экспедиции было заключено соглашение между правлением ОИС в лице председателя Г. И. Черемных и заведующим Минусинским музеем А. В. Харчевниковым. В соглашении предусматривалось, что последний берет на себя руководство экспедицией в целях сбора этнографических коллекций для экспорта и организует все работы согласно инструкции, подготовленной ОИС. Коллекции должны были включать не менее трех комплектов и 200 негативов. А описание этнографических предметов и денежный отчет представить в Общество изучения Сибири не позднее 1 декабря 1930 г.³

Обязанности в экспедиции распределялись следующим образом. Общее руководство возлагалось на руководителя А. В. Харчевникова. Кроме того, он проводил фотографирование, а зарисовки входили в обязанности Ф. В. Мухометьярова. Предполагалось также включение в состав экспедиции одного технического сотрудника.

Задачи экспедиции состояли в сборе этнографических коллекций по духовной и материальной культуре, занятиям, промыслам, искусству и быту хакасов, а также в сборе материалов по социалистическому строительству в Хакасской области. Сотрудникам рекомендовалось обратить особое внимание на религиозные представления, мировоззрение хакасов. Маршрутная карта выстраивалась с учетом прохождения как по степным, так и по таежным районам.

Сотрудники справедливо считали, что в более отдаленных таежных районах архаические элементы культуры сохраняли большую стойкость и чистоту⁴.

Кроме этого, ОИС просило совместно с коллекционными сборами заняться исследованием художественных изделий хакасов. Согласно инструкции, в результате поездки сотрудникам экспедиции вменялось составить докладную записку по этому вопросу. «Записка должна иметь возможно больше конкрет-

¹ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 51–51об.

² АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.

³ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 56.

⁴ Там же. Л. 36.

ного материала: о себестоимости отдельных предметов, возможностях расширения производства и тех конкретных мероприятиях, которые нужно провести для этого, и стоимости этих мероприятий». Общество настоятельно рекомендовало, «чтобы записка была бы возможно богаче иллюстрирована фото и зарисовками»¹.

Первоначальная смета расходов составила 5000 руб., однако она постепенно сокращалась. А. В. Харчевников считал минимальной суммой расходов – 3500 руб. По его мнению, данная цифра «в интересах дела должна быть ассигнована»².

Итоговая сумма, выделенная на проведение экспедиции, составила 1200 руб. Она состояла из статей расходов на зарплату – 420 руб., поездки – 230, фотоматериалы – 200, бумага и краски – 50, спецодежду – 100, вооружение – 80 и прочее – 100. Большая часть средств (2300 руб.) направлялась на приобретение упаковочного материала и пересылку этнографических коллекций³.

Сроки работы экспедиции планировались на три месяца: два – полевой работы и один – камеральной. Государственные органы, учреждения и должностные лица обязаны были оказывать всевозможную помощь экспедиции⁴. К организации экспедиции было привлечено Сибирское торговое товарищество (Сибторг), отделения Сибторга в Красноярске, Минусинске. Сибторг – государственная компания начала НЭПа, занималась оптовой торговлей. Главная контора находилась в Новосибирске.

Сибторг разослал агентствам поручения об оказании содействия в организации экспедиции. В телеграммах подчеркивалась приоритетность в отправлении экспедиционных грузов, безоговорочный прием «для немедленного переотправления на склад нашей окружной конторы... неисполнение будет рассматриваться как срыв экспортной работы»⁵.

Однако сотрудники экспедиции столкнулись с большими трудностями. Оказалось, что намеченные планы экспедиции чрезвычайно трудно осуществить. Государственные органы не проявляли особой заинтересованности к организации экспедиции. Так, возникли большие проблемы с приобретением и получением необходимых материалов. В письме от 14 июля 1930 г., адресованном Обществу изучению Сибири, А. В. Харчевников писал, что «никаких сведений об организуемых экспедициях Сибторг не имеет. Окрторг также даже не получил телеграммы Крайторготдела...»⁶. В Хакасии государственные органы также не принимали участия в снабжении экспедиции.

Александр Васильевич просил в спешном порядке принять меры к отправке из Новосибирского или Красноярского отделения Сибторга необходимые наборы продуктов питания, состоявшие из сухих овощей, консервов, круп, макарон, масла. Кроме того, члены экспедиции нуждались в экспедиционной одежде, в брезентовых плащах, сапогах. Также в списке упоминались различные ткани (парча, бархат черный, сатин цветной), брезент и папиросы, «20 дюжин фотографических пластинок размером 10х15 см» для фотоаппарата. Также Харчевников считал «крайне желательным на время экспедиции полевой бинокль»⁷.

В письме руководитель экспедиции сетовал на отказ в необходимых предметах и просил принять меры по снабжению экспедиции. В интонации письма сквозит отчаяние: «Достать ничего нельзя. Прошу в скорейшем времени уведомить о том, что будет предпринято». В письмах обсуждались различные вопросы. Например, как «производить расплату при получении муки и сахара: платить наличными или это должно быть отнесено за счет Сибторга?»⁸.

Очередное письмо А. В. Харчевников отправил 26 июля 1930 г. Кроме того, на имя ОИС он многократно отбивал телеграммы. Руководителя волновали вопросы получения фотоматериалов. Он непосредственно связы-

¹ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 72.

² Там же.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же.

⁵ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.

⁶ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 53.

⁷ Там же. Л. 53.

⁸ Там же. Л. 54–55об.

вался с магазином «Фотокино» Сибсоюзкино (Новосибирск). Здесь планировал заказать пластинки.

Однако Александр Васильевич сомневался и в возможности исполнения заказа, и в сроках доставки. Поэтому в очередной телеграмме Харчевников обращался «с просьбой проследить за скорым исполнением и отправкой этого заказа магазином. При подаче телеграммы мне сообщили, что, вероятно, они будут лежать или пойдут почтой, так линия с Новосибирском уже двое суток не работает и телеграммы они не отправляют». Александр Васильевич просил «заказать в магазине для немедленной отправки наложенным платежом 20 дюжин пластинок разм[ером] 10–15 см высшей чувствительности. Если высшей нет, то какие имеются». Получение фотоматериалов оказалось достаточно трудоемким и хлопотным делом. «Самый существенный вопрос сейчас – это фотопластинки, высылку которых необходимо продвинуть самым срочным порядком». В очередной раз он напомнил про полевой бинокль¹.

Снабжение экспедиции продуктами питания и необходимыми материалами срывалось. Местные отделения Сибторга были не информированы о предстоящей экспедиции, поэтому Харчевников просил отправить уведомление, телеграмму минусинскому Окргторгу и Сибторгу о материальной поддержке экспедиции².

Однако и в дальнейшем организация экспедиции встречала трудности различного характера. Наконец Мухометьярову в Красноярске удалось получить продукты для Хакассской экспедиции. После прибытия груза планировался выезд экспедиции в поле. Однако пароход, который прибыл в Минусинск, не доставил экспедиционные товары.

А. В. Харчевников в письме от 28 августа 1930 г. подробно описал сложившуюся ситуацию. По его словам, он заранее обратился в Красноярское отделение Сибторга, поставив их в известность о прибывающем грузе. Завскладом был ознакомлен с содержанием груза, были предъявлены необходимые счета.

Он обещал немедленно доставить экспедиционный груз в Минусинск.

Харчевников и Мухометьяров многократно посещали контору Сибторга, местное отделение Союзтранса, пристань пароходства. Все было безуспешно. Они неоднократно запрашивали Красноярское отделение Сибторга об экспедиционном грузе с требованием поиска и скорейшей доставки во избежание срыва запланированных работ. Сложился порочный круг. Красноярский Сибторг подтверждал отправку груза, однако на месте назначения – Минусинске – груза не было.

Не дождавшись доставки багажа, члены экспедиции произвели две ориентировочные поездки в Хакасию. Им удалось выявить интересные материалы. Вскоре в конторе Сибторга в Усть-Абакане они получили часть следуемого груза (сахар, макароны и т.п.). А о товарах «самого главного обменного материала» не имелось никаких сведений. «Минусинская же контора, где груз в это время уже находился, на продолжающиеся наши запросы отвечала, что груза еще нет. Снова с нашей стороны последовали телеграфные запросы в Красноярск, и оттуда было получено письменное сообщение о времени и порядке направления нам груза»³. В конечном счете руководитель экспедиции сам отправился в Красноярск. Наконец ему удалось получить товар, задержанный минусинским Сибторгом. Как писал Харчевников в очередном письме: «По сообщениям Хакассской конторы Сибторга, подобные случаи захвата Минусинской конторой не принадлежащих ей грузов представляются далеко не единичными»⁴.

Неудовлетворительная работа Сибторга, дефицит продуктов питания, напрасные поиски необходимого обменного товара вызвали задержку в отправлении экспедиции. А поездки в Красноярск отняли драгоценное время, силы и финансы.

Харчевников планировал выехать 10–15 июля 1930 г., однако, как указывалось, из-за отсутствия продуктов питания поездка задерживалась. Удалось получить только муку, сахар, а другие обменные товары (масло,

¹ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 54–55об.

² Там же. Л. 69–69об.

³ Там же. Л. 79–80.

⁴ Там же.

макароны, крупы, консервы) добыть не получалось. Телеграммы о снабжении отправлялись в различные инстанции, в том числе и в Окргторг. Минусинское отделение Сибторга никакой поддержки и участия в подготовке экспедиции не приняло. Экспедиция была близка к срыву. Харчевников пришел к выводу, что поиском необходимых для обмена товаров должен заниматься он сам.

Подготовка и сборы экспедиции организовывались в крайне неблагоприятных условиях. С большим опозданием осуществлялось и финансирование экспедиции¹.

Экспедиция выехала в свой самый дальний маршрут 31 августа 1930 г. с опозданием на полтора месяца. Однако окончание бюджетного года и наступление нового сметного периода не позволили провести экспедицию до конца. После прохождения главного маршрута они возвратились в Минусинск, затем провели еще две дополнительные поездки. Основная работа выпала на неблагоприятные осенние месяцы. Экспедиция закончилась 27 ноября 1930 г. Более раннему окончанию препятствовали еще и трудности переправы через рр. Енисей и Абакан.

Большим препятствием для сбора экспонатов была также занятость населения на полевых работах. «Все время приезжали в пустые улусы, и лишь поздним вечером и ранним утром оказывалась возможность производить закупки». В притаежной полосе существовала угроза нападений, как писал А. В. Харчевников, «бандитских шаек», поэтому приходилось очень осторожно вести свою работу из опасений потерять весь имеющийся товар². В целом население было расположено доброжелательно, большую поддержку в работе экспедиции оказали колхозы и коммуны³.

Маршрутная карта разрабатывалась тщательно, по системе колец и восьмерок с целью исключения повторения экспедиционных путей⁴. Экспедиция прошла по трем основным маршрутам. Первый пролегал через улусы Нарылков – Сартыков – Шалгынов – Чапты-

ков – Барахтаев – Аскыз – Сескин – Кызласов – Маныгасов – Усть-Чуль – Таштып – Абаза – Таштып – Ойданов – Аршанов – Аскыз – Усть-Камышта – Картин – Усть-Абакан.

Картин улус посетили 6–8 августа; Сапогов улус – 11–12 августа; 31–26 сентября – Нарылков, Покояков, Шалгынов, Чаптыков, Самрин, Койбальский улусы, Аскиз, Зимников, Сескин, Байы, Кызласов, Маныгасов, Усть-Чуль улусы, Таштып, Абаза, Аскиз, Усть-Камышта улус, Туржинов, Картин улусы.

Вторая маршрутная карта пролегла через ст. Уйбат – ул. Чарков – Синявин – Колпаков – Аев – Чарков. Третья – Усть-Абакан – Картин – Шоев – Тугужеков – Усть-Абакан⁵. Все маршруты начинались и заканчивались в Минусинске. Синявинский, Колпаков, Аевский, Уйбатский улусы и ст. Чарковский посетили 3–8 октября.

Средства, выделенные на проведение экспедиции, составили 4000 руб. Экспедиция перевыполнила первоначальный план комплектования. Вместо 200 запланированных экспонатов было приобретено 461 и 300 фотоснимков вместо 200. Среди приобретенных вещей особо выделялись превосходные хакаские костюмы. А. В. Харчевников благодаря сотрудничеству с руководителями национальных колхозов смог приобрести их относительно по низкой цене⁶.

В результате была собрана этнографическая коллекция, которая характеризовала как материальную (одежда, жилище, домашняя утварь, пища, занятия и ремесла), так и духовную культуру хакасов (искусство, верования, воспитание детей). Участниками было составлено четыре комплекта экспонатов. Первый комплект состоял из 149 предметов; 2 комплект – 119 предметов; 3 комплект – 108 предметов; 4 комплект – 85 предметов. Исследователи использовали разные методы сбора коллекций. Сами сотрудники экспедиции считали, что особо ценными являются шаманские костюмы и костюмы свах⁷.

Во время экспедиции многие колхозники и рабочие оказали содействие в сборе предме-

¹ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 36об.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Л. 36–37об.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 4об.

⁶ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 206. Л. 90об.

⁷ Там же. Л. 46.

тов шаманского культа. Также сделано более 100 снимков быта и занятий населения, деятельности колхозов и нового строительства в Хакасии¹.

Несмотря на все трудности, экспедиция прошла успешно. В октябре 1930 г. ОИС отправило в Минусинский музей тетради для подготовки отчета о проведенных работах и израсходованных средствах. А.В. Харчевников, в свою очередь, занимался обработкой собранных коллекций. Он составлял авторизованный паспорт и фотографии на экспортируемые предметы [Китова, Вдовин, 2015, с. 19]. Кроме того, шла активная подготовка к незамедлительной отправке коллекций в Москву через Новосибирск².

Между тем сроки отправки коллекций в Новосибирск вызвали беспокойство ОИС. Камеральная работа затягивалась из-за отсутствия электричества в здании музея. В письме от 10.11.1930 Харчевников сообщил, что только с 3 ноября получил возможность разборки экспонатов. По его предположениям, закончить обработку коллекций возможно не ранее 10–15 декабря. Составление 461 научной карточки и описание нескольких сотен фотоснимков требовали времени. Обработкой коллекции он занимался один, поскольку Мухометьяров внезапно выехал в Иркутск, даже не получив расчета. Заработную плату ему отправили почтой³.

А.В. Харчевников опасался отправлять груз в ноябре. В это время года, по его словам, «бывают частые ежегодные неурядицы с рр. Енисей и Абакан, потому в отправке грузов из Минусинска всегда происходит большая задержка. Более правильная отправка начинается... приблизительно около половины декабря».

Памятуя мытарства с получением груза в отделении Сибторга Минусинска, он предлагал отправить коллекцию «в то время, когда имеется более гарантий в правильной их доставке». А осмотр коллекции он предлагал провести в Минусинске, поскольку «выгрузка

и раскупорка их в Новосибирске, укупорка и отправка далее потребует немало хлопот».

Опасаясь за сохранность коллекции, Харчевников собирался сам доставить груз в Новосибирск, произвести осмотр и сделать доклад о ходе и работе экспедиции. Однако из-за спешки и недостатка времени, по его мнению, «целесообразнее просмотреть их в Минусинске и затем направить прямым путем в Москву»⁴.

Александр Васильевич планировал совершить еще одну поездку в ближайшие улусы для приобретения некоторых предметов и фотографирования зимней обстановки. А в случае успешного хода работ, как он предполагал, обработку материалов закончить ранее 10–15 декабря⁵. Собранные коллекции уместились в 15 ящиках.

Итоги работы экспедиции, по мнению этнографа Новосибирского музея Елены Николаевны Орловой, были удачными. Показатели по сборам – значительно превышены. В отчете о командировке отмечалось, что Хакасская экспедиция собрала 4 комплекта экспонатов. Первый комплект характеризовал все стороны быта хакасов, кроме жилищ. Снимки жилищ были дополнены отсутствием таковых в экспонатах. Особый научный интерес вызывали детские талисманы «Умай». Среди экспонатов, по ее мнению, особенного внимания заслуживали шаманские костюмы⁶.

Е.Н. Орлова 10–19 декабря 1930 г. осуществила поездку в Минусинск, для осмотра коллекций. Однако из 10 дней в командировке «вследствие скверных дорог в Минусинске» она провела только 4 дня⁷.

Камеральная работа по разным причинам затянулась. Следует отметить, что обработка полученных коллекций проходила в нервной обстановке Е.Н. Орлова регулярно напоминала о сроках. Ситуация усложнилась рядом обстоятельств. А.В. Харчевников, выполняя обязанности директора музея, после неожиданного отъезда Ф.В. Мухометьярова в одиночку проводил обработку, описание

¹ АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 5.

² АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252. Л. 5.

³ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 52–53.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 10–10об.

⁷ Там же. Л. 10.

и сверку коллекционных предметов. Это не позволило сделать подробные описания, что и было отмечено заказчиком.

В январе 1931 г. в ответ на запрос ОИС подготовить описание этнографической коллекции А. В. Харчевников сетует на отсутствие в Минусинске машинисток, которые бы смогли выполнить работу в короткие сроки. «По этой же причине, а также вследствие большого совпадения в текстах по отношению к однотипным экспонатам ограничиваюсь присылкой копий текстов 1-й самой полной коллекции»¹.

Этнографическая коллекция была отправлена в Москву в Новозэкспорт. В результате переговоров с ОИС 11 экспонатов было решено оставить в Минусинском музее². Кроме того, Хакасский Облплан получил официальное разрешение от ОИС на использование фотоснимков, собранных в ходе экспедиции³. Именно поэтому большая часть коллекции фотографий Хакасской этнографической экспедиции 1930 г. отложилась в фондах Минусинского музея, другая – в фондах Музея антропологии и этнографии (МАЭ).

Дальнейшее развитие событий относительно этнографической коллекции не совсем ясно. Экспертизой материалов, собранных в результате деятельности археолого-этнографических экспедиций, занимался Этнографический музей АН. Отбором археологических и этнографических ценностей для продажи занимались производственные мастерские I МГУ. Часть этнографического материала в 1933 г. была экспортирована в Турцию, в Музей народов (Этнографический музей). Вывозу активно содействовал академик А. Н. Самойлович (1880–1937) [Абрамзон, 1978].

Однако зарубежные музеи не проявили большой заинтересованности к предметам коллекции, и большая часть пополнила сибирские коллекции Центрального музея народоведения, Музея антропологии и этнографии [Китова, Вдовин, 2015, с. 18, 25].

Результаты работы Хакасской экспедиции оказались плодотворными. Несмотря на трудности, ее подготовка была организована в кратчайшие сроки. Маршрут пролегал через 30 хакасских аалов. Сотрудникам удалось собрать уникальный этнографический материал. Собранная коллекция характеризует практически все стороны материальной и духовной культуры хакасов. В коллекции получили отражение основные занятия и промыслы, способы передвижения, религиозные представления, верования.

Наиболее полно представлена коллекция одежды (138 шт.). Основные экспонаты коллекции – предметы, демонстрирующие хозяйственно-бытовую сторону жизни (262 шт.): домашняя утварь, мебель, орудия труда. Предметы культа (44 шт.) отражают традиционные представления хакасов о мире. Собранные материалы дополнены коллекцией уникальных фотоотпечатков. Фотографическое наследие экспедиции отражает бытование приобретенных экспонатов, представляет повседневную жизнь хакасского аала – жилые дома, юрты, кладбища и т. д.

Фотографии запечатлели жизнь самых обычных и необычных людей. На них увековечены известный хайджи Б. Т. Боргояков, шаманы Ч. Я. Боргоякова, Ф. Н. Самрин, родители хакасского писателя М. Е. Кильчичакова и многие другие⁴. Фотографическое наследие Хакасской экспедиции имеет несомненную историческую ценность.

Дальнейшая судьба А. В. Харчевникова сложилась драматично. Он в 1937 г. был репрессирован, расстрелян. Реабилитирован Красноярским краевым судом в 1957 г. [Энциклопедия Забайкалья. Электронный ресурс]. Уникальные материалы, этнографическая коллекция и фотографическое наследие Хакасской этнографической экспедиции 1930 г. ждут своего исследователя.

¹ ГАНО. Ф. Р – 217. Оп. 1. Д. 201. Л. 27.

² АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 4об.

³ ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201. Л. 35.

⁴ В данной работе опубликованы фотографии из альбома фотоматериалов Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова «Иллюстрированная этнография хакасов». Абакан, 2004. 103 с.

Выезд свах за невестой. Картин улус. Харчевников А. В. 1930 г.

The matchmakers' departure for the bride. Kartin village. By Kharchevnikov A. V. 1930

Игры детей. Шалгинов улус. Харчевников А. В. 1930 г.

Children's games. Shalginov village. By Kharchevnikov A. V. 1930

Кильчичаков Еремей Андреевич. 42 года. Сеок Харга. Отец известного хакасского поэта и писателя Михаила Еремеевича Кильчичакова Каргинского рода. Маныгасов улус. Харчевников А. В. 1930 г.

Kilchichakov Yermey Andreevich, 42 years old. The Kharga clan. The father of the famous Khakass poet and writer Mikhail Yermeevich Kilchichakov of the Kharga clan. Manygas village. By Kharchevnikov A.V. 1930

Кильчичакова Елизавета Васильевна. 42 года, сагайка Кивинского рода. Маныгасов улус. Мать известного хакасского писателя Михаила Еремеевича Кильчичакова. Харчевников А. В. 1930 г.

Kilchichakova Yelizaveta Vasilevna, 42 years old. A Sagaian of the Kiva clan. Manygas village. The mother of the famous Khakass writer Mikhail Yermeevich Kilchichakov. By Kharchevnikov A. V. 1930

Чаптыкова Екатерина Михайловна, 50 лет. Работа на ручной мельнице. Приготовление талкана. Чаптыковский улус. Харчевников А. В. 1930 г.
Chaptykova Yekaterina Mikhailovna, 50 years old. Working on a hand mill. Cooking talgan. Chaptykov village. By Kharchevnikov A.V. 1930

Шаман Самрин Федор Николаевич, 60 лет. Качинец. Сеок пурут. Самрин улус. Харчевников А. В. 1930 г.
Shamaness Samrin Fyodor Nikolaevich, 60 years old. A Kacha of the Purut clan. Samrin village. By Kharchevnikov A.V. 1930

Шаманка Боргоякова Чанах Яковлевна, 60 лет. Улус Усть-Чуль. Харчевников А. В. 1930 г.
Shamaness Borgoyakova Chanakh Yakovlevna, 60 years old. Ust-Chul village. By Kharchevnikov A.V. 1930

Боргояков Бурлат Тихонович, 55 лет. Сеок хобый. Известный хакасский сказитель «хайджи». Резка табака. Маныгасов улус. Харчевников А. В. 1930 г.

Borgoyakov Burlat Tikhonovich, 55 years old. The Khobyi clan. The famous Khakass storyteller "khaidzhi". Tobacco cutting. Manygas village. By Kharchevnikov A. V. 1930

Источники

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 201.
Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 252.
АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248.

Литература

Абрамзон С. М. А. Н. Самойлович – этнограф // Тюркологический сборник. 1974. М.: Наука, 1978. С. 169–197.
Вдовин А. С., Китова Л. Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2010. № 2. С. 171–182.
Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири (из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы). Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2015. 92 с.

Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири (из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы). 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2018. 176 с.
Энциклопедия Забайкалья [Электронный ресурс] // URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7271> (дата обращения: 20.02.2024).

References

Abramzon S. M. A. N. Samoilovich – ethnograf [Samoilovich is an ethnographer]. In: The Turkological collection. 1974. Moscow, Nauka, 1978, pp. 169–197. (In Russian).
Arkhir Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya (AMKM) [Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore (AMMLL)]. Fund 1, list 1, file 252. (In Russian).
Arkhir Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya (AMKM) [Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore (AMMLL)]. Fund 1, list 1, file 248. (In Russian).

Entsiklopediya Zabaikal'ya [Encyclopedia of Transbaikalia]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7271> (accessed on February 20, 2024). (In Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO) [The State Archive of the Novosibirsk Region (SANR)]. Fund P-217, list 1, file 201. (In Russian).

Kitova L. Yu., Vdovin A.S. Sud'by istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Sibiri (Iz istorii organizatsii eksporta arkheologicheskikh i etnograficheskikh kolleksii v 1920–1930 gody) [Fate of the Siberian peoples' historical and cultural heritage (From the history of the organization of the export of archaeological and ethnographic collections in 1920–1930)]. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 2015, 92 pp. (In Russian).

Kitova L. Yu., Vdovin A.S. Sud'by istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Sibiri. Iz istorii

organizatsii eksporta arkheologicheskikh i etnograficheskikh kolleksii v 1920–1930 gody [Fate of the Siberian peoples' historical and cultural heritage (From the history of the organization of the export of archaeological and ethnographic collections in 1920–1930)]. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 2018, the 2nd edition revised and expanded, 176 pp. (In Russian).

Vdovin A.S., Kitova L. Yu. O prodazhe za granitsu sibirskikh arkheologicheskikh i etnograficheskikh kolleksii v 20–30-e gg. XX v. [On the sale of Siberian archaeological and ethnographic collections abroad in the 20–30s of the 20th century]. *Bulletin of V.P. Astafev Krasnoyarsk State Pedagogical University*. Krasnoyarsk, V.P. Astafev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2010, no. 2, pp. 171–182. (In Russian).

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ХАКАССКОГО И ЧУВАШСКОГО УЧЕНЫХ-ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ Н.Ф. КАТАНОВА И Н.В. НИКОЛЬСКОГО

А.П. Леонтьев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Московский пр., 21, корп. 1, Чебоксары, 428015, Россия; email: alexej.leontjew2014@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые моменты из жизни двух выдающихся представителей тюркского мира, ученых-энциклопедистов, компаративистов, профессоров – хакаса Николая Федоровича Катанова и чуваша Николая Васильевича Никольского в период с 1906 по 1922 г. Первый, в свое время единственный крупный востоковед из «инородцев» России, входивший в авангард плеяды известных ориенталистов, оставил научные труды в количестве около 400 названий. Второй, являвшийся одним из родоначальников чувашской исторической науки, этнографии, фольклористики, лексикографии, лингвистики, издателем-редактором первой чувашской газеты «Хыпар» (Весть), авторитетнейшим лидером национального движения поволжско-приуральских народов в послереволюционные годы, организатором высших учебных заведений в Казани, считался обладателем богатейшего Рукописного научного фонда не только в России, но и в мире. Из сформированных им 306 томов 238 хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. В рассмотренных в данной работе томах немало источников, проливающих свет на биографию Н.Ф. Катанова, в частности, за время его работы председателем Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете, в Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа и в Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, за годы преподавания в Казанской высшей музыкальной школе (Восточной консерватории). В предлагаемой работе многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Н.Ф. Катанов, Н.В. Никольский, И.Я. Яковлев, переводческие комиссии, ОАИЭ, Казанская духовная академия, Казанская высшая музыкальная школа.

SEVERAL EPISODES FROM THE LIFE OF KHAKASS AND CHUVASH SCIENTISTS-ENLIGHTENERS N.F. KATANOV AND N.V. NIKOLSKY

Aleksei P. Leontiev

Chuvash State Institute of Humanities, building 1, 21 Moscow Ave., Cheboksary, 428015, Russia; email: alexej.leontjew2014@yandex.ru

The article considers some moments from the life of two outstanding representatives of the Turkic world, comparativists, professors – Khakass Nikolai Fyodorovich Katanov and Chuvash Nikolai Vasilevich Nikolsky in the period from 1906 to 1922. The first, in his day, the only major orientalist from the “indigenous” ones in Russia, who was part of the vanguard if the pleiad of famous orientalists, left scientific works in the amount of about 400 titles. The latter, who was one of the founders of Chuvash historical science, ethnography, folklore, lexicography, linguistics, publisher-editor of the first Chuvash newspaper “Khypar” (a piece of news), the most authoritative leader of the national movement of the Volga-Ural peoples in the post-revolutionary years, organizer of higher educational institutions in Kazan, was considered to be the owner of the richest manuscript scientific fund not only in Russia but also in the world. 238 of 306 volumes formed by him are stored in the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. The volumes, considered in this work, contain many sources that shed light on the biography of N.F. Katanov, in particular, during his work as a chairman of the Society of Archaeology, History, Ethnography at Kazan University, in the Translation Commission under the Administration of the Kazan Educational District and in the Translation Commission of the Orthodox Missionary Society, during the years of teaching at the Kazan Higher School of Music school (Oriental Conservatory). In the proposed work, many documents are introduced into scientific discourse for the first time.

Keywords: N.F. Katanov, N.V. Nikolsky, I. Ya. Yakovlev, translation commissions, Society of Archaeology, History, Ethnography, Kazan Theological Academy, Kazan Higher Music School.

Введение

К статье можно бы добавить подзаголовок «По материалам Рукописного фонда профессора Н. В. Никольского», так как основная часть статьи сформирована из них. Однако для строгой логической выверенности некоторых моментов, конкретизации причинно-следственных связей приходится выходить за рамки архивных источников, в противном случае вне нашего внимания остались бы существенные фрагменты из жизни и деятельности Н. Ф. Катанова, непосредственно относящиеся к чувашам. Так, Н. Ф. Катанов (с 1907 г. – председатель Переводческой комиссии при Казанском учебном округе) добился через Академию наук издания «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина, был редактором «Материалов для исследования чувашского языка» (1898) Н. И. Ашмарина [Дегтярев, Андреев, 2008, с. 233–234].

Относительно наставничества Н. Ф. Катанова над Н. И. Ашмариным при подготовке «Материалов...» к печати современник этих выдающихся тюркологов, профессор, лексикограф В. Г. Егоров отмечал, что Катанов давал автору ценные указания по разным вопросам тюркского языкознания. Этому же редактору он обязан был и широким знакомством с литературой предмета [Егоров, 1948, с. 16].

Кстати, одним из первых фундаментальных трудов, изданных вышеназванной Переводческой комиссией, был созданный Н. В. Никольским «Русско-чувашский словарь» с приложением конспекта грамматики чувашского языка (Казань: Центральная типография, 1909) с разрешительной записью председателя комиссии Н. Ф. Катанова. К тому времени уже известный в научном кругу доктор сравнительного языкознания Н. Ф. Катанов и пока еще кандидат богословия, преподаватель казанских средних учебных заведений, делопроизводитель Переводческой комиссии Православного миссионерского общества (ПМО) Н. В. Никольский хорошо знали друг друга, и, без преувеличения, Николай Федорович опекал Николая Васильевича. Наверное, и потому, что он заприметил студента духовной академии Никольского еще на своих лекциях в университете, так как последний

их посещал, чтобы восполнить знания по востоковедению [Иванов, 1973, с. 39]. Предваряя хронологию событий, отметим, что в послереволюционные годы, когда Никольский руководил созданным по его инициативе Обществом (затем Союзом) мелких народностей Поволжья, занимал должность председателя Казанской губернской земской управы и был зачинателем открытия новых высших учебных заведений для восточных народов, во всем покровительствовал старшему коллеге. Он на протяжении всей жизни пропагандировал научное наследие Катанова.

Основная часть

Эпизод первый. Многие соратники и ученики считали Н. Ф. Катанова продолжателем дела просветителя нерусских народов Н. И. Ильминского, однако некоторых ильминистов такое сравнение раздражало. Например, один из создателей нового чувашского алфавита, инспектор чувашских школ Казанского учебного округа (1875–1903), просветитель-миссионер, основатель и руководитель Симбирской чувашской учительской школы (СЧУШ) (1868–1919) И. Я. Яковлев не совсем корректно высказывался о Н. Ф. Катанове.

Из воспоминаний Яковлева: «В 1906 или 1907 г. Н. А. Бобровников (бывший в то время попечителем Оренбургского учебного округа) вызвал меня в Уфу <...> для участия в съезде инородческих деятелей по вопросам образования. <...> Разливает чай его дочь. Она мне вдруг говорит: “Скоро приедет Катанов. Вы его бойтесь!” – “Чего мне его бояться?” <...> – А Бобровников мне тут же говорит: “Вы неправильно, при представлении, доложили государю”. – “Что же я неправильно доложил государю?” – “Вы доложили, что будто бы перевели на чувашский язык рассказы из истории Петрушевского...” – “Он, что ли, переводил их, ваш Катанов?”. Едва я это сказал, входит и сам Катанов. Я к нему без церемоний обращаюсь с вопросом: “Вы, что ли, перевели на чувашский язык рассказы Петрушевского?” Катанов молчит. Тут за него вступается Н. А. Бобровников: “У вас были помощники”. А Катанов все молчит, как бы дело до него не касается...». Яковлев

в примечаниях писал, что на приеме у государя Николая II был с ним в числе других и Катанов [Яковлев, 1997, с. 281–282].

Общеизвестный факт: делегацию учеников СЧУШ во главе с И. Я. Яковлевым летом 1896 г. на Нижегородской ярмарке удостоил своим вниманием император Николай II. О приеме у царя И. Я. Яковлева и Н. Ф. Катанова в 1906 и 1907 гг. мы информацией не располагаем. Записавший воспоминания А. В. Жиркевич мог ошибиться, возможно, речь идет о приеме у обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, благосклонно относившегося к просветительско-комиссионерской деятельности, и Яковлева, и Переводческой комиссии ПМО, одним из руководителей которой был Катанов.

Эпизод второй. В 1908 г. Яковлев приехал в Казань на очередное заседание Переводческой комиссии ПМО. «Тут собралось немало моих недругов, ненавидевших мою переводческую деятельность, – вспоминает Иван Яковлевич. – Тут были профессора Машанов, Юнгеров, а также Никольский, Катанов. Председательствовал Машанов. Начались нападки на меня со стороны Машанова и Катанова. “А вы что делаете? – сказал я им. – Занимаетесь тем, что пользуетесь трудами других!” Профессор Юнгеров в защиту Катанова имел неосторожность заметить мне: “Катанов напоминает покойного Николая Ивановича Ильминского...” – “Как! Николая Ивановича?” – с негодованием воскликнул я. Произошло крупное столкновение. Обиженный Никольский ушел с заседания комиссии» [Яковлев, 1997, с. 282].

Эпизод третий. Подоплеку столь «крупного столкновения» мы нашли в одном из документов Рукописного фонда Никольского.

6 февраля 1906 г. состоялось заседание Переводческой комиссии ПМО. Присутствовали и [сполн.] д[олжн.] председателя Н. Ф. Катанов. [Председатель комиссии] М. А. Машанов выехал в СПб. Члены: П. А. Юнгеров, священник Т. Е. Егоров, члены-сотрудники: М. С. Нефедьев, священник П. Я. Глезденев, А. А. Воскресенский, и. д. делопроизводителя Н. В. Никольский. На заседании было рассмо-

трено письмо Яковлева на имя Никольского с просьбой о высылке денег на погашение долгов прошлого года типографии Сысоева и товариществу Сергеева в Пензе.

Из протокола следует, что, по мнению Н. Ф. Катанова, «нормальным порядком следует считать то, когда автор книги, издатель и комиссионер получают по 1/3 общей выручки за издание», а Переводческая комиссия, печатающая чувашские издания, никогда не получает 1/3 этих изданий, будучи на правах издателя. И. Я. Яковлев, печатающая за счет комиссии только чувашские издания, совсем почти игнорирует другие издания, напр.: тат [арские], черем [исские], киргиз [ские], вот [ские] и пр., так как большая часть суммы уходит на одни чувашские издания. Катанов предложил общему собранию сделать такого рода постановление, чтобы И. Я. Яковлев, как и всякое другое лицо, печатающее издания комиссии вне Казани, высылал в комиссию по крайней мере одну треть всех сделанных им за ее счет, и впредь, приблизительно за полгода, уведомлял комиссию о том, что намерены в будущем году печатать, какого объема предполагаемые работы и во сколько экземпляров. В противном же случае комиссии не следовало бы брать на себя обязанности возмещать расходы по напечатанию работ иногородних членов и вознаграждению их сотрудников. Постановили: содержание этого заявления сообщить для сведения И. Я. Яковлеву¹.

Очевидно, данная информация была доведена до Яковлева. 19 февраля 1906 г. на очередном заседании Переводческой комиссии ПМО были рассмотрены следующие вопросы: «1) Отчет И. Я. Яковлева о движении книг и вырученных за них денег по складу Переводческой комиссии при Симбирской чувашской учительской школе за время с 1 сентября 1905 г. по 1 января 1906 г. Постановили: ввиду неполноты сведений о сотрудниках просить г. Яковлева о дополнительном отчете. Просить Н. Ф. Катанова проверить отчет вместе с отчетами других складов; 2) Отношение И. Я. Яковлева от 14 февраля

¹ Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 163. С. 91–92.

№ 124 с просьбой разрешить напечатание 5-м изданием брошюры «Последование во святую и великую неделю Пасхи» в 2000 экз. Справка: по заявлению г. казначея в Комиссии сумма не имеется. По словам и. д. делопроизводителя [Н. В. Никольского] книга окупит себя. Постановили: разрешить к напечатанию под условием уплаты расходов из сумм, которые будут выручены от продажи брошюры «Последование во святую Пасху...»¹ Так Катанов и Никольский оказались в немилости у Яковлева (см. эпизоды 1 и 2).

Эпизод четвертый. Николай Федорович активно продвигал начинающего исследователя по служебной лестнице. Катанов был библиофилом и коллекционером, Никольский также собирал личную библиотеку и коллекции этнографических предметов. Совет ОАИЭ 19 марта 1910 г. уведомил Никольского о том, что в годичном общем собрании общества 18 марта он избран в библиотекари Общества на двухлетие – 1910–1912 гг. Скорее всего, по предложению председателя Катанова Никольский составил следующий план работы. Все журналы предстояло привести в алфавитный порядок и внутри каждого журнала по годам, томам и выпускам. В 3-й комнате нужно привести все книги в порядок по формату, проставить на книгах номера, составить алфавитный каталог, завести документальный каталог, книгу алфавитную для записи, статистику и пр. Эту задачу он намерен был выполнить на 6-й и 7-й неделе Великого поста, в период 4–16 апреля. Его помощниками по этому делу были воспитанники духовной семинарии и учительской семинарии².

Эпизод пятый. 4 мая 1911 г. Совет Казанской духовной академии постановил допустить Никольского к участию «в конкурсе для соискания вакансий по кафедре: 1) этнографии татар, киргизов, башкир, чуваш, черемис, вотяков и мордвы; 2) истории распространения христианства между означенными христианскими племенами; 3) татарского языка

с общим филологическим обзором языков и наречий означенных племен»³.

По прошествии времени, возможно, наткнувшись при систематизации своего архива на данное уведомление, Николай Васильевич оставил под текстом такую запись: «Еще до получения этой бумаги у меня появилась мысль отказаться от конкурса, так как к конкурсу допущен был Св. Синодом Н. Ф. Катанов. Наведши в канцелярии академии справку, решил бесповоротно отказаться от конкурса, о чем заявил М. А. Машанову и некоторым другим. 4 мая написал прошение на имя [ректора Казанской духовной академии] Е[пископа] Алексия: “Узнав из достоверных источников, что к конкурсу на соискание кафедры... допущен Св. Синодом профессор Казанского университета Н. Ф. Катанов, я считаю себя нравственно обязанным отказаться от конкурса ввиду большого научного авторитета в области востоковедения профессора Н. Ф. Катанова, в чем я имел возможность убедиться на основании его университетских лекций, а также и из литературных его произведений, всего около 400 названий, касающихся сравнительной тюркологии, языкознания, этнографии и отчасти этнологии.

Преподаватель Казанских миссионерских курсов Н. Никольский.

4 мая 1911 г. до 5 мая в 9 часов это прошение подано Е. Алексию»⁴.

Эпизод шестой. В заключении своей речи перед защитой магистерской диссертации под заглавием «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XV–XVIII веках» 19 мая 1913 г. Никольский благодарит Катанова – за указания в области иностранной литературы и Казанскому ОАИЭ, поместившему в своих «Известиях» его работу⁵. Существенная деталь: не все магистерские работы до защиты их публиковались в данном издании, тем более оно не относилось к духовному ведомству. Кроме того, с разрешения ректора академии епископа Анастасия от 7 мая 1913 г. этот «исторический очерк» (подзаголовок)

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 163. С. 114.

² Там же. Ед. хр. 186. С. 135.

³ Там же. Ед. хр. 207. С. 541.

⁴ Там же. Ед. хр. 207. С. 543–544.

⁵ Там же. Отд. I. Ед. хр. 256. С. 28.

был издан в виде отдельной книги Центральной типографией Казани.

Весьма любопытно читать «ответы» Н. В. Никольского (НВН) на «возражения» оппонента Н. Ф. Катанова (НФК) на защите диссертации. «НФК: По автору чуваша относятся к тюркам, но не сказано: по фонетике, морфологии или лексикологии? НВН: Эти вопросы я предполагал уже достаточно решенными и поэтому считал лишним говорить о них. НФК: Для типа помещен 1 портрет чувашина. Этого недостаточно. Нужно антропометрическое измерение. НВН: Лично мне было желательно поместить не один портрет, а несколько, и притом из разных местностей, но этого сделать не удалось. Что же касается антропометрических измерений, то я считал их не делом моей специальности, а [делом] лиц, получивших специальное медицинское образование, кстати, делающих в настоящее время попытки к антропометрическим измерениям. <...> НФК: Нет в сочинении генезиса религиозных верований. НВН: Это задача специальной работы, и, надо заметить, довольно сложной и громадной. Сюда нужно привлечь массу теогонического материала из религий других урало-алтайских народов, что автор не брал на себя, сводя задачи первой главы к более скромному масштабу – познакомить читателя с чувашинем как он есть, не вдаваясь в вопросы о том, каким он был, почему и каким мог бы стать при известных теогонических веяниях. НФК: Ваш перечень составлен наскоро. В нем опущены даже такие книги, как Кеппен «Хронологический указатель [материалов для инородцев Европейской России]» и Межов «Библиографический указатель книг и журнальных статей, относящихся до Южно-русского края с 1858–1860 гг.». НВН: Да, я не упомянул их, находя достаточным отослать читателя к указателю о [тца] Иванова, в котором есть и указание на Кеппена и Межова. Отослал к указателю о. А. С. Иванова, к книге, которую нетрудно достать (не как Межова). Мне достаточно было пополнить список Иванова изданиями, вышедшими после 1907 г., известными мне как на русском, так и на иностранных языках. НФК: Надо было в отделе о литературе дать то, что

дал Смирнов в трудах о пермяках, вотяках и мордве. НВН: Да. Но это потребовало бы еще, по крайней мере, листов 5 печатных, на каковые я не мог рассчитывать, печатая книгу по любезности Каз. общ. арх., ист., этн.»¹.

В диалоге состоявшегося корифея-востоковеда и начинающего исследователя находим образец высокоинтеллигентной полемики. Такой сюжет стены Казанской духовной академии навряд ли видели в прошлые времена. Минусинский татарин (хакас), выходец из енисейских степей, ставший экстраординарным профессором, оппонирует исследованию выходца из захолустной чувашской деревушки, прошедшего все этапы православного образования (училище, семинария и академия), претендующего стать обладателем ученой степени магистра. Никольский блестяще защитит диссертацию, с 30 октября 1915 г. по конкурсу зачисляется приват-доцентом Казанского университета, и первым его поздравляет Катанов [Димитриев и др., 2011, с. 42]. Совет Московского императорского университета от 24 июня 1916 г., согласно представлению историко-филологического факультета, утверждает Н. В. Никольского в степени доктора истории². В 1917 г., после Февральской революции, Никольского избирают председателем Казанской губернской земской управы. На этом поприще по его инициативе и при поддержке казанской профессуры, в том числе Катанова, в столице поволжско-приуральских «инородцев» открываются высшие учебные заведения: Северо-восточный археологический и этнографический институт (1917–1920 гг., с 1920 г. – Восточная академия, в 1922 г. вошла в состав Восточного педагогического института), Центральная высшая музыкальная школа (с сентября 1918 г., с июля 1921 по февраль 1922 г. – Восточная консерватория).

Эпизод седьмой. 30 декабря 1914 г. Совет Казанского городского научно-промышленного музея получает от Н. В. Никольского

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. С. 32–36.

² Отдел редких рукописей и книг Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета (далее – ОРРК НБ КФУ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

в дар: а) ситцевый платок чувашки Чистопольского уезда Казанской губернии и б) своеобразной формы камень, найденный в окрестностях с. Малое Яушево Ядринского уезда той же губернии, и от имени председателя совета Н. Ф. Катанов выражает свою искреннюю благодарность за пожертвование. В тот же день еще одна благодарность Никольскому – за дар музею части музыкального инструмента *шйпър*¹.

Эпизод восьмой также непосредственно касается взаимоотношений двух корифеев науки и просвещения. Никольский сохранил биографию Катанова (машинопись, копия, с исправлениями рукой Николая Васильевича), составленную им самим 1 декабря 1918 г. для представления в историко-филологический факультет Казанского университета. Папку документов он назвал «Николай Федорович Катанов и его сочинения». Так как в настоящее время жизнеописание Катанова для научного мира общеизвестно, а для родного его хакасского народа – тем более, приведем лишь некоторые фрагменты из нее. В 1893 г. получил в Казанском университете должность преподавателя восточных языков – арабского, персидского, турецкого и татарского; из Казани совершил ряд лингвистическо-этнографических экскурсий в виде командировок от историко-филологического факультета Казанского университета, именно: летом 1896 г. – к сагайцам Минусинского округа Енисейской губернии и летом 1897 г. – к крещеным татарам и тептярам Белебеевского уезда Уфимской губернии, летом 1898 г. – к башкирам, крещеным татарам и тептярам того же уезда Уфимской губернии и летом 1909 г. – к койбалам, сагайцам Минусинского уезда Енисейской губернии. Из имеющихся у Н. Ф. Катанова в рукописях материалов будут извлечены и изданы сведения по диалектологии, словесности и лексикографии турецко-татарских племен, исследованных самим Н. Ф. Катановым в Китайском Туркестане, Русском Туркестане, Южной Сибири и Приуралье. Кроме университета, Н. Ф. Катанов ведет чтения в Казанском археологическом институте по следующим пред-

метам: истории Золотой Орды, обзору источников по изучению местного края, восточной палеографии и нумизматике. С 1905 по 1916 г. включительно Н. Ф. Катанов состоял председателем Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа, комиссии по изданию учебников для иноязычных школ Поволжья, Приуралья и Сибири. Он остался председателем этой комиссии и теперь, когда она перешла в ведение Совета отделов по народному образованию Казанской губернии. С 1905 по 1918 г. Н. Ф. Катанов управлял делами Казанского городского музея в качестве директора историко-этнографического отделения и председателя совета музея. Он состоит также директором историко-этнографического музея при Казанской духовной академии и деканом археологического отделения археологического института².

В книге С. Н. Иванова «Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности)» размещена автобиография ученого-энциклопедиста, которая завершается предложением: «Географическое общество избрало меня действительным членом 17 декабря 1894 г. и Археологическое общество в Санкт-Петербурге – членом-сотрудником 30 марта 1894 г.» [Иванов, 1973, с. 94–98]. Смеем утверждать: если бы автор располагал приведенным нами документом, наверняка включил бы его в книгу.

К этой небольшой по объему биографии имеется приложение – «Список печатных трудов Н. Ф. Катанова по языку, словесности, истории, быту и древностям восточных племен и народов». Возможно, составлен он по поручению Никольского одним из его многочисленных учеников, но в машинописный текст им лично вписаны (почерк его нам знаком по сотням его рукописей) несколько названий трудов Катанова, изданных на немецком языке, например, «Verzeichniss der Sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung des Askys) bilden, von N. Katanoff» (Справочник сагайских названий рек, сел, городов и племен...). В перечне «Языки» –

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. С. 178–179.

² Там же. Ед. хр. 221. С. 40–41.

13 названий, в том числе «Сагайские названия 13 лунных месяцев года, как дополнение к статье академика А. А. Шифнера», «Краткий татарско-русский словарь в транскрипциях арабской и русской», «Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов». В раздел «Словесность» включены «Сказания и легенды минусинских татар», «Приключения муллы ходжи Наср-эд-дина», «Правила житейской мудрости у татар (тюрков) Восточного Туркестана», «Как поняли татары-мусульмане свободу вероисповедания» – всего 55 работ; в части «История» – «Предания тобольских татар о царе Тамерлане», «История торговли в Поволжье», «Несколько слов о распространении христианства в Персии, Месопотамии, Средней Азии, Монголии и Китае», «Случай перехода в ислам православного священника (Иоанна Александровича Громова)» – всего 41 название. В списке «Быт» – 40 наименований, в частности, «Этнографический обзор турецко-татарских племен», «О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней», «Народные приметы и верования мещеряков и башкир», «Народные способы лечения у сагайцев»; в мини-каталог «Древности» включены 20 названий трудов – «Два документа императрицы Екатерины II о древностях Волги и Кавказа», «Эпиграфический памятник Волжской Булгарии» и др.¹

Под списком запись Никольского: «Кроме того, в разных периодических изданиях помещено библиографических заметок 183, в том числе по словесности 125, по истории 14, по этнографии 41 и по археологии 3». Не ограничившись машинописным текстом биографии, Никольский вносит дополнение, указывая, что все приведенные работы отличаются точностью, тщательностью и строгой научностью и по своим работам Катанов является продолжателем работ Радлова и других, старается дополнить их материал. Магистерскую диссертацию об урянхайском языке Н. Ф. Катанова профессор Мункачи находит весьма основательной и капитальной, <...> другой ученый, профессор Берлинского университета Мартин Гартман, называет труды Катанова серьезными в смыслах сравнитель-

ной характеристики говоров на основании собранного им материала, <...> отдельные историко-этнографические статьи, заметки, критические очерки, разбросанные по провинциальным газетам и журналам, желательно собрать в П [олное] с [обрание] соч [инений] Н. Ф. Катанова, которые могли бы служить немалым подспорьем для учеников и последователей Н. Ф. Катанова»².

Эпизод девятый. Поскольку Никольский и Катанов постоянно общались на мероприятиях переводческих комиссий, в учебных заведениях, у них не было необходимости вести активную переписку. Она у них была чисто деловая. Например, письмом от 21 декабря 1907 г. под № 611 председатель ОАИЭ Н. Ф. Катанов уведомляет Н. В. Никольского о включении его в состав Комиссии для составления археологической и этнографической карты Казанской губернии³. В следующем послании под № 158 от 6 сентября 1912 г. «имеет честь представить его высокоородию господину преподавателю Казанской духовной семинарии и Казанских миссионерских курсов Н. В. Никольскому» следующие 9 изданий: «Букварь для киргиз», «Словарь чувашского языка. Вып. II», протоколы заседаний Переводческой комиссии от 14 и 27 декабря 1910 г. и от 31 марта и 17 октября 1911 г.»⁴. Или же Катанов «доводит до сведения Никольского, что 18 марта 1913 г., в 8 часов вечера, в студенческом общежитии университета состоится общее собрание членов ОАИЭ, программа занятий при сем прилагается», где Н. В. Никольский должен выступить с речью «Иногородцы Поволжья во второй половине XVII века»⁵. Из следующего письма под № 222 от 13 мая 1913 г. узнаем, что Катанов приглашает Никольского на общее собрание ОАИЭ, которое состоится в 7 часов вечера 23 мая 1913 г., провести занятие на тему «Уфимские башкиры»⁶.

И вот – «нормальное» письмо Катанова: «От всей души благодарю Вас за любезную

² Там же. Ед. хр. 221. С. 49.

³ Там же. Ед. хр. 338. С. 29.

⁴ Там же. Ед. хр. 232. С. 5.

⁵ Там же. Ед. хр. 238. С. 579.

⁶ Там же. Ед. хр. 239. С. 239–240.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 221. С. 40–49.

присылку “Евангелия на черемисском языке (= Нового Завета)”, 1821 г. Будьте добры, сообщите, что должен буду заплатить Вам за эту бесценную редкость? Я готов приобрести по 1 экз. и всех др. инородческих изданий для себя и по 1 экз. для академического историко-этнографического музея. Заставьте вечно Богу молить, исполните означенную мою просьбу!

От А. А. Воскресенского я получил счета за книги для названного музея. Где же самые книги? По получении книг деньги немедленно же будут уплачены.

Мой низкий поклон, сердечный привет и доброе пожелание Вашей Дражайшей Половине. Уважающий Вас Н. Катанов»¹.

Письмо от 17 февраля 1917 г.: «Глубокоуважаемый Николай Васильевич!

1. Будьте добры принять прилагаемое при сем 20 коп. и удовлетворить просьбу З. Е. Михайлова, – я же ничего не могу сделать.

2. При сем с благодарностью возвращаю 2 вырезки из “Нового времени”: 1) ст. В. А. Мошкова “К истории мирного завоевания России немцами” (№ 14023 “Нового времени” от 27 марта 1915 г.), 2) статью В. В. Радлова “Опровержение”. Обе статьи я прочитал с глубоким интересом.

3. При сем Вам №№ 1, 2, 3 тома II “Иностранного обозрения” за 1916 год. Если не достает каких-либо книг “Иностранного обозрения”, я с удовольствием доставлю их. Напечатано оглавление и титул к I тому “И. О”, т. е. к первым 12 книгам. Если вздумаете переплести весь том, то оглавление можете получить у меня, а если хотите получить I том в коленкоровом переплете, то доставьте 3 руб. и имеющиеся у Вас книги “И. О.” и взамен получите книги в переплете. Впрочем – как хотите.

Уважающий Вас Н. Катанов. Поклон Вашей супруге»².

Эпизод десятый. 21 мая 1921 г. Н. Ф. Катанов составил небольшую анкету, откуда становится известно, что его самый первый труд появился в печати в 1883 г., самый первый, ученый, в 1885 г. (на счет Академии наук) и самый первый в «Известиях Общества

археологии, истории и этнографии» в 1894 г.³ Служебный стаж 28 лет (1893–1921). А если в счет годов службы отнести и 4 года научной командировки от Академии наук и Географического общества (1888–1892), то служебный стаж будет уже 32 года (1888–1921)⁴. В рассмотренных нами томах Рукописного фонда Н. В. Никольского документов, написанных лично Н. Ф. Катановым, больше не встречается.

Эпизод одиннадцатый. И в книге С. Н. Иванова, и в других работах, посвященных жизни и деятельности Н. Ф. Катанова, крайне скупа информация о периоде его работы в Казанской высшей музыкальной школе (Восточной консерватории). Вообще опубликованных материалов об этом уникальном вузе для «инородцев» почти нет. Причина проста: абсолютное большинство документов, связанных с созданием и функционированием его, хранятся в Рукописном фонде Н. В. Никольского – заведующего (после смерти В. М. Айонова) и профессора этого учебного заведения.

Один из документов – отчет Восточной консерватории за 1921 г. (месяц и день не указаны). Председатель собрания – Н. Ф. Катанов, секретарь – Н. В. Никольский. Докладчик – заведующий В. М. Айонов. Он отмечает, что консерватория задается целью: а) систематически изучить и развить музыкальное творчество народов востока России, приобщить народы востока к культурному музыкальному миру путем воспитания на началах народной музыки в связи с преподаванием современного искусства в общем масштабе, б) готовить музыкально образованных деятелей во всех областях музыкального искусства и преимущественно в области восточно-музыкального творчества, в) самым широким образом популяризировать музыкальное творчество народов востока⁵.

³ В «Известиях ОАИЭ» (т. XII, вып. 2) в этом году опубликованы две работы Н. Ф. Катанова: «Качинская легенда о сотворении мира (записана в Минусинском округе Енисейской губернии на качинском наречии тюркского языка 2 июня 1890 г.) и «О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней».

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 336. С. 218.

⁵ Там же. Ед. хр. 335. С. 59.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 243. С. 209–210.

² Там же. Ед. хр. 287. С. 407–408.

О деятельности преподавателей написано, что Николай Катанов Федорович составил краткий курс поэзии кряшен, татар, башкир и других народов востока. При обсуждении доклада Николай Федорович высказывает пожелание, чтобы представители мелких народностей приглашались на заседания художественного совета школы, на что Никольский сразу же информирует собрание о резолюции, одобряющей пожелание Катанова. Другое предложение Н.Ф. Катанова: «При школе должна быть особая библиотека музыкальной этнографии, особый музей музыкальных произведений. Библиотека должна быть составлена по национальностям. Библиотека и музей должны иметь в будущем не только местное значение, но и областное: сюда будут являться с разных мест знакомиться как с литературой, так и с произведениями материальной, музыкальной культуры». Н.В. Никольский «дополнил речь Н.Ф. Катанова пожеланием, чтобы библиотека была составлена в размере каталога, составленного Н.Ф. Катановым по поручению школы и представляющего из себя очень ценную работу». В.М. Айонов также поддержал данную инициативу: «В план школы входит развитие музыкальной литературы на местных языках, например, опер, романсов и т.п.»¹.

Интерес представляет и отчет Научной музыкально-этнографической ассоциации при Восточной консерватории за 1921 г. (месяц и день не указаны). Сообщается, что 27 ноября 1921 г. умер заведующий В.М. Айонов. Новый заведующий, председатель ассоциации профессор Н.В. Никольский напоминает, что «ассоциация является научным ядром Восточной консерватории, это своего рода лаборатория, в которой производится важнейшая работа по изучению музыкальной и текстовой стороны песнетворчества тюркских и финских племен, как-то: татар, чуваш, башкир, мари, вотяков, мордвы, пермяков и т.д.». К началу 1922 г. в ассоциации состояли 17 человек, в том числе шесть профессоров: Н.В. Никольский, Н.Ф. Катанов, А.Ф. Самойлов, Б.Ф. Адлер, А.И. Емельянов, В.И. Виноградов. Сотрудники ассоциации работали по ее заданию

непосредственно среди племен Поволжья, Приуралья, Кавказа, Туркестана и Сибири. Зная местные языки, они вели работу по собиранию песен и мелодий к ним у татар, башкир, вотяков, калмыков, чуваш, мари, пермяков, курдов и пр. В отчете как образцовое оценивается обширное исследование профессора Н.Ф. Катанова под заглавием «Указатель музыкальной этнографии. Казань. 400 стр.». В другом месте: «Катанов Николай Федорович, профессор, специалист по турецко-татарским народностям, дал ценные обследования по общей музыкальной этнографии и, в частности, по турецко-татарским народностям России и других стран». Из отчета видно, что не могла проявиться в должной степени издательская деятельность ассоциации. В лице своего председателя Н.В. Никольского ассоциация неоднократно обращалась к Росиздату и Наркомпросу, но не могла получить ни денег, ни бумаги, поэтому многие работы оставались в рукописи. Среди намеченных к изданию в 1922 г. рукописей значится и работа Н.Ф. Катанова «Тексты и переводы башкирских, мещеряцких, тептярских и татарских песен и стихотворений, записанных автором в 1896 и 1897 гг. в Уфимской губернии»². Среди выступавших на обсуждении отчета ассоциации не было Н.Ф. Катанова, он еще не оправился от паралича.

В этом же томе Рукописного фонда Н.В. Никольского приведены анкеты профессоров и преподавателей Восточной консерватории, даты их составления не указаны. Анкета же Н.Ф. Катанова датируется 26 мая 1921 г., то есть приложена прежняя. Эта анкета, имевшая целью краткое ознакомление с персоналией, примечательна тем, что она, по-видимому, последняя, составленная Катановым (машинопись, копия).

Анкета весьма обширна (по объему в два-три раза больше, чем у остальных коллег Николая Федоровича) и конкретна по всем пунктам. Например, пункт «Время рождения»: воскресенье, 2 мая 1862 г.; «Образовательный ценз»: 8 лет (1876–1884) в Красноярской классической гимназии, 4 года (1884–1888) в Петроградском университете

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 335. С. 66–67.

² Там же. Ед. хр. 335. С. 70–81.

по факультету восточных языков, имеет ученую степень магистра турецко-татарской словесности от Петроградского университета и доктора сравнительного языкознания от Казанского университета; «Специальность»: туркология, лингвистика, т.е. теория языка турецко-татарских (тюркских) племен; «Где служит»: в [казанских] университете, археологическом и этнографическом институте, высшем институте народного образования и высшей музыкальной школе; «В качестве кого служит»: в качестве профессора в университете, директора нумизматического музея, декана археологического и этнографического института. Пункт «Служебный стаж» краток, но всеобъемлющ: «В университете 28 лет (1883–1921) преподает теорию языков арабского, персидского, турецкого, татарского, киргизского, <...> в археологическом и этнографическом институте 3 года (1918–1921) преподает татарский язык, историю татарской литературы, татарскую и восточную нумизматику, историю татарско-турецких племен и восточную хронологию (арабскую, русскую, церковную и советскую), <...> в высшей музыкальной школе с 1919 г. преподает татарский язык в графиках, русский, арабский, латинский, обращая преимущественно внимание на народное песнетворчество». В пункте «Указать работы, выразившиеся в постройках, производстве предприятий и т.п.» профессор с присущим ему юмором отвечает: «Никаких построек не возводил и никаких предприятий не производил, <...> для университета был составлен отчет о доходах, расходах и деятельности типографии за 35 лет (1875–1910), для высшей музыкальной школы был составлен “Указатель литературы по музыке, пению и танцам народностей России”»¹.

Большой интерес представляет пункт 10 анкеты «Указать научные работы и изобретения». Николай Федорович отмечает, что «печатных работ было 381 название, из коих 115 указывается в прилагаемом при сем списке, в который не включены сочинения критико-библиографического характера, помещенные в разных журналах и газетах». Из других трудов, «исполненных за послед-

ние 2 года (1919–1921)», профессор называет следующие: по поручению Чувашского отдела Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР составлен «Обзор чувашских слов в болгарских и татарских памятниках» и составляются «Историко-этнографический очерк чуваш» и «Указатель литературы о чувашах»; по поручению научного отдела Татнаркомпроса составлены и изданы «Регламент по организации библиотек и управление ими», «Инструкция по собиранию сведений касательно фонетики, морфологии и словесности татар» и «Указатель литературы по истории татар». Кроме того, добавляет профессор, «на руках имеются весьма обширные рукописные материалы, собранные по поручению Академии наук, Русского географического общества и Казанского университета и состоящие в сказках, рассказах, пословицах, загадках, песнях, стихотворениях, толкованиях снов, приметах и прочих произведениях народной словесности: 1) казак-киргизов Семиречия и Дзунгарии (собр. в 1890–1892 гг.), 2) сартов Семиречия (собр. в 1890 г.), 3) тюрков Китайского Туркестана (собр. в 1890–1893 гг.), 4) крещеных татар Минусинского уезда Енисейской губернии (собр. в 1896, 1899, 1909 гг.), 5) татар, башкир, мещеряков и тептярей Уфимской губернии (собр. в 1897 и 1898 гг.) и 6) крещеных татар Уфимской губернии (собр. в 1897 и 1898 гг.). Из пункта «Организаторская деятельность»: «Состоял членом организационного комитета по учреждению Высшего института народного образования, Северо-восточного археологического и этнографического института, Восточной академии и Съезда историков в Казани. Со студентами археолого-этнографического института летом 1920 г. совершил экскурсию в село Болгары-Успенское Спасского уезда Казанской губернии, был организатором выставки народов Востока»².

Список научных работ профессора охватывает 34 года (1887–1921). Из 115 сочинений невозможно выделить хотя бы несколько, чтобы называть именно их выдающимися, они все представляют и в настоящее время большой научный интерес. Всякие здания

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 335. С. 86–87.

² Там же. Ед. хр. 335. С. 88–93.

изнашиваются, даже вроде бы «вечные египетские пирамиды» время от времени реставрируются. Н. Ф. Катанов «построек не возводил и никаких предприятий не производил», но оставленное им научное наследие является вечным нерушимым памятником подвижника-тюрколога, ученого-востоковеда.

Труды Катанова являются, безусловно, важными и для чувашских исследователей, например, для сопоставительного анализа в лингвистических исследованиях, для прослеживания пути миграции предков чувашей – гуннов, затем болгар, при исследовании мифологии и пр. Важными в этом отношении, на наш взгляд, являются работы Николая Федоровича: «Сказания и легенды минусинских татар», «О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней», «О татарских изданиях, касающихся Болгарского и Казанского царств», «О свадебных обычаях татар Восточного Туркестана», «Предания тобольских татар (в прозе и стихах) о Кучуме и Ермаке», «Приметы и поверия тюрков Китайского Туркестана, касающихся явлений природы», «История Казани и Казанского царства К. Ф. Фукса с замечаниями Н. Ф. Катанова», «Сказания иностранцев о Казани...», «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках», «Этнографический памятник Волжской Булгарии», «Погребальные обряды и предания Тобольских татар», «Каталог книг (русских и восточных), отпечатанных в типографии Казанского университета с 1800 по 1897 г. ».

Один из документов информирует (дата не указана), что за работу «Песнетворчество народов Востока» Н. Ф. Катанову выплачено 4 000 000 руб.¹.

16 января 1921 г. директор Восточной консерватории Н. В. Никольский обращается с письмом в Комиссию Помгола² с просьбой улучшить питание, по крайней мере, части педагогического персонала консерватории и их семей. Он просил оказать помощь в виде выдачи муки преподавателям, в том числе и Николаю Федоровичу Катанову, который

недавно оправился от паралича. Ему необходимо усилить и улучшить питание³.

На экстренном заседании художественного совета Восточной консерватории 4 марта 1922 г. Никольский заявил о снятии им с себя обязанностей директора учебного заведения ввиду создавшихся условий для консерватории и невозможности улучшить их. Художественный совет просил Н. В. Никольского продолжить ведение им начатых курсов истории народной музыки народов Поволжья, а также научно-организаторскую работу⁴. На заседании член художественного совета Н. Ф. Катанов не присутствовал. Из последней в истории консерватории «требовательной ведомости» на выдачу преподавателям и служащим заработной платы (за март 1922 г.), подписанной Никольским, видно, что в тот период Катанов преподавал в неделю 6 часов, и ему положено выдать по 10 марта по расчету 1 689 170 руб., частичная выдача 466 390 руб.⁵. Николай Федорович умер 9 марта – в последний день работы консерватории.

Эпизод двенадцатый. Н. В. Никольский и в другом своем рукописном архиве, переданном после его смерти супругой Александрой Владимировной в Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета в 1961 г., сохранил множество документов о работе казанских вузов в послереволюционный период, среди них имеются и материалы, относящиеся к Н. Ф. Катанову: его записка от 26 мая 1921 г. с планом издания в 1921 г. текстов и переводов песен и стихотворений, собранных в 1896 и 1897 гг. в Уфимской губернии⁶; анкетный лист Николая Федоровича Катанова⁷; письмо Ив. Барашкова от 8 апреля 1957 г. с информацией о праздновании юбилея Н. Ф. Катанова в г. Абакане⁸; письмо ученого секретаря ХакНИИЯЛИ Д. Патачаковой к Н. В. Никольскому с просьбой прислать свои воспоминания о Н. Ф. Катанове

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 338. С. 37.

² Помгол – здесь: Казанский губернский комитет Всероссийского комитета помощи голодающим.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 336. С. 150–151.

⁴ Там же. Ед. хр. 336. С. 176.

⁵ Там же. Ед. хр. 335. С. 53.

⁶ ОРРК НБ КФУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 22. Л. 38.

⁸ Там же. Д. 30. Л. 17–18.

от 2 декабря 1957 г.¹; письмо Н. В. Никольского к исследователю жизни и деятельности Н. Ф. Катанова И. В. Барашкову от 9 мая 1958 г. об издании архива Н. Ф. Катанова²; письмо тюрколога-профессора Н. А. Баскакова от 24 мая 1959 г. с предложением издания словаря Н. Ф. Катанова³; письмо к Н. А. Баскакову от 2 июня 1959 г. с просьбой отредактировать и издать словарь Н. Ф. Катанова⁴; письмо к Н. А. Баскакову от 3 сентября 1960 г. с просьбой выступить в качестве редактора словаря Н. Ф. Катанова⁵. Как видно, Н. В. Никольский сохранил добрую память о своем соратнике по «общеинородческому» делу и всемерно старался пропагандировать его наследие.

Заключение

Чувашский ученый мир всегда высоко ценил роль Н. Ф. Катанова в просвещении чувашского народа в одном ряду с собственными исследователями, педагогами-просветителями. В Рукописном фонде НА ЧГИГН хранятся материалы, проливающие свет на некоторые моменты во взаимоотношениях чувашских просветителей И. Я. Яковлева и Н. В. Никольского, просветителя-востоковеда Н. Ф. Катанова. Оригиналы и копии некоторых документов, в настоящей статье впервые введенные в научный оборот, рассказывают о малоизвестных эпизодах из жизни просветителей нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири Н. Ф. Катанова и Н. В. Никольского. Часть источников инфор-

мирует об их совместной работе в Казанской высшей музыкальной школе.

Литература

- Дегтярев Г. А., Андреев В. А.** Катанов Николай Федорович // Чувашская энциклопедия: в 4-х т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 494 с.
- Димитриев В. Д., Леонтьев А. П., Матвеев Г. Б.** Ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 303 с.
- Егоров В. Г.** Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка: к 75-летию со дня рождения. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. 44 с.
- Иванов С. Н.** Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. М.: Наука, 1973. 114 с.
- Яковлев И. Я.** Моя жизнь. Воспоминания. М.: Республика, 1997. 696 с.

References

- Degtyarev G. A., Andreev V. A.** Katanov Nikolai Fyodorovich [Katanov Nikolai Fyodorovich]. In: Chuvash Encyclopedia. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, in 4 volumes, vol. 2, 494 pp. (In Russian).
- Dimitriev V. D., Leontev A. P., Matveev G. B.** Uchenyi, prosvetitel', obshchestvennyi deyatel' [The scientist, educator, public figure]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2011, 303 pp. (In Russian).
- Ivanov S. N.** Nikolai Fyodorovich Katanov (ocherk zhizni i deyatelnosti) [Nikolai Fyodorovich Katanov (essay on life and work)]. Moscow, Nauka, 1973, the 2nd edition, 114 pp. (In Russian).
- Yakovlev I. Ya.** Moya zhizn'. Vospominaniya [My life. Memories]. Moscow, Respublika, 1997, 696 pp. (In Russian).
- Yegorov V. G.** N. I. Ashmarin kak issledovatel' chuvashskogo yazyka: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya [N. I. Ashmarin as a researcher of the Chuvash language: on the 75th anniversary of his birth]. Cheboksary, Chuvashgosizdat, 1948, 44 pp. (In Russian).

¹ ОРРК НБ КФУ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 153.

² Там же. Д. 28. Л. 2.

³ Там же. Д. 30. Л. 21.

⁴ Там же. Д. 28. Л. 74.

⁵ Там же. Д. 28. Л. 84.

ТОХАРЫ – ДРЕВНЕЙШИЕ ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ В ЕВРАЗИИ?

Г. Ю. Ситнянский

Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский проспект, 32 А, Москва, 117334, Россия; email: sitnyan@mail.ru

Древнейшими индоевропейскими насельниками Евразийского пространства, под которым автор понимает территории России и прилегающих к ней восточнославянских государств и Великой Степи, как представляется, следует признать носителей тохарских языков, которые отделились от общеиндоевропейского этнического массива не позднее V тыс. до н. э., скорее всего, на территории Передней Азии или в каких-то евразийских регионах, в европейской или азиатской части Великой Степи, и широко расселились как по Евразийскому пространству, так и за его пределы, в Передней, Центральной и Восточной Азии. Вопрос о принадлежности тех или иных археологических культур к прототохарским остается дискуссионным, на территории Евразийского пространства, предположительно, тохарскими те или иные авторы считают не менее десятка разных культур. При этом есть основания полагать, что прототохары произошли от зарзийской культуры (Передняя Азия, XVI–VI тыс. до н. э.), а на территории Евразийского пространства наиболее вероятно тохарская принадлежность афанасьевской культуры. Также с большой долей вероятности можно считать тохарами гутиев (Месопотамия, конец III тыс. до н. э.) и больших юэчжи (они же кушаны, Средняя Азия, II в. до н. э. – IV в. н. э.). Как бы то ни было, носители тохарских языков во времена, предшествовавшие появлению на исторической арене индоиранских культур, а отчасти и позже очень широко расселялись по Евразийскому пространству.

Ключевые слова: Евразийское пространство, тохары, прототохары, первые индоевропейцы, гутии, юэчжи.

THE TOKHARS – ARE THE OLDEST INDO-EUROPEANS IN EURASIA?

Georgy Yu. Sitnyansky

The Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32 A Lenin Ave., Moscow, 117334, Russia; email: sitnyan@mail.ru

The oldest Indo-European inhabitants of the Eurasian space, which the author refers to the territories of Russia and the adjacent East Slavic states and the Great Steppe, it seems, are apparently native speakers of the Tokharian languages, who separated from the pan-Indo-European ethnic array no later than the 5th millennium BC, most likely in the territory of Near Asia or in some Eurasian regions, in the European or Asian part of the Great Steppe, and widely settled both across the Eurasian space and beyond – in the Near, Central and Eastern Asia. The question of whether certain archaeological cultures belong to Proto-Tokharian ones is still debatable; in the territory of the Eurasian space, some or other authors consider at least a dozen different cultures to be Tokharian. At the same time, there is a reason to believe that the Proto-Tokhars are descended from the Zarzian culture (Near Asia, 16th–6th thousand BC), and on the territory of the Eurasian space, the Tokharian belonging to the Afanasev culture is most likely. Besides, with great probability, we can consider the Guti (Mesopotamia, the end of the 3rd millennium BC) and the Great Yuezhi (also known as the Kushans, Central Asia, 2nd century BC – 4th century AD) to be the Tokhars. Anyway, native speakers of the Tokharian languages settle very widely across the Eurasian space in the times preceding the appearance of the Indo-Iranian cultures on the historical arena, and rather later.

Keywords: Eurasian space, Tokhars, Proto-Tokhars, first Indo-Europeans, Guti, Yuezhi.

Предпосылки пересмотра сложившихся представлений о первых насельниках древнего Евразийского пространства, под которым подразумеваются территории нынешних трех восточнославянских и двух степных (Казахстан, Киргизстан) государств [подр. см.: Ситнянский, 1994, с. 112–119; Ситнян-

ский, 1996, с. 161–170; Ситнянский, 2006; Ситнянский, 2012 и др.], обусловлены, кроме прочего, так называемой «тохарской проблемой», поскольку в контексте прежней схемы ни о каких тохарах или прототохарах речь не может идти вплоть до второй половины II в. до н. э., когда на территорию Греко-

Бактрии вторгаются племена, известные по китайским хроникам как большие юэчжи (территория Греко-Бактрийского царства – нынешние Узбекистан и Северный Афганистан – в Евразийское пространство не входит, но по пути туда юэчжи некоторое время жили в Семиречье). Большинство исследователей они отождествляют с тохарами античных источников [Ковалев, 2004, с. 263–264 и мн. др.], но не все с этим согласны. Например, Б. Я. Ставиский полагает, что «связь тохаров с юэчжи... остается лишь гипотезой» [Ставиский, 1977, с. 103]. Некоторые другие авторы, отождествляя юэчжи и Кушанскую империю с тохарами, при этом считают их «ираноязычными» («скифские племена юэчжи и усуней, получившие от античных авторов название тохаров») [Древние, 1940, с. 12; Петухов, Васильева, 2007, с. 76].

Действительно, древние греки не знали китайского названия юэчжи, а называли все племя по имени одного из его родов – тохарами. Так, Птолемей в землях, населенных юэчжи, отмечает народ «тагури» и города Тагурон и Тогара. Страбон упоминает тохаров в числе народов, завоевавших Бактрию у Греко-Бактрийского царства [Рахманалиев, 2019, с. 29]. Эти же племена армяне называли кушанами [Древние, 1940, с. 100]. Н. Я. Бичурин считал «гуйшуан» (кушан) одним из пяти племенных родов юэчжи [Древние, 1940, с. 109], а пакистанский автор М. Пури и ряд других авторов – главным среди пяти племен юэчжи [Древние, 1940, с. 13; Puri, 1974, с. 182–189].

Но, как бы то ни было, в период до прихода юэчжи классическая историческая версия никакого присутствия тохаров в Средней Азии не допускает. Тем более не идет речь о тохарах на евразийских территориях. Уяснив все это, вернемся к вопросу о том, откуда тохары пришли в те места, откуда в III–II вв. до н.э. были изгнаны хуннами. На сегодня по этому вопросу имеются три гипотезы.

Первая – условно «автохтонная», которая подразумевает окончательное выделение носителей тохарских языков где-то недалеко от мест их исторического проживания. По сумме мнений наиболее подходящими

на эту роль являются три южносибирские археологические культуры – афанасьевская, карасукская и андроновская. Но последняя довольно четко увязывается с носителями индоиранских языков, поэтому ее можно вычеркнуть из списка. Впрочем, есть основания полагать, что участие в этногенезе андроновцев приняли и тохары; к этому мы еще вернемся.

Из оставшихся двух культур большинство исследователей считают наиболее подходящей афанасьевскую (Верхнее Прииртышье, Верхнее Приобье, Минусинская котловина, XXXI–XXV вв. до н.э.). Так, тохарами называет афанасьевцев В. А. Сафронов [Сафронов, 1983, с. 81]. При этом, по мнению В. В. Напольских, данные лингвистики и археологии свидетельствуют о заметном участии прототохарского (точнее, паратохарского, или той части прототохарских групп, которые не оставили прямых языковых потомков) компонента в сейминско-турбинском транскультурном феномене (общее наименование археологических памятников со специфическими бронзовыми находками, распространившихся в 2150–1600 гг. до н.э. от Алтая и Саян до Урала, а в XVI–XV вв. до н.э. – по лесной полосе как минимум до Оки и Нижегородского Поволжья) [Напольских, 1997, с. 155]. Но более того, тохары явно контактировали с носителями указанных культур раньше указанного времени, что, как мы увидим, коррелирует с предполагаемыми временами расселения тохаров.

В. А. Семенов предлагает на роль прототохарской культуры ямную (степь и лесостепь от Днепра до р. Урал и на север примерно до Киева и Самары, 3600–2300 гг. до н.э.), ссылаясь в том числе на французского исследователя Э. Бенвениста [Семенов, 1987, с. 17–19], с чем не согласно большинство исследователей, видящих в ней предков носителей индоиранских языков, в том числе В. А. Сафронов, полагающий ареал ямной культуры еще более обширным, от Венгрии до Зауралья, а на юг – до Балкан и Северного Кавказа [Сафронов, 1983, с. 77], В. В. Напольских [Напольских, 1997, с. 149], В. А. Посредников [Посредников, 1990, с. 185–187]. Но так ли это? Начнем с того, что ряд авторов говорит о феномене «двух

культур» (разных по этнической принадлежности) в составе культуры андроновской [Кузьмина, 1988, с. 35–46]. Тем более логично предположить такой феномен в составе предшествовавших андроновцам культур афанасьевской и ямной.

Интересно, что В. А. Сафронов, считая афанасьевцев тохарами, а древнеямников – иранцами, при этом говорит о сходстве их материальных культур [Сафронов, 1983, с. 81, 84]. В. А. Посредников пишет: «Поскольку ямная общность связывается некоторыми специалистами с еще не разделившимся арийским, индоиранским горизонтом, то логично предположить в афанасьевцах тохаров» [Посредников, 1990, с. 185–187]. Таким образом, речь может идти либо о еще не разделившейся на иранские и тохарские языки общности, либо о том же феномене «двух культур».

Вторая гипотеза – условно «европейская», позволяющая увязать происхождение тохаров с миграцией той или иной европейской археологической культуры. Л. С. Клейн предлагает на эту роль балановскую группу фатьяновской культуры (III тыс. до н.э.; последняя в целом занимала Волго-Окское междуречье, среднее течение Волги примерно до Ульяновска, нижнее течение Вятки и Камы, ее балановская группа – восточную часть этого ареала, к востоку от Нижнего Новгорода), связывая таким образом ее с карасукской, которую он видит как происходящую от фатьяновской. В. А. Семенов, однако, однозначно считает тохарами не карасукцев, а афанасьевцев [Семенов, 2002, с. 114–116]. А. А. Ковалев в ряде работ предлагает на роль предков тохаров представителей чемурчекской культуры (Монгольский Алтай, Джунгария, 2600–1700 гг. до н.э.), в которой он видит поздний этап афанасьевской культуры, хотя его гипотеза миграции носителей прототохарского языка в первой половине III тыс. до н.э. из Южной Франции и Швейцарии [Ковалев, 2012, с. 3, 151–152] представляется несколько фантастичной и противоречащей другим источникам.

Но является ли прототохарской афанасьевская культура или чемурчекская, или обе (не исключено с учетом того, что чемурчек-

ская культура возникла одновременно с исчезновением афанасьевской), или чемурчекская культура – переместившаяся чуть южнее поздняя афанасьевская, что и логично с учетом того, что в дальнейшем мы застаем тохаров-юэчжи еще южнее (логично здесь принять точку зрения А. А. Ковалева), очевидно, что две изложенные гипотезы происхождения тохаров не противоречат одна другой, прародина их занимает достаточно обширное евразийское пространство: в андроновско-срубные времена – протоиранское, в более ранние – очевидно, прототохарское.

Менее очевидно, что прародина собственно прототохарского этноса – Южная Сибирь, хотя их долгое проживание в Сибири несомненно. Так, в китайских летописях пазырыкцы (Горный Алтай, Казахстан, VI–II вв. до н.э.) именуются юэчжами [Руденко, 1967, с. 724], хотя считаются ирано-самодийцами. Юэчжи, проживавшие на Алтае, тесно связаны с племенами большереченской культуры (лесостепи Алтая, Новосибирская, Томская области, VII–I вв. до н.э.) [Троицкая, 1979, с. 46]. Ослабление связей большереченцев с юэчжами произошло из-за хуннских вторжений [Савинов, 1983, с. 21–30]. А. А. П. Дульзон приходит к выводу, что названия «та», «теке» к западу от Верхней Оби и «ча», «чага» к востоку от нее – тохарского происхождения [Дульзон, 1969, с. 3–9].

Итак, афанасьевская культура, предположительно, была создана мигрантами из Восточной Европы, в частности, носителями ямной культуры, ассимилировавшими местное население, и дала начало андроновской. Наибольшее краниологическое сходство с афанасьевским населением также демонстрируют ямники Волго-Уралья. В геноме как ямников, так и афанасьевцев преобладают аллели, связанные со светлой кожей и голубыми глазами [Хохлов и др., 2016, с. 86–106]. С другой стороны, ямников некоторые авторы считают прародителями всех индоевропейцев [см. также: Масиато, 2017], значит, и тохаров, что представляется неверным с учетом того, что тохарские языки, как мы ниже увидим, скорее всего, выделились из общеиндоевропейских ранее 3600 г. до н.э.

Вместе с тем, как представляется, не может быть сброшена со счетов и третья гипотеза – переднеазиатская, связывающая миграцию тохаров из предполагаемой «анатолийской прародины» индоевропейцев. А. А. Ковалев в своих ранних работах видел связь бронзовых изделий (в основном оружия) китайской культуры чаодагоу с эламской традицией, выводя, таким образом, миграцию прототохаров в Западный Китай из современного Ирана [Ковалев, 2012, с. 250–259]: Элам был расположен на юго-западе нынешнего Ирана, в Хузистане. По другой версии, тохары мигрировали из гор Загроса. Так или иначе, по мнению Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, именно этим объясняется сходство древнеближневосточных культур с древнекитайскими [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 16]. При этом есть основания считать, что и ямная культура через длинную цепь культур-посредников связана с «анатолийской прародиной». Рассмотрим вкратце эту цепь.

Предшественницы ямной культуры занимали менее обширный ареал, например, хвалынская культура (V–IV тыс. до н.э.) – территории нынешних Самарской, Саратовской и запада Оренбургской областей, как и ее предшественницы, самарская культура (V тыс. до н.э.), средневолжская (VI–V тыс. до н.э.) и др. Последняя сформировалась на рубеже VII–VI тыс. до н.э. на бывшей территории елшанской культуры (занимавшей примерно те же территории) в результате миграции на север населения из Нижнего Поволжья [Ранний неолит]. Так, аналогии между елшанской культурой и насельниками Северного Прикаспия прослеживаются в орнаменте керамики; но более того, расцвет этой культуры происходил под влиянием с юга. Елшанское население относится к североевропейской антропологической формации. Но при этом И. Б. Васильев и А. А. Выборнов, основываясь на некотором сходстве остродонных керамических сосудов, считают, что возникновение памятников елшанского типа – это результат миграции на Среднюю Волгу инокультурного населения из Средней Азии, вероятно, наследников зарзийской культуры [Васильев, Выборнов, 1988, с. 86]. Последняя представляет

собой археологическую культуру верхнего палеолита и мезолита в Иране, Ираке и Средней Азии (ок. 16000–6000 лет до н.э.). Помимо миграции на Среднюю Волгу, часть зарзийского населения по восточному берегу Каспийского моря мигрировала в Южное Зауралье, где сложилась мезолитическая янгельская культура, которая существовала в IX–VII тыс. до н.э., а возможно, и ранее – в начале голоцена или даже в позднем плейстоцене (переход от плейстоцена к голоцену произошел, как принято считать, между 10000 и 9500 гг. до н.э.) [Мезолит СССР, 1989, с. 197]. При этом и древняя культура, по мнению М. Гимбутаса, развивалась первоначально в районе от Аральского моря до Среднего Дона, лишь позже продвинувшись до Днестра [Даниленко, 1974, с. 33].

При этом анатолийская прародина датируется 7500–6000 гг. до н.э. [Bouckaert, 2012, с. 957–960], но из сказанного видно, что раньше, и не анатолийская, а, скорее, зарзийская в более восточных районах. Поэтому вполне можно допустить, что между XVI и IV тыс. до н.э. тохары отделились от «общиндоевропейцев», во всяком случае, раньше, чем другие индоевропейцы [Даниленко, 1974, с. 137]. Однако временной разброс слишком огромен – более 10000 лет. Поэтому вопрос о том, где и когда это произошло, остается открытым, хотя очевидно, что минимум на одно или два тысячелетия – ранее IV тыс. до н.э. Если это случилось в IX–VII тыс. до н.э. или чуть позже, то скорее в Южном Приуралье, а не в Анатолии. Тогда и носители ямной культуры – это предки именно тохаров (возможно, уже начавшие иранизироваться), а не индоевропейцев в целом. Анатолия же – прародина последних, а не тохаров. Так или иначе, самое позднее к концу IV тыс. до н.э. миграция в Южную Сибирь, в «афансьевские» районы, из Южного Зауралья и/или из Восточного Прикаспия завершилась, и проходила она через Казахстан, север Средней Азии и юг Западной Сибири.

А какая-то часть прототохар могла остаться в Передней Азии. Близкую А. А. Ковалеву концепцию высказывал британский автор В. Б. Хеннинг, указывая на родство тохарских

языков с языком гутиев (и близких гутиям «тукри», что, кстати, напоминает название «тохары») района Загроса [Henning, 1978, с. 215–230]; его поддерживают Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 14–15]. Л.С. Клейн тоже говорит о родстве гутиев с тохарами [Клейн, 2007, с. 168]. В частности, выдвинута гипотеза о том, что именно гутии (кутии) впоследствии переселились в Центральную Азию, став предками тохар. Соответственно, названия близкородственных племен Gutī (Kutī) и Tukri, упомянутые в клинописных источниках III–II тыс. до н.э., аналогичны названиям тохарских племен и их языков «kuči» и «toχār»/«tuγgi», известными по письменным памятникам I тыс. н.э., когда были созданы и сохранившиеся тохарские тексты. Данные о языке гутиев крайне скудны, это лишь имена их царей [Рассоха, 2007].

«Неопределенно-индоевропейская» (в свете всего сказанного – явно тохарская. – Г.С.) культура Северо-Восточного Ирана IV–III тыс. до н.э. прекратила свое существование в начале II (или в конце III) тыс. до н.э.

Проникновение в пределы Передней (и Средней) Азии хеттов, прототохар и митанийских ариев в III–II тыс. до н.э. произошло, вероятно, из северных районов, предположительно – от Северного Причерноморья до предгорий Алтая, откуда они были вытеснены двигавшимися с севера протоиранцами. В качестве гипотезы: расселение до V тыс. до н.э. прототохарского массива индоевропейцев можно локализовать по линии: Прибалтика – Верхняя Волга – Средний Урал и соотнести с ними Нарвскую, Верхневолжскую и отчасти Волго-Камскую археологические культуры; отсюда они двинулись в IV тыс. и на восток, в Казахстан и Южную Сибирь, и на юг, в Переднюю Азию [Семенов, 1987, с. 17–19].

Гутии появляются в Передней Азии в конце III тыс. до н.э. или несколько ранее в верховьях р. Дьялы и рядом с оз. Урмия. Предположительно, они пришли из Средней Азии и с южного побережья Каспийского моря. Вероятной территорией их первоначального обитания могут служить два исход-

ных пункта: 1) прикаспийские степи; 2) более северо-восточные районы, близкие к Алтаю; как вариант – то и другое, вся территория Казахстана от Каспия до Алтая. По другой версии, принадлежность к анатолийскому диалекту позволяет соотнести их с одним из племенных образований, относящимся к трипольской культуре. Так или иначе, место первоначальной локализации предков гутиев относится к Евразийскому пространству.

Проход гутиев через Закавказье представляется некоторым авторам (например, Н. Кудряшову) проблематичным в связи с наличием в этих районах воинственных хурритских племен и многочисленных поселений куро-аракской культуры [Кудряшов, 2011]. Однако А.М. Малолетко полагает, что и куро-аракская культура имеет отношение к гутиям; при этом узоры на куро-аракской керамике характерны и для алакульской и федоровской культур андроновской общности [Малолетко, 2007, с. 20–22], что позволяет говорить о роли тохаров в формировании последней.

Об алтайском происхождении гутиев (точнее, об Алтае в качестве их исходного пункта до появления на Иранском нагорье) могут косвенно свидетельствовать языковые следы лексических сходжений, если предположить их продвижение из северных районов Средней Азии и Южного Урала не позднее (скорее, раньше) чем в III тыс. до н.э., когда здесь обитали племена, составившие основу единой финно-угорской общности. В самом деле, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов датируют языковые заимствования из тохарских языков, как в тюркских, так и в финно-угорских языках, пратюркским временем [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 26–27]; началом последнего считается середина IV тыс. до н.э., когда тюрко-монгольская подсемья (выделившаяся из алтайского праязыка приблизительно в V тыс. до н.э.) распалась на тюркскую и монгольскую ветви. Но когда этот этап завершился?

А.Х. Халиков считал, что тюркская общность формировалась и развивалась не только в Центральной, но и Западной Азии, от Алтая до Южного Урала. Тюркам, по мнению А.Х. Халикова, принадлежала бегазы-дандыбаевская культура, зафиксированная

на территории Центрального Казахстана в начале I тыс. до н.э. Согласно А. Х. Халикову, на основе дездыбай-богазинской культуры Центрального Казахстана и бесобинской культуры Северного Приаралья в первых веках I тыс. до н.э. формируются западные прототюркские племена. В IX–VIII вв. до н.э. они заселяют Южный Урал. Таким образом, пратюркский этап датируется серединой IV – началом I тыс. до н.э. При этом древнейшие тюркоязычные племена должны были расселяться не восточнее Алтая [цит. по: Антонов]. Время тюркских государств восточнее Алтая наступит несколько позже, начиная со времен хуннов.

Что касается финно-угров, то, возможно, ранние контакты тохаров с ними имели место во времена кельтеминарской культуры (Южное Приаралье, VI–III тыс. до н.э.) [Даниленко, 1974, с. 138]; мы уже видели, что какие-то предки тохаров в указанное время могли жить по соседству. По другой версии, контакты тохаров с финно-уграми имели место не ранее распада уральского и финно-угорского языков (середина II тыс. до н.э.) и не позднее второй половины I тыс. до н.э. [Напольских, 1997, с. 155].

Интересен перечень заимствований из тохарских языков. Например, тюркское «bes» («пять») происходит от тохарского «bis»; слово «медь» в пратюркском – «uez», в финно-угорском – «vaski», в тохарском В – «yasa», а в тохарском – «was» (над «a» две точки) означало золото и т.д. Местом же этих взаимодействий ряд авторов считает север Средней Азии и прилегающие к нему с севера и востока области [Гамкрелидзе, Иванов, 1989, с. 26–28; Кудряшов, 2011], т.е. евразийские степи Казахстана и Семиречья. Как уже говорилось, известная в этой местности федоровская культура, скорее всего, имела смешанный характер [Кузьмина, 1988, с. 35–46]. Заимствование пратюркских лексических сходжений, вероятно, происходило еще дальше к востоку, в районах, близких Алтаю.

Одновременно тохары двигались из европейской части евразийских степей и на юг и юго-восток, в Иран и Месопотамию. Упомянутые уже гуттии около 2200 г. до н.э.

после длительной борьбы разбили аккадцев и сумели завладеть почти всей Месопотамией. Также они вели войну с Эламским царством и, видимо, в конце концов разгромили его.

Около 2109 г. до н.э. цари Третьей династии Ура разбили гутиев и отбросили в горы Загроса. Несмотря на то, что гуттии продолжали угрожать последующим месопотамским царствам, они больше никогда не контролировали столь обширных территорий. К концу II тыс. до н.э. гуттии как этническая общность, согласно существующей концепции, исчезают с исторической арены Передней Азии. Возможно, и здесь тохароязычные гуттии были ассимилированы пришедшими иранцами, передав на какое-то время им свое имя. В целом археологические находки тохарского происхождения датируются для Юго-Западного Ирана (тогдашний Элам) периодом с 2600–2400 гг. до рубежа III–II тыс. до н.э., для Месопотамии – серединой – концом III тыс. до н.э. [Ковалев, 2004, с. 256–259]. Другая составная среднеазиатских и центральноазиатских тохаров – упоминавшиеся уже тукри – локализовалась во II тыс. до н.э. рядом с кутиями. Они были прекрасными ремесленниками, изготовителями металлических сосудов. Вообще, металлургия их основное занятие и средство торговли. Земли народа тукри назывались страной Тукриш [Кудряшов, 2011].

А теперь перенесемся в Центральную Азию. Как уже ясно из сказанного выше, тохары рано ушли на восток с индоевропейской прародины и не позднее II тыс. до н.э., в период, предшествовавший скифо-сакской экспансии, продвинулись к границам Китая, принеся с собой лошадей и повозки. В Монголии и в Минусинской котловине, откуда афанасьевцы-протохары ушли, их в начале II тыс. до н.э. сменили носители окуневской культуры, пришедшие из Прибайкалья. При этом на территории нынешней Тувы монголоиды-окуневцы были, возможно, ассимилированы афанасьевцами, во всяком случае, они переняли европеоидный антропологический тип и так существовали почти все II тыс. до н.э. [Кузьмина, 1977, с. 28–52; Семенов, 1987, с. 17–19].

Топоры, кинжалы, аналогичные найденным в Иране тохарской эпохи, найдены и в Северном Китае, они датируются периодом от XVI до IX–VIII вв. до н.э.; оказали они влияние на культуру Чаодаогоу (кочевая археологическая культура позднего бронзового века в провинциях Северный Хэбэй, Шаньси, Шэньси и Хэнань Китая, датируется с IX–VIII вв. до н.э.) [Ковалев, 2004, с. 250–253]. Китайские источники, начиная с Сыма Цяня, считают да-юэчжи выходцами из современной провинции Ганьсу [Ставиский, 1977, с. 105], что говорит о большой давности (на тот момент) их проживания там, как и наличие владения юэчжи в Корее (существовало еще, по крайней мере, в III в. н. э.) [Кюннер, 1961, с. 237]; возможно, что первоначально тохары действительно продвинулись на восток вплоть до Кореи, и какие-то их группы оставались там и позже – во всяком случае, тохарское влияние на культуру чаодаогоу прослеживается на восток, по крайней мере, до р. Ляохэ [Ковалев, 2004, с. 250], что недалеко от Кореи.

Первое письменное упоминание о народе юэчжи датируется 645 г. до н.э. в Ганьсу и в Таримском бассейне. По Л.Н. Гумилеву, юэчжи в VII в. до н.э. занимают юго-запад нынешней Монголии, север Синьцзяна и провинцию Ганьсу [Гумилев, 1993, с. 213]. По китайским источникам, юэчжи описываются как «белые люди с длинными каштановыми волосами». Еще во время правления императора Цинь Шихуанди царство юэчжи процветало.

В дальнейшем, «когда/они/были разбиты сюнну (хуннами – Г.С.), то ушли далеко. Миновав (Дай)юань, на западе напали на Дася и подчинили его. Затем основали крупный город к северу от реки Гуйшуй, сделав его ставкой правителя. Та небольшая часть (юэчжи), которая не смогла уйти, стала покровительствовать наньшаньским цзянам (тибетский народ), и их называют сяюэчжи».

Действительно, около 177 г. до н.э. хунны во главе с Модэ вторглись в земли юэчжи в Ганьсу. По китайским источникам, значительная часть юэчжи попала в зависимость от хуннов. Позднее (по разным данным, от 165 до 155 гг. до н.э.) юэчжи перешли

в Давань (Фергана) и обосновались на территории современных Узбекистана и Таджикистана, к северу от Греко-Бактрийского царства, которое было разгромлено ими в 145 г. до н.э. [Сыма Цянь, 2010, с. 200–201, 452–456]. В дальнейшем, как известно, юэчжи основали в Средней Азии Кушанскую империю, просуществовавшую со II в. до н.э. по IV в. н.э.

И после крушения Кушанской империи тохары еще долго остаются в Средней Азии, например, в Бактрии, получившей арабское название Тохаристан. Но не только там. Так, С.П. Толстов в первой половине I тыс. н.э. помещает на карте тохаров в районе левобережья Сырдарьи, на Джетыясаре [Толстов, 1950, с. 49–54]. А Э.М. Мурзаев пишет: «Установлено, что тохарский язык господствовал в Таримской впадине в VII–IX вв.; Лобнор – вполне возможно, тохарское название» [Мурзаев, 1962, с. 117–139]. Наконец, возможно, с тохарами-кушанами-эючжи как-то связаны и эфталиты.

Некоторые авторы не различают кушан и эфталитов и воспринимают эти два термина как синонимы [История, 1967, с. 104]. Так, китайский историк XIII в. Ма Туан-Лин сообщает: «Он (кушанский царь) покорил ие-та (эфталитов); советский комментатор добавляет: это ошибка, эфталиты – это уже V век [Древние, 1940, с. 110], минимум через сто лет после разгрома Кушанского царства. Однако есть мнения, что в этногенезе эфталитов приняли участие в том числе и мигрировавшие племена тохаров [Войников]. П.И. Лерх и Н.И. Веселовский отождествляют эфталитов с юэчжи, китайская летопись «Тан-Шу» сообщает: «Царство И-да происходит от больших юе-чжи времен Хань [История, 1967, с. 150–151].

Существует также и версия гуннского происхождения юэчжи, согласно которой часть хуннов приняла наименование «кушан» [Летифова, 1999, с. 30]. Возможно, эта версия образовалась оттого, что, по словам Н.Я. Бичурина, народ юэбань, который еще в VI в. занимал долину р. Или, образовался от смешения хуннов с оставшейся в Семиречье частью юэчжи [Антонов, 1976, с. 50; Бичурин, 1953, с. 30]. Но более правдоподобной представляется иная версия.

В тот период, когда хунны, вытесненные саянскими племенами из Центральной Азии, на территории нынешнего Северного Казахстана и Западной Сибири смешались с финно-уграми и образовали новый народ – гуннов, в Приаралье обитали европеоидные племена хионитов – их исконная земля, по сведениям византийских хроник, находилась «среди авар, на берегу океана», т. е. на берегах Каспийского и Аральского морей, поскольку древние считали Каспийское море заливом Северного океана [Гумилев, 1959, с. 134–135]. Есть основания считать, что именно они, смешавшись с хуннами, стали позднее известны в Средней Азии и на Среднем Востоке как «белые гунны». Н. В. Пигулевская пишет о белых гуннах, отличных от монголоидных гуннов Причерноморья, – хионитах, кидаритах и эфталитах [Пигулевская, 1948, с. 47–51]. Ее поддерживает и С. П. Толстов, который говорит, что «под именами кидаритов и хионитов... выступают на историческую арену эфталиты» [Толстов, 1948, с. 213]. О связи эфталитов с юэчжи уже говорилось.

Китайская хроника «Бэйши» об эфталитах сообщает: «Городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках. Летом выбирают прохладные места, а зимой теплые» [Бичурин, 1950, с. 268]. Таким образом, и тут гунны остались скотоводами, вероятно, навязали местному населению и тюркский язык, но местный антропологический тип (европеоидный) взял верх над центральноазиатским монголоидным. «Изо всех уннов (так в тексте. – Г. С.) они одни белы телом и не безобразны лицом», – сообщает Прокопий Кесарийский [Прокопий, 1876, с. 22]. Вообще, тюрки, как правило, навязывают покоренным ими этносам свой язык и часто (но не всегда) – способ производства, но перенимают их антропологический облик. Эфталиты исключением не стали. Неудивительно после этого версия гуннского происхождения юэчжи. Неудивительно и то, что в XIII и даже в XVI вв. у монголов, многое перенявших у тюрков после создания державы чингизидов, сохранилась память о кушанских царях (о Канишке и не только) [Бира, 1975, с. 162–165].

Какие же можно сделать выводы из всего сказанного? Где-то между IX–VII, но не позднее V тыс. до н. э. тохары отделились от общеоиндоевропейского массива и заселили европейскую часть Евразийского пространства от Днестра (а возможно, и от Центральной России или даже от Прибалтики) до Южного Урала, став первыми индоевропейскими насельниками Евразии. Отсюда в IV тыс. до н. э., а возможно, и раньше они двинулись на юг, в Иран, и на восток, через Западную Сибирь и Казахстан вплоть до Алтая и Западной Монголии (в качестве варианта – из Ирана в дальнейшем через Среднюю Азию в эти районы). При этом вполне правдоподобным выглядит предположение, что они проникли через Иран и в Месопотамию. Постепенно вытесняемые другими народами (на Евразийском пространстве начиная с первой половины II тыс. до н. э. – иранцами, а позднее тюрками), они тем не менее на протяжении как минимум 5000 лет оказывали огромное влияние на этногенетические и этнокультурные процессы среди других жителей Евразийского пространства – иранцев, тюрков, финно-угров, монголов, вероятно – и протославян, в Западной Европе – на германские, возможно, также кельтские, фракийские, греческие языки [Даниленко, 1974, с. 137], что и логично с учетом того, что ямники переселялись не только на восток и юго-восток, но и на Балканы [Посредников, 1990, с. 185–187]; возможно, этот факт и дал А. А. Ковалеву основания предполагать миграцию прототохаров из нынешних Франции и Швейцарии – на самом деле имело место тохарское этнокультурное влияние на насельников этих стран. На Ближнем Востоке тохары оказывали влияние также на семитов и, возможно, на потодравидов-эламитов, на Дальнем Востоке – на древнее население Северного Китая и Кореи.

Литература

Антонов И. О проблеме ранних тюрков в Волго-Уральском регионе [Электронный ресурс]. URL: <https://vatandash.ru/index.php?article=2190%D0%A0> (дата обращения: 09.02.2024).

- Антонов Н. К.** Лекции по тюркологии. Ч. 1. Якутск: [б. и.], 1976. 63 с.
- Бира Ш.** Кушаны в монгольской традиции // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Наука, 1975. С. 162–165.
- Бичурин Н. Я.** (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 335 с.
- Бичурин Н. Я.** (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 325 с.
- Васильев Н. Б., Выборнов А. А.** Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы европейской части СССР. Ижевск: Удм. НИИЯЛ, 1988. С. 78–91.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.** Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // Вестник древней истории. 1989. № 1. С. 14–39.
- Гумилев Л. Н.** Хунну. СПб.: Тайм-аут-КОМПАСС, 1993. 212 с.
- Гумилев Л. Н.** Эфталиты и их соседи в IV в. н. э. // Вестник древней истории. 1959. № 1. С. 129–140.
- Даниленко В. Н.** Энеолит Украины. Киев: Наукова думка, 1974. 176 с.
- Древние авторы о Средней Азии / под ред. А. Баженова. Ташкент: Гос. изд. науч.-тех. и соц.-экон. лит-ры УзССР, 1940. 172 с.
- Дульзон А. П., Южанин В. И.** Итоги и задачи изучения проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков // Ученые записки ТГПИ. 1969. Вопросы гуманитарных наук. № 25. С. 3–9.
- История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1967. 772 с.
- Клейн Л. С.** Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб.: [б. и.], 2007. 226 с.
- Ковалев А. А.** Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародин тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 249–292.
- Ковалев А. А.** Древнейшие статуи Чемуручека и прилегающих территорий. СПб.: [б. и.], 2012. 158 с.
- Кудряшов Н.** Кутии – народ-воин [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2011/04/25/1686> (дата обращения: 05.02.2024).
- Кузьмина Е. Е.** Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 35–59.
- Кузьмина Е. Е.** Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С. 28–52.
- Кюннер Н. В.** Китайские известия о народах Средней Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. М.: Изд-во Вост. лит., 1961. 392 с.
- Летифова Э. М.** Северо-Западный Азербайджан: Илисуйское султанство. Баку: Алтай, 1999. 152 с.
- Малолетко А. М.** Древние народы Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 292 с.
- Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. 349 с.
- Мурзаев Э. М.** Топонимика Синьцзяна // Вопросы географии. Сб. 58. М.: Географгиз, 1962. С. 117–139.
- Напольских В. В.** Введение в историческую уралолистику. Ижевск: УИИЯЛ, 1997. 268 с.
- Петухов Ю. Д., Васильева Н. И.** Евразийская империя скифов. М.: Вече, 2007. 392 с.
- Пигулевская Н. В.** Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 172 с.
- Посредников В. А.** Ямно-афанасьевские параллели в свете современной индоевропеистики // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 185–187.
- Прокопий Кесарийский.** История войн римлян с персами. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1876. 365 с.
- Ранний неолит. Елшанская культура // Археология Поволжья. Каменный век [Электронный ресурс]. URL: <http://www.povolzie.archeologia.ru/13.htm> (дата обращения: 16.05.2022).
- Рассоха И.** Индоевропейцы и шумеры [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/libris/lib_r/rass64indo.html (дата обращения: 05.02.2024).
- Рахманалиев Р.** Империя тюрков. Великая цивилизация. Тюркские народы в мировой истории с X в. до н. э. по XX в. н. э. М.: РИПОЛ классик, 2019. 704 с.
- Руденко С. И.** Пазырыкская культура // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 724.
- Савинов Д. Г.** Погребальные сооружения южно-сибирских племен конца I тыс. до н. э. // Архе-

ологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 21–30.

Сафронов В.А. Проблема индоевропейской прародины. Орджоникидзе: СОГУ, 1983. 96 с.

Семенов В.А. Древняя культура – афанасьевская культура и проблемы прототохарской миграции на восток // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987. С. 17–19.

Семенов В.А. Фатьяновская культура – карасукская культура Сибири и «миграция тохаров в свете археологии» // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 114–116.

Ситнянский Г.Ю. Границы Евразии // Фонд стратегической культуры. 10 февраля 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://fondsk.ru/articlelist.php&author_id=30.

Ситнянский Г.Ю. Естественные границы: какой быть новой России? // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 112–119.

Ситнянский Г.Ю. Либеральное евразийство – оксюморон или национальная идея для России? // Центр Востока и Запада. 14 апреля 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mesoeurasia.org/archives/8630>.

Ситнянский Г.Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. 1996. № 2. С. 161–170.

Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. М.: Наука, 1977. 296 с.

Сыма Цянь. Исторические записки. Т. 9. М.: Восточная литература, 2010. 624 с.

Толстов С.П. Огузы, печенеги, море Даукара // Советская этнография. 1950. № 4. С. 49–54.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 330 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 128 с.

Хохлов А.А., Солодовников К.Н., Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Китов Е.П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106.

References

Antonov I. O probleme rannikh tyurkov v Volgo-Ural'skom regione [On the problem of the early Turks in the Volga-Ural Region.]. URL: <https://vatandash.ru/index.php?article=2190%D0%A0> (accessed on February 09, 2024). (In Russian).

Antonov N.K. Lektsii po tyurkologii [Lectures on Turkology]. Yakutsk, n/p, 1976, ch. 1, 63 pp. (In Russian).

Bichurin N. Ya. (Iakinf). Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950, vol. 2, 335 pp. (In Russian).

Bichurin N. Ya. (Iakinf). Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953, vol. 3, 325 pp. (In Russian).

Bira Sh. Kushany v mongol'skoi traditsii [The Kushans in the Mongolian tradition]. In: Central Asia in the Kushan era. Moscow, Nauka, 1975, vol. 2, pp. 162–165. (In Russian).

Danilenko V.N. Eneolit Ukrainy [The Eneolite of Ukraine]. Kiev, Naukova dumka, 1974, 176 pp. (In Russian).

Drevnie avtory o Srednei Azii (pod red. A. Bazhenova) [Ancient authors about Central Asia (edited by A. Bazhenov)]. Tashkent, State Publishing House of Science and Technology, Social and Economic Literature of the Uzbek SSR, 1940, 172 pp. (In Russian).

Dulson A.P., Yuzhanin V.I. Itogi i zadachi izucheniya problemy proiskhozhdeniya aborigenov Sibiri i ikh yazykov [Results and tasks of studying the problem of the Siberian aborigines' origin and their languages]. *Scientific notes of the Taganrog State Pedagogical Institute*, 1969, Questions of the humanities, no. 25, pp. 3–9. (In Russian).

Gamkrelidze T.V., Ivanov V.V. Pervye indoevropeitsy v istorii: predki tokhar v drevnei Perednei Azii [The first Indo-Europeans in history: ancestors of the Tokhars in ancient Near Asia]. *Bulletin of Ancient History*, 1989, no. 1, pp. 14–39. (In Russian).

- Gumilev L.N.** Eftality i ikh sosedi v IV v.n. e. [The Ephthalites and their neighbors in the 4th century A.D.]. *Bulletin of Ancient History*, 1959, no. 1, pp. 129–140. (In Russian).
- Gumilev L.N.** Khunnu [The Xiongnu]. Saint Petersburg, TIME-OUT-KOMPASS, 1993, 212 pp. (In Russian).
- Istoriya Uzbekskoi SSR [The history of the Uzbek SSR]. Tashkent, Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1967, vol. 1, 772 pp. (In Russian).
- Khokhlov A.A., Solodovnikov K.N., Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kitov E.P.** Kraniologicheskie dannye k probleme svyazi populyatsii yamnoi i afanas'evskoi kul'tur Evrazii nachal'nogo etapa bronzovogo veka [Craniological data on the problem of the relationship between populations of the Yamnaya and Afanasev cultures of Eurasia at the initial stage of the Bronze Age]. *Bulletin of Archaeology, Anthropology, and Ethnography*, 2016, no. 3 (34), pp. 86–106. (In Russian).
- Klein L.S.** Drevnie migratsii i proiskhozhdenie indoevropeskikh narodov [Ancient migrations and the origin of the Indo-European peoples]. Saint Petersburg, n/p, 2007, 226 pp. (In Russian).
- Kovalyov A.A.** Drevneishaya migratsiya iz Zagrosa v Kitai i problema prarodiny tokharov [The ancient migration from Zagros to China and the problem of the ancestral homeland of the Tokhars]. In: *Archaeologist: detective and thinker*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2004, pp. 249–292. (In Russian).
- Kovalyov A.A.** Drevneishie statui Chemurcheka i prilegayushchikh territorii [The oldest statues of Chemurchek and adjacent territories]. Saint Petersburg, n/p, 2012, 158 pp. (In Russian).
- Kudryashov N.** Kutii – narod-voin [The Guti is a warrior nation.]. URL: <https://proza.ru/2011/04/25/1686> (accessed on February 05, 2024). (In Russian).
- Kuehner N.V.** Kitaiskie izvestiya o narodakh Srednei Azii, Yuzhnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka [Chinese News about the peoples of Central Asia, South Siberia and the Far East]. Moscow, Publishing House of Oriental Literature, 1961, 392 pp. (In Russian).
- Kuzmina E.E.** Kul'turnaya i etnicheskaya atributsiya pastusheskikh plemen Kazakhstana i Srednei Azii epokhi bronzy [Cultural and ethnic attribution of the pastoral tribes of Kazakhstan and Central Asia of the Bronze Age]. *Bulletin of Ancient History*, 1988, no. 2, pp. 35–59. (In Russian).
- Kuzmina E.E.** Rasprostranenie konevodstva i kul't konya u iranoyazychnykh plemen Srednei Azii i drugikh narodov Starogo Sveta [The spread of horse breeding and the cult of the horse among the Iranian-speaking tribes of Central Asia and other peoples of the Old World]. In: *Central Asia in antiquity and the Middle Ages*. Moscow, Nauka, 1977, pp. 28–52. (In Russian).
- Letifova E.M.** Severo-zapadnyi Azerbaidzhan: Ilisuiskoe sultanstvo [Northwest Azerbaijan: the Ilisu Sultanate.]. Baku, Altai, 1999, 152 pp. (In Russian).
- Maloletko A.M.** Drevnie narody Sibiri [Siberia's ancient peoples]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2007, 292 pp. (In Russian).
- Mezolit SSSR [The Mesolithic of the USSR.]. Moscow, Nauka, 1989. (In Russian).
- Murzaev E.M.** Toponimika Sin'tszyana [Toponymy of Xinjiang]. In: *Questions of geography*. Moscow, Geografiz, 1962, collection 58, pp. 117–139. (In Russian).
- Napolskikh V.V.** Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku [Introduction to historical Ural studies]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language, and Literature, 1997, 268 pp. (In Russian).
- Petukhov Yu.D., Vasileva N.I.** Evraziiskaya imperiya skifov [The Eurasian Empire of the Scythians]. Moscow, 2007, 392 pp. (In Russian).
- Pigulevskaya N.V.** Siriiskie istochniki po istorii narodov SSSR [Syrian sources on the history of the USSR peoples]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941, 172 pp. (In Russian).
- Posrednikov V.A.** Yamno-afanas'evskie paralleli v svete sovremennoi indoevropеistiki [Yamnaya-Afanasev parallels in the light of modern Indo-European studies]. In: *Problems of historical interpretation of archaeological and ethnographic sources of Western Siberia*. Tomsk, Tomsk State University Press, 1990, pp. 185–187. (In Russian).
- Procopius of Caesarea. Istoriya voyn rimlyan s persami [Procopius of Caesarea. The history of the wars of the Romans with the Persians]. Saint Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1876, 365 pp. (In Russian).
- Rahmanaliev R.** Imperiya tyurkov. Velikaya tsivilizatsiya. Tyurkskie narody v mirovoi istorii s X v. do n.e. po XX v.n. e [The Turks' Empire. The great civilization. The Turkic peoples in world history from the 10th century BC to the 20th century AD]. Moscow, RIPOLL Classic, 2019, 704 pp. (In Russian).
- Rannii neolit. Elshanskaya kul'tura [The Early Neolithic. The Elshan culture]. In: *Archaeology of the Volga Region*. URL: <http://www.povolzie>.

- archeologia.ru/13.htm (accessed on May 16, 2022). (In Russian).
- Rassokha I.** Indoeuropeitsy i shumery [The Indo-Europeans and Sumerians]. URL: http://www.hrono.info/libris/lib_r/rass64indo.html (accessed on February 05, 2024). (In Russian).
- Rudenko S.I.** Pazyrykskaya kul'tura [The Pazyryk culture]. In: The Soviet Historical Encyclopedia. Moscow, vol. 10, 1967, 724 pp. (In Russian).
- Safronov V.A.** Problema indoevropеiskoi prarodiny [The problem of the Indo-European ancestral homeland]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University Press, 1983, 96 pp. (In Russian).
- Savinov D.G.** Pogrebal'nye sooruzheniya yuzhnosibirskikh plemen kontsa I tys. do n.e. [Burial structures of the South Siberian tribes of the end of the 1st millennium BC]. In: Archaeological monuments of the forest-steppe zone of Western Siberia. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Institute Press, 1983, pp. 21–30. (In Russian).
- Semyonov V.A.** Drevneyamnaya kul'tura – afanas'evskaya kul'tura i problemy prototokharskoi migratsii na vostok [The ancient culture – the Afanasev culture and the problems of Proto-Tokharian migration to the East]. In: Changes of cultures and migration in Western Siberia. Tomsk, Tomsk State University Press, 1987, pp. 17–19. (In Russian).
- Semyonov V.A.** Fat'yanovskaya kul'tura – karasukskaya kul'tura Sibiri i "migratsiya tokharov v svete arkheologii" [The Fatyanovo culture – the Karasuk culture of Siberia and "migration of Tokhars in the light of archaeology"]. In: Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, culture. Barnaul, Altai State University Press, 2002, pp. 114–116. (In Russian).
- Sima Qian.** Istoricheskie zapiski [Historical notes]. Moscow, Oriental Literature, vol. 9, 2010, 624 pp. (In Russian).
- Sitnyansky G. Yu.** Estestvennye granitsy: kakoi byt' novoi Rossii? [Natural borders: what should the new Russia be like?]. In: Social sciences and modernity, 1994, no. 6, pp. 112–119. (In Russian).
- Sitnyansky G. Yu.** Granitsy Evrazii [The Borders of Eurasia]. In: Strategic Culture Foundation. URL: http://fondsk.ru/articlelist.php&author_id=30. (accessed on February 10, 2006). (In Russian).
- Sitnyansky G. Yu.** Liberal'noe evraziistvo – oksyumoron ili natsional'naya ideya dlya Rossii? [Liberal Eurasianism – an oxymoron or a national idea for Russia?]. In: The center of the East and West]. URL: <http://www.mesoeurasia.org/archives/8630>. (accessed on April 14, 2012). (In Russian).
- Sitnyansky G. Yu.** Problemy reintegratsii byvshego SSSR v svete istoricheskikh sudeb Evraziiskoi tsivilizatsii [Problems of reintegration of the former USSR in the light of the historical destinies of the Eurasian civilization]. In: Bulletin of Eurasia, 1996, no. 2, pp. 161–170. (In Russian).
- Stavisky B. Ya.** Kushanskaya Baktriya [Kushanskaya Bactria]. Moscow, Nauka, 1977, 296 pp. (In Russian).
- Tolstov S.P.** Oguzy, pechenegi, more Daukara [The Oghuzes, Pechenegs, Daukara Sea]. In: Soviet ethnography, 1950, no. 4, pp. 49–54. (In Russian).
- Tolstov S.P.** Po sledam drevnekhorezmiiskoi tsivilizatsii [In the footsteps of the ancient Khorezmian civilization]. Moscow-Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948, 330 pp. (In Russian).
- Troitskaya T.N.** Kulaiskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e [The Kulai culture in the Novosibirsk Ob Region]. Novosibirsk, Nauka, the Siberian Branch, 1979, 128 pp. (In Russian).
- Vasilev N.B., Vybornov A.A.** Neoliticheskie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ya i ikh vzaimodeistvie s naseleniem Volgo-Kam'ya [Neolithic cultures of the forest-steppe Volga Region and their interaction with the population of the Volga-Kama Region]. In: Problems of studying the early Neolithic forest belt of the European part of the USSR. Izhevsk, Udmurt Research Institute of History, Language and Literature Press, 1988, pp. 78–91. (In Russian).

DOI 10.52782/KRIL.2024.1.41.006

УДК 811.512+81.373.45

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТУВИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА: ОПЫТ АНАЛИЗА

Б. Ч. Ооржак¹, Э. К. Аннай², Ч. Г. Ондар³, О. М. Саая⁴

¹ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ул. Кочетова, 4, г. Кызыл, 667000, Россия; email: oorzhak.baylak@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8373-9107

² Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ул. Кочетова, 4, г. Кызыл, 667000, Россия; email: eannaj@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7892-0454

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ул. Кочетова, 4, г. Кызыл, 667000, Россия; email: choygandi@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5779-4217

⁴ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ул. Кочетова, 4, г. Кызыл, 667000, Россия; email: yu5bi@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3775-2391

В статье описываются проблемы функционирования двух государственных языков на территории Республики Тыва – тувинского и русского. Исследования показывают снижение уровня владения и престижа тувинского языка у молодого поколения и начало процессов языкового сдвига. Среди его причин называются: сужение функций тувинского языка в личной и общественной жизни тувинцев, все большее предпочтение русского языка в повседневной жизни; функциональное доминирование русского языка; изменившийся статус тувинского языка в сфере образования; преобладание русскоязычного информационного пространства; отношение к родному языку самих носителей современного тувинского языка, которые все меньше используют его в семье; отход от традиционного образа и уклада жизни тувинского населения; экономическая нестабильность в республике, стимулирующая процессы урбанизации, а также внутреннюю и внешнюю миграцию. В 2023 г. Главой Республики Тыва принят государственный документ «Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва на период с 2024 по 2033 г.». Его цель – консолидация усилий тувинского общества и государства в сохранении и развитии тувинского языка, в развитии паритетного тувинско-русского и русско-тувинского билингвизма на территории республики. Предусматривается создание условий для полноценного функционирования тувинского языка в Республике Тыва с целью остановки языкового сдвига и восстановления передачи родного (тувинского) языка детям в естественных условиях.

Ключевые слова: тувинский язык, русский язык, носители родного языка, уровень владения родным языком, отношение к родному языку, языковой сдвиг.

Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23-28-10294.

FUNCTIONING OF THE TUVAN AND RUSSIAN LANGUAGES IN THE REPUBLIC OF TUVA: ANALYSIS EXPERIENCE

Baylak Ch. Oorzhak¹, Ellada K. Annai², Choygan G. Ondar³, Oyumaa S. Saaia⁴

¹Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: oorzhak.baylak@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8373-9107

²Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: eannaj@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7892-0454

³Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: choygandi@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5779-4217

⁴Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: yu5bi@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3775-2391

The article describes the problems of functioning of two official languages in the Republic of Tuva – Tuvan and Russian. Research shows the decrease in the level of proficiency and prestige of the Tuvan language among the younger generation and the beginning of the processes of the language shift. Among its causes are: the narrowing of functions of the Tuvan language in the Tuvans' personal and public life, the increasing preference for the Russian language in everyday life; the functional dominance of the Russian language; the changed status of the Tuvan language in the field of education; the predominance of the Russian-speaking information space; the attitude of native speakers of the modern Tuvan language, who use it less and less in the family; shift from the traditional way of life of the Tuvan population; economic instability in the republic, stimulating the processes of urbanization, as well the internal and external migration. In 2023, the Head of the Republic of Tuva adopted the state document "Strategy of state support for the development of the Tuvan language in the Republic of Tuva for the period from 2024 to 2033". It is aimed at consolidating the efforts of the Tuvan society and the state in the preservation and development of the Tuvan language, the development of parity Tuvan–Russian and Russian–Tuvan bilingualism in the territory of the republic. It is envisaged to create conditions for the full functioning of the Tuvan language in the Republic of Tuva in order to stop the language shift and restore the passing down of the native (Tuvan) language to children in natural conditions.

Keywords: Tuvan language, Russian language, native speakers, native language proficiency, attitude to the native language, language shift.

The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 23-28-10294.

Введение

Вопросы развития и сохранения миноритарных и региональных языков в поликультурной и многоязычной среде большого государства всегда являются сложными. И в последние годы исследователи отмечают, что почти все языки народов России находятся на разных стадиях языкового сдвига [Биткеева, Цыбенова, 2022]. Ситуация языкового сдвига определяется как ситуация постепенной утраты этнической общностью родного языка и перехода на другой, обычно доминирующий, язык [Вахтин, 2007, с. 5].

По данным ЮНЕСКО, тувинский язык вошел в число уязвимых языков планеты

(2009)¹. А согласно принятым в социолингвистике четырем типам развития языков тувинский язык относится к группе перспективных языков, ситуацию с которыми определяют как относительно стабильную [Биткеева, Вингендер, Михальченко, 2019, с. 13].

Тувинский язык является родным языком коренного этноса Республики Тыва, тувинцев. Тувинцы также компактно проживают в с. Усинское Красноярского края Российской Федерации, в Северо-Западной Монголии и Синьцзянь-Уйгурском автономном округе Китая. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., в Российской Федерации

¹ UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger [Электронный ресурс] // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/en/atlasmap.html> (дата обращения: 10.03.2023).

проживают 303 тыс. тувинцев, тувинским языком владеют 249 тыс. человек, что составляет 82,35 %, из них в повседневной жизни тувинский язык используют 248 тыс. человек, при этом русским языком владеют 281 тыс. человек (93 %) ¹.

Вопросы социолингвистической ситуации, функционирования тувинского и русского языков в Туве были объектом исследований с 60–70-х гг. XX в. Их результаты показывали активное функционирование тувинского языка во всех сферах личной и общественной жизни тувинцев, высокий уровень тувинско-русского двуязычия (более 70 %) [Сердобов, 1968, с. 83–86, 91–95; Сердобов, 1971, с. 416–417; Анайбан, 1985, с. 27]. Но уже в конце 1990-х гг. тувинский язык функционирует слабо в общественной жизни, официальной сфере, промышленно-производственных отношениях, судопроизводстве, медицинской практике, торговле, сфере обслуживания [Мартан-оол, 2014, с. 149; см. об этом также: Ламажаа, 2021, с. 183; Биткеева, Цыбенова, 2022, с. 9].

Последние исследования указывают на начало процессов языкового сдвига вследствие сужения общественных функций тувинского языка, снижения его социального статуса, все большее предпочтение русского языка в повседневной жизни. Молодое поколение тувинцев обнаруживает более низкие показатели по уровню владения родным языком. Обнаружено противоречие между положительным отношением к родному языку и установкой на владение русским языком в ущерб родному, несмотря на высокий уровень языковой лояльности тувинцев к родному языку [Серээдар, 2018; Боргоякова, 2002; Цыбенова, 2017; Боргоякова, Биткеева, 2020; Боргоякова, Гусейнова, Покаякова, 2022; Цыбенова 2022]. Последнее указывает на внутренний психологический дисбаланс, вызванный отказом от родного языка и вынужденным выбором доминирующего русского языка для своих детей в силу социальных и экономических причин.

Целью данной статьи является анализ функционирования тувинского и русского языков в Республике Тыва. В статье использованы данные из официальных источников и сведения государственных учреждений Республики Тыва, а также результаты проведенного авторами статьи в 2023 г. социолингвистического опроса и анкетирования.

Анализ функционирования тувинского и русского языков в Республике Тыва сегодня

Общая картина функциональной и социальной дистрибуции ² тувинского и русского языков в Республике Тыва характеризуется следующим образом: «Русский язык – государственный язык общегосударственного значения, язык межнационального общения, доминирует в официальных сферах, имеет высокий социальный престиж среди населения; тувинский язык – государственный язык республиканского значения, язык внутриэтнического общения, доминирует в сферах неофициального общения» [Цыбенова, 2022, с. 158].

Проведенный в 2023 г. анализ подтвердил сужение функций тувинского языка во всех сферах жизни общества под воздействием доминирующего русского языка.

1.1. Сфера образования и науки. В настоящее время тувинские дети по их языковой компетенции составляют три группы. В первую группу входят дети-билингвы, хорошо владеющие и родным тувинским языком, и русским языком; вторую и третью группы составляют дети-монолингвы, владеющие (или преимущественно владеющие) одним языком: русским или тувинским. Это дети, которые знают свой родной язык, но плохо или в недостаточной мере владеющие русским языком; и дети, которые владеют только русским языком, не говорящие на языке родите-

¹ Данные переписи населения 2020 г. <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 05.10.2023).

² Дистрибуция (англ. distribution) – 1) распределение, размещение; 2) лингв. распределение языковых единиц; сочетания фонем, морфем и слов, разрешаемые законами данного языка [Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 669 с.]. Термин *дистрибуция*, изначально использовавшийся в лингвистике, теперь имеет более широкое употребление в общественных науках.

лей, полагающие, что знать тувинский язык не обязательно. Отмечено, что последняя группа детей в количественном отношении все более увеличивается. Их родители считают, что учебная дисциплина «Родной (тувинский) язык»¹ мешает учебе и является лишней в образовательной программе [Сегленмей, 2016, с. 106].

После принятия изменений и дополнений в закон об образовании Российской Федерации (2018) в соответствии с п. 6 статьи 14 язык образования стал определяться свободным выбором родителей при приеме на обучение в образовательные учреждения². И в связи с обязательностью сдачи ЕГЭ по русскому языку и изучения других дисциплин на русском языке все больше родителей в выборе языка в образовательных учреждениях предпочитают для своих детей русский язык как язык обучения. К тому же по причине того, что Министерство образования республики (министр – Т.О. Санчаа, 2015–2020 гг.) своевременно не подготовило учебно-методические комплекты национально-регионального компонента содержания для включения в федеральный перечень, все образовательные организации, включая дошкольные образовательные учреждения, с 2018 г. были вынуждены выбирать варианты учебных планов, по которым все обучение в республике уже 5-й год ведется на русском языке. Так, тувинский язык прекратил свое функционирование как язык образования и воспитания в дошкольном³ и общем образовании.

¹ Примерная образовательная программа учебного предмета «Родной (тувинский) язык» одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол № 4/21 от 28 сентября 2021 г., размещен по адресу: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/a5e70c0dc50e14598a0a503b6578a90b.pdf>).

² Закон об образовании Российской Федерации (изменения 2018 г.) размещен по адресу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/.

³ В республике функционируют всего 207 дошкольных образовательных учреждений, которые посещают около 23 тыс. воспитанников, 95% из них – дети тувинской национальности (21 535 чел.) (данные, полученные от Министерства образования РТ от 10 марта 2023 г. в ходе проведения анализа языковой ситуации в 2023 г.).

Жизнь показывает катастрофичность такого положения для тех тувинских детей, которые приходят в школу со слабым знанием русского языка, т.е. для большинства сельских детей. И без того объективно сложный для ребенка процесс обучения, формирование новых знаний на языке, которого он не знает, оказывается провальным. Страдает не только само обучение и развитие школьника, но и возникают личностные проблемы. Нам известны случаи, когда такого ребенка, не умеющего формулировать свою мысль на русском языке, отправляют в классы с задержкой психологического развития.

Тувинский язык и тувинская литература стали только учебными дисциплинами. При этом обнаруживается, что большинство школ в республике работает по рекомендованному ФГОС 3-го поколения второму варианту учебного плана, в котором общее количество часов для тувинского языка и тувинской литературы в начальном и общем образовании составляет 16 часов. Это в 4 раза меньше количества часов, отводимых на русский язык и русскую литературу, и в 1,3 раза меньше количества часов иностранного языка. Такое количество часов для изучения тувинского языка и литературы может дать возможность учащимся овладеть родным языком лишь на элементарном уровне.

До закрытия лаборатории русского языка в Институте развития национальной школы⁴ в 2018 г. преподавание русского языка в национальной школе было объектом научного изучения. Создавались учебники русского языка для общеобразовательных организаций с родным (тувинским) языком обучения, методические рекомендации для учителей [Бартан, 2014; Манзанова, 2005; Селиверстова, 2005].

Благодаря тому, что вплоть до 80–90-х гг. XX в. на тувинском языке издавалась переводная учебная литература, в том числе по естественным и точным наукам, тувинская научная терминология была достаточно разработана. В настоящее время тувинский

⁴ Государственное бюджетное научное учреждение «Институт развития национальной школы» Министерства образования Республики Тыва призвано обеспечивать содержание национально-регионального компонента образования [<http://irnsh.ru/>].

язык ограниченно используется в написании научных статей и учебно-методической литературы по тувинской филологии. По другим научным направлениям исследования в основном ведутся на русском языке. Поэтому научный стиль и терминология не получают достаточного развития.

1.2. Сфера культуры, искусства и книгоиздания. Тувинский язык функционирует как язык сценического искусства: на нем ставятся спектакли, проводятся концерты. Успешно работает по возрождению традиций тувинского народа «Центр развития традиционной тувинской культуры и ремесел»¹. Однако в репертуарах республиканских и районных учреждений культуры очень мало представлений для детей и юношества; в Театре кукол постановки идут преимущественно на русском языке.

В Тувинском книжном издательстве на тувинском языке выходят художественная литература, произведения фольклора, переводы русских, зарубежных классиков и тувинских авторов. Но, по сравнению с 70–90-ми гг. XX в. (15000–25000 экз.), тиражи издаваемых книг снизились до 300–1000 экз. [Бавуу-Сюрюн, 2021, с. 441]. Малым тиражом издается и детская литература на тувинском языке.

Тувинский язык также поддерживается в деятельности библиотек: литература оцифровывается и размещается на их сайтах, таким образом становясь доступной для массового читателя. Тувинская детская библиотека им. К. Чуковского совместно с Библиотечной ассоциацией Республики Тыва с 2022 г. в рамках президентского гранта переводит в цифровой формат детские книги на тувинском языке. Также ими создаются аудиокниги тувинских сказок для детей при участии Тувинского национального оркестра. Проводит оцифровку своих фондов на тувинском языке и Национальная библиотека им. А. С. Пушкина [Сарыглар, Эртине, Люндуп, 2021].

Большой проблемой является то, что сегодня очень мало современных авторов,

которые пишут пьесы на тувинском языке, художественные произведения и познавательную литературу для детей и подростков. Отсутствует адаптированная литература на тувинском языке для разных целевых групп читателей, в том числе для детей и подростков, а также читателей с разным уровнем владения тувинским языком.

1.3. Сфера средств массовой информации. Если в республике в 2014 г. на тувинском языке издавалось 20 газет, то в настоящее время на тувинском языке выходит единственная газета «Шын» тиражом более 8 тыс. экз. (до 1993 г. – 25 тыс. экз.) [Бавуу-Сюрюн, 2021, с. 441]. ГТРК «Тыва» производит региональные новости: вещание на русском языке осуществляется 3 раза в сутки, на тувинском – 1 раз. Телеканал «Тыва 24» преимущественно вещает на русском языке, и только одна передача ведется на тувинском. Отмечается отсутствие теле- и радиопередач на тувинском языке для детей и молодежи.

1.4. Сфера современных информационно-коммуникационных технологий. С появлением и широким распространением интернета тувинский язык стал одним из языков киберпространства, на котором идет коммуникация. Он активнее функционирует в социальных сетях, нежели на официальных сайтах организаций [Ондар, Донгак, Монгуш, 2023]. Кроме сайта газеты «Шын» и контента «Тываның чогаалчылары – Писатели Тувы», практически нет интернет-ресурсов, функционирующих полностью на тувинском языке. Все остальные сайты не имеют интерфейса на тувинском языке и содержат мало информации на нем².

² По состоянию на 10 января 2023 г. на официальных сайтах доля новостей на тувинском языке распределяется следующим образом: сайт Правительства Республики Тыва – 45%, ГБУ «Центр развития тувинской традиционной культуры» – 35%, ГБНУ «Институт развития национальной школы» – 28,5%, ГБНИиОУ «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва» – 8%, ГБУ «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина» – 4,5%, Министерства образования Республики Тыва – 2,7%, Министерства культуры Республики Тыва – 2,3%, Министерства экономического развития и промышленности Республики Тыва – 0,16%.

¹ Государственное бюджетное учреждение Министерства культуры Республики Тыва «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел» известно организацией мероприятий по сохранению и презентации традиционной тувинской культуры.

В интернете для тувинского языка в настоящее время существует несколько языковых инструментов. В их числе – Википедия¹ на тувинском языке, онлайн-словари (тувинско-русский, русско-тувинский, тувинско-английский)², тувинская раскладка клавиатуры. В то же время практически отсутствуют интернет-ресурсы для обучения тувинскому языку, специализированные словари. Нет полноценного корпуса с лингвистической разметкой, не разработаны онлайн-переводчик, системы проверки правописания, нет синтезатора и распознавателя тувинской речи.

Для мобильных устройств на тувинском языке доступно несколько приложений: словари, разговорники, приложения для прослушивания и скачивания музыки, приложение о тувинских традициях, кроссворды, тувинская раскладка клавиатуры для систем Android и iOS. К сожалению, на сегодняшний день отсутствуют какие-либо электронные приложения, обучающие тувинскому языку.

В связи с этим и все более возрастающей роли Интернета в современной жизни общества остро встал вопрос о государственной и общественной поддержке равноправного функционирования тувинского языка как одного из государственных языков Республики Тыва в региональном интернет-пространстве, поэтому вопрос представленности и функционирования тувинского языка в виртуальном пространстве должен обсуждаться, исследоваться и решаться.

1.5. Сфера духовного развития и религий. В сфере буддизма и шаманизма, которые исповедует коренное население республики, функционирование языков не изучается и не регулируется. Тувинский язык используется в шаманизме при исполнении шаманских ритуалов; чтение буддийских молитв и священных книг проходит на тибетском языке. В небольшом количестве имеются переводы буддийского учения с тибетского на тувинский язык. На телеканале «Тыва 24» один раз в неделю транслируется передача, освещающая вопросы буддизма, на русском языке. Вышли переводы основных произведений

христианской литературы на тувинский язык [Ыдыктыг библия, 2011]³.

В настоящее время начинают появляться научные работы, изучающие переводы христианских священных текстов на тувинский язык с лингвистической точки зрения, а также исследующие тувинскую религиозную и духовную терминологию [Мижит, 2016; Байыр-оол, 2020; Саитбатталов, Лукманова, Саитбатталова, 2022; Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023].

1.6. Другие регламентируемые сферы (сельское хозяйство, здравоохранение, экономика, транспорт, торговля и др.). Отсутствие практического использования тувинского языка наблюдается в сферах здравоохранения, экономики, в банковском деле, транспорте, торговле и др., за исключением сельского хозяйства. Деятельность ведомств в работе с гражданами, в том числе и деловой документооборот, осуществляется на русском языке. Устная разъяснительная работа с гражданами по официальным документам при необходимости ведется на «смешанном тувинско-русском» языке. Все это связано с неразработанностью специальной терминологии на тувинском языке и отсутствием специальных работ по развитию официально-делового стиля тувинского языка.

1.7. Нерегламентированные сферы. В обществе наблюдается недостаточное понимание важности знания родного языка. В семейном, повседневном бытовом и межличностном общении тувинский язык используется интенсивно в сельской местности, в отличие от города, где языковой сдвиг отмечается у молодого поколения. Но в последние годы в тувинской семье, независимо от места проживания, под влиянием СМИ и Интернета отмечается разрыв межпоколенной передачи родного языка, что является тревожным сигналом его сохранности [Бавуу-Сюрюн, 2021, с. 441], падение престижа тувинского языка. В связи с обязательностью сдачи ЕГЭ по русскому языку все больше родителей при выборе языка в образовательных учреждениях

¹ https://tyv.wikipedia.org/wiki/Кол_арын

² См. сайт по адресу: <https://tyvan.ru/>.

³ Ыдыктыг Библия / Учреждение Российской академии наук, Ин-т языкознания РАН. М.: Библия очулгазының институту, 2011. 1752 с.

предпочитают для своих детей русский язык как язык обучения и изучения.

С целью определения языковых предпочтений тувинцев было проведено анкетирование. В нем принял участие 521 человек тувинской национальности. Из них 42 % – жители города, 58 % – жители села; 95 % владеют тувинским и русским языками, 5 % владеют только русским языком. Возраст респондентов: 55 % – 13–22 лет, или 2001–2010 г.р.; 27 % – 23–37 лет, или 1986–2000 г.р.; 13 % – 38–52 лет, или 1971–1985 г.р.; 5 % – 53–83 лет, или 1940–1970 г.р. Результаты исследования частично представлены в диаграммах 1 и 2.

Диаграмма 1. "На каком языке разговаривали Ваши родители с Вами в (раннем) детстве?"

Первая диаграмма демонстрирует ответы респондентов на вопрос анкеты «На каком языке разговаривали с Вами или разговаривают Ваши родители в (раннем) детстве?» Мы видим, что 88% опрошенных ответили, что их родители с ними говорили на родном тувинском языке. Вторая диаграмма отражает результаты ответов респондентов на вопрос «На каком языке вы разговариваете со своими детьми?» Согласно данным, 51% респондентов в общении с детьми использует русский язык, 42% – тувинский и 7% – оба языка. Эти результаты иллюстрируют современное состояние тувинского языка и возможные его перспективы.

Заключение

На территории Республики Тыва Конституцией Республики Тыва (2001)¹, законом Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» (2003)² установлены два государственных языка – тувинский и русский. Проведенный в 2023 г. анализ функциональной дистрибуции тувинского и русского языков в Республике Тыва показал, что сегодня наблюдается сужение общественных функций тувинского языка под влиянием русского языка, доминирующего во всех сферах. В этих условиях необходимо обратить усилия на функциональное

Диаграмма 2. "На каком языке Вы разговариваете со своими детьми?"

выравнивание тувинского и русского языков в тувинском обществе.

21 августа 2023 г. Главой Республики Тыва был принят государственный документ «Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва

¹ Конституция Республики Тыва от 6 мая 2001 г. размещена в электронном фонде правовых и нормативно-технических документов по адресу: <https://docs.cntd.ru/document/906705011>.

² Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 г. №462 ВХ-1 размещен в электронном фонде правовых и нормативно-технических документов по адресу: <https://docs.cntd.ru/document/802019672>.

на период с 2024 по 2033 г.»¹. В нем ставится цель консолидации усилий тувинского общества и государства в сохранении и развитии тувинского языка, в развитии паритетного тувинско-русского и русско-тувинского билингвизма на территории республики. Предусматривается создание условий для полноценного функционирования тувинского языка в Республике Тыва для остановки языкового сдвига и восстановления передачи родного (тувинского) языка детям в естественных условиях. И паритетный тувинско-русский и русско-тувинский билингвизм будет являться основой взаимного уважения, гражданской самодостаточности и психологического комфорта народов, живущих вместе в одной республике.

Литература

- Анайбан З. В.** Тувинско-русское двуязычие: итоги и перспективы развития // Русский язык в Туве. Кызыл: Типография Госкомиздата Тувинской АССР, 1985. С. 16–30.
- Бавуу-Сюрюн М. В.** Тувинский язык // Урянхайско-тувинская энциклопедия. Т. II. Кызыл: ООО «ИП Журналист», 2021. С. 440–444.
- Байыр-оол А. В.** Лексика, репрезентирующая понятие «душа», в тувинском языке // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: тезисы Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 14–17 октября 2020 года. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Академиздат», 2020. С. 27–30.
- Бартан Ф. М.** История создания учебников по русскому языку для тувинских школ // Вестн. Тувинского гос. ун-та. Педагогические науки. 2014. № 4. С. 106–111.
- Биткеева А. Н., Вингендер М., Михальченко В. Ю.** Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: социолингвистический аспект // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18. № 3. С. 6–23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>
- Биткеева А. Н., Цыбенкова Ч. С.** Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>
- Боргоякова Т. Г.** Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 166 с.
- Боргоякова Т. Г., Биткеева А. Н.** Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 50–61. DOI: [10.25178/nit.2020.1.4](https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4)
- Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В., Покоякова К. А.** Языки Южной Сибири в динамике социального контекста. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2022. 160 с.
- Вахтин Н. Б.** Введение // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб.: Нестор, 2007. 307 с.
- Ламажаа Ч. К.** Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Монгуш А. В.** Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Манзанова Ф. Т.** Проблемы национальной школы // Башкы. 2005. № 3. С. 15–18.
- Марган-оол М. Б.** Вопросы тувинского языка: диалектология, лексикография и социолингвистика: избранные научные труды. Абакан: Типография «Журналист», 2014. 276 с.
- Мижит Л. С.** Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык. 2016. № 1 (4). С. 141–155.
- Ондар Ч. Г., Донгак В. С., Монгуш Д. Ш.** Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>
- Сантбатталов И. Р., Лукманова Р. Х., Сантбатталова Ю. А.** Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 137–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>
- Сарыглар Ч. В., Эртине И. А., Люндуп Т. М.** Вопросы хранения и транслирования культурно-исторического наследия Тувы методами библиотечной работы (на примере деятельно-

¹ Указ № 274 «О стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 г.» от 21 августа 2023 г. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202308240009?index=1>.

- сти Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва) // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 130–144. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.11>
- Сегленмей С. Ф.** Роль родного языка как языка обучения в начальной школе // Вестн. Тувинского гос. ун-та. 2016. № 4. С. 105–112.
- Селиверстова Г. М.** Проблемы двуязычия в Туве // Башкы. 2005. № 3. С. 11–14.
- Сердобов Н. А.** История формирования тувинской нации. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1971. 479 с.
- Сердобов Н. А.** К вопросу о некоторых социолого-лингвистических процессах в национальной консолидации тувинцев // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. 13. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1968. С. 78–109.
- Сэрээдар Н. Ч.** Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. DOI: [10.25178/nit.2018.1.1](https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1)
- Цыбенова Ч. С.** Республика Тыва: взаимодействие языков в контексте языкового строительства // Современная языковая политика в мире: теория и практика. М.-Шанхай: ИМЛИ РАН, 2022. С. 156–166.
- Цыбенова Ч. С.** Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социоллингвистический аспект. Иркутск: Оттиск, 2017. 170 с.

References

- Anaiban Z. V.** Tuvinsko-russkoe dvuyazychie: itogi i perspektivy razvitiya [Tuvan-Russian bilingualism: Results and prospects of development]. In: The Russian language in Tuva. Kyzyl, Printing House of the State Committee for Publishing of the Tuvan ASSR, 1985, pp. 16–30. (In Russian).
- Baiyr-ool A. V.** Leksika, reprezentiruyushchaya ponyatie «dusha», v tuvinskom yazyke [Vocabulary representing the concept of “soul” in the Tuvan language]. In: Universal and specific in the verbal traditions of the peoples of modern Russia: abstracts of the All-Russian Scientific Conference, Novosibirsk, October 14–17, 2020. Novosibirsk, Akademizdat, 2020, pp. 27–30. (In Russian).
- Bartan F. M.** Istoriya sozdaniya uchebnikov po russkomu yazyku dlya tuvinskikh shkol [The history of the creation of textbooks on the Russian language for Tuvan schools]. *Bulletin of Tuvan State University. Pedagogical sciences*, 2014, no. 4, pp. 106–111. (In Russian).
- Bavuu-Syuryun M. V.** Tuvinskii yazyk [The Tuvan Language]. In: The Uryankhai-Tuvan Encyclopedia. Kyzyl, Zhurnalists, 2021, vol. 2, pp. 440–444. (In Russian).
- Bitkeeva A. N., Tsybenova Ch. S.** Khronika yazykovogo sdviga v tuvinskom yazyke v Respublike Tyva [Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 6–27, DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1> (In Russian).
- Bitkeeva A. N., Vingender M., Mikhilchenko V. Yu.** Prognozirovaniye i yazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspekt [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic aspect]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 6–23, DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1> (In Russian).
- Borgoyakova T. G.** Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Yuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of South Siberia]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Press, 2002, 166 pp. (In Russian).
- Borgoyakova T. G., Bitkeeva A. N.** Tuvinskii yazyk v pravovom i funktsional'nom izmerenii [The Tuvan language in legal and functional aspect]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 1, pp. 50–61, DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4> (In Russian).
- Borgoyakova T. G., Guseinova A. V., Pokoyakova K. A.** Yazyki Yuzhnoi Sibiri v dinamike sotsial'nogo konteksta [Languages of South Siberia in the dynamics of social context]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Press, 2022, 160 pp. (In Russian).
- Lamazhaa Ch. K.** Tuva kak limitrofnaya zona: yazyk, religiya i identifikatsiya tuvintsev [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 3, pp. 178–194, DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14> (In Russian).
- Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Mongush A. V.** Svyatoe v tuvinskoi kul'ture: proshloe i sovremennost' [The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 220–241, DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14> (In Russian).
- Manzanova F. T.** Problemy natsional'noi shkoly [Problems of the national school]. *Bashky*, 2005, pp. 15–18. (In Russian).
- Martan-ool M. B.** Voprosy tuvinskogo yazyka: dialektologiya, leksikografiya i sotsiolingvistika: izbrannye nauchnye trudy [Issues of the Tuvan language: Dialectology, lexicography and

- sociolinguistics: selected research papers]. Abakan, Journalist, 2014, 276 pp. (In Russian).
- Mizhit L.S.** Perevod Biblii na tuvinskii yazyk: obogashchenie leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo yazyka [Translation of the Bible into Tuvan: Enriching the lexical composition of the Tuvan literary language]. *The native language*, 2016, no. 1 (4), pp. 141–155. (In Russian).
- Ondar Ch.G., Dongak V.S., Mongush D. Sh.** Tuvinskii yazyk v Internetе: predstavlennost', problemy i perspektivy [The Tuvan language on the Internet: representation, problems and prospects]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 1, pp. 186–207, DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11> (In Russian).
- Saitbattalov I.R., Lukmanova R.H., Saitbattalova Ju.A.** Teonimicheskaya leksika v perevodakh Evangelii na bashkirskii i tuvinskii yazyki [Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 137–145, DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11> (In Russian).
- Saryglar Ch.V., Jertine I.A., Lyundup T.M.** Voprosy khraneniya i translirovaniya kul'turno-istoricheskogo naslediya Tuvy metodami bibliotechnoi raboty (na primere deyatelnosti Natsional'noi biblioteki im. A.S. Pushkina Respubliki Tyva) [Preserving and promoting the cultural and historical heritage of Tuva by means of library work: the case of the A.S. Pushkin National Library of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 130–144, DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.11> (In Russian).
- Seglenmei S.F.** Rol' rodnogo yazyka kak yazyka obucheniya v nachal'noi shkole [The role of the native language as the language of instruction in primary school]. *Bulletin of Tuvan State University*, 2016, no 4, pp. 105–112. (In Russian).
- Seliverstova G.M.** Problemy dvuyazychiya v Tuve [Problems of bilingualism in Tuva]. *Bashky*, 2005, pp. 11–14. (In Russian).
- Serdobov N.A.** Istoriya formirovaniya tuvinskoi natsii [The history of the formation of the Tuvan nation]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House, 1971, 479 pp. (In Russian).
- Serdobov N.A.** K voprosu o nekotorykh sotsiologolingvisticheskikh protsessakh v natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [On some socio-linguistic processes of national consolidation of Tuvans]. In: Scientific Notes of Tuvan Research Institute of Language, Literature, and History. Issue 13. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House, 1968, pp. 78–109. (In Russian).
- Sereedar N. Ch.** Tuvinskii yazyk kak sredstvo obshcheniya tuvintsev: problemy i perspektivy [The Tuvan language as means of communication among the Tuvans: problems and prospects]. *The New Research of Tuva*, 2018, no. 1, DOI: [10.25178/nit.2018.1.1](https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1) (In Russian).
- Tsybenova Ch.S.** Respublika Tyva: vzaimodeistvie yazykov v kontekste yazykovogo stroitel'stva [The Republic of Tuva: interaction of languages in the context of language construction]. In: Modern Language Policy: Theory and Practice. Moscow-Shanghai, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Press, 2022, pp. 156–166. (In Russian).
- Tsybenova Ch.S.** Sovremennaya yazykovaya situatsiya v Respublike Tyva: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Contemporary language situation in the Republic of Tuva: sociolinguistic aspect]. Irkutsk, Ottisk, 2017, 170 pp. (In Russian).
- Vakhtin N.B.** Vvedenie [Introduction]. In: Language changes in the context of a language shift. Saint-Petersburg, Nestor, 2007, 307 pp. (In Russian).

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ХАКАССКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

М. Д. Чертыкова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

Статья посвящена функционально-семантическому анализу и описанию русских заимствований в текстах хакасских героических сказаний. Не претендуя на всеобщий охват анализируемого материала, на примере 18 лексем мы установили, что тексты героических сказаний, в силу традиционности жанра, являются относительно закрытыми для иноязычных новшеств. Гораздо больше русизмов встречается в произведениях малых фольклорных жанров, поскольку они передаются в произвольной повествовательной форме. Процесс проникновения заимствований в данную сферу зависит от их фонетической и лексико-грамматической адаптации в языке-реципиенте. Почти все рассмотренные нами заимствования видоизменены в соответствии с нормами хакасского языка. В лексико-семантическом плане все они распределены на три типа: а) не имеющие аналогов в хакасском языке заимствованные слова, зафиксированные в лексикографических источниках; б) имеющие аналоги в хакасском языке заимствованные слова, зафиксированные в лексикографических источниках; в) разовые, эпизодические использования русизмов. Данную категорию слов составляют в основном существительные, за исключением глаголов *просай* 'прощай', *че[е]сте* - 'чествовать' и междометной конструкции *какой чорт*. Обсуждение фактического материала в нашей работе происходит в рамках нашего понимания терминов «русское заимствование», выражающего частотное и, как правило, лексикографически зафиксированное слово, и «русизм» как русского слова, эпизодически используемого в повседневной речи билингва. В перспективе дальнейшее углубленное изучение данной категории слов на материале хакасских героических сказаний раскроет их новые скрытые особенности и закономерности.

Ключевые слова: хакасский язык, русский язык, заимствованное слово, русизм, текст героических сказаний, лексема, функционирование, семантика.

RUSSIAN BORROWINGS IN THE TEXTS OF KHAKASS HEROIC TALES

Mariya D. Chertykova

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

The article is devoted to the functional-semantic analysis and description of Russian borrowings in the texts of Khakass heroic tales. Without claiming universal coverage of the analyzed material, using the example of 18 lexemes, we established that the texts of heroic tales, due to the traditional nature of the genre, are relatively closed to foreign language innovations. Much more Russianisms are found in works of small folklore genres, since they are conveyed in an arbitrary narrative form. The process of borrowings penetration into this area depends on their phonetic and lexico-grammatical adaptation in the recipient language. Almost all of the borrowings we examined are modified in accordance with the norms of the Khakass language. In lexical-semantic terms, they are all divided into three types: a) borrowed words that have no analogues in the Khakass language and are recorded in lexicographical sources; b) borrowed words that have analogues in the Khakass language and are recorded in lexicographic sources; c) one-time, episodic use of Russianisms. This category of words consists mainly of nouns, with the exception of the verbs *prosay* 'farewell', *che [e]ste* - 'honor' and the interjectional construction *kakoi chort*. The discussion of factual material in our work takes place within the framework of our concepts of the terms "Russian borrowing", which expresses a frequency and, as a rule, lexicographically fixed word, and "Russianism", as a Russian word occasionally used in a bilingual's everyday speech. In the future, further in-depth study of this category of words based on the material of Khakass heroic tales will reveal their new hidden features and patterns.

Keywords: Khakass language, Russian language, borrowed word, Russianism, text of heroic tales, lexeme, functioning, semantics.

Введение

Язык любого народа, как живое явление, находится в постоянном движении, в нем постоянно происходят процессы обогащения и обновления словарного фонда. В любом языке как результат взаимодействия разных народов и цивилизаций имеются заимствованные слова, являющиеся неотъемлемой частью его словарного запаса. Проблема изучения заимствованных слов как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике является традиционной и актуальной во все времена. Наиболее полная картина проникновения русских заимствований в языки сибирских коренных народов представлена в труде «Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири» [Аникин, 2003].

В хакасском языкознании первым исследованием, посвященным данной тематике, стал труд «Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialectes»/«Русские заимствования в сагайском наречии», написанный в 1885 г. еще молодым Н.Ф. Катановым под руководством академика В.В. Радлова [Katanoff, 1885]. Данная работа состоит из трех частей: вначале – краткие, но очень содержательные вступительные замечания, затем – сам словарь (заимствований из русского языка в сагайское наречие), а завершается работа описанием фонетической ассимиляции русских заимствований. Основу словаря составили слова русского языка, встречающиеся в сагайских текстах, введенных в научный оборот М.А. Кастреном и В.В. Радловым [Katanoff, 1885]. Н.Ф. Катанов по их материалам составил обширный словник, привел русские и немецкие соответствия, особо отметив те заимствованные слова, которые в сагайском наречии используются не только в обыденной речи, но и в фольклорных текстах. Словарь ценен также тем, что в нем автор приводит для некоторых слов их соответствия в алтайском, якутском, киргизском, татарском, османском языках. Сагайская часть данного словаря приведена в семантическую классификационную систему М.Д. Чертыковой в статье «О русских заимствованиях в “Образцах народной литературы тюркских племен” Н.Ф. Катанова» [Чер-

тыкова, 2012]. Также можно отметить статью В.Г. Карпова, где автор выделил 17 семантических типов русских заимствований в дореволюционной лексике сагайцев [Карпов, 1955]. Все заимствования дореволюционного периода – результат влияния русских переселенцев на быт хакасов: овощные культуры, изба, новые виды пищи, одежды и т.д. Заимствованная лексика в хакасском языке дооктябрьского и послеоктябрьского периода характеризуется значительными фонетическими изменениями: новые слова в речи неграмотных хакасов принимали искаженную форму. Данное явление описано также Н.Ф. Катановым в разделе «Исследование фонетической ассимиляции русских заимствований», где он анализирует эти изменения и выделяет несколько их групп [Katanoff, 1885]. Позже на этот аспект русских заимствований обратила внимание Д.Ф. Патачакова [Патачакова, 1955]. В целом же для хакасского языка, как и для других языков постсоветского периода, можно выделить дооктябрьский, послеоктябрьский, военный, советский и послеперестроечный периоды заимствований иноязычной лексики. Отдельные вопросы данной тематики обсуждались в статьях А.С. Кызласова [2011], М.Д. Чертыковой [2013] и др. В этих работах заимствования рассматривались в основном с функционально-семантических, фонетических и грамматических позиций. Здесь следует подчеркнуть, что в отличие от заимствований дооктябрьского и послеоктябрьского периода современные заимствования, охватывающие многие стороны жизни хакасского народа, незначительно подчиняются внутренним законам хакасского языка. Такая низкая степень фонетического и грамматического освоения заимствованной лексики связана с распространением явления двуязычия среди его носителей.

Цель нашей статьи – выявление и анализ русских заимствований и русизмов на материале хакасских героических сказаний. Для анализа были собраны примеры с русскими заимствованиями из текстов героических сказаний «Албынчы» [2018], «Ай Мічікнең Күн Мічік» [2021], «Айдолай» [2016], «Хан Мирген» [1969], «Алтын Арыҥ» [1958], «Алыптыҥ

нымахтар» [2022] и др. На наш взгляд, тексты героических сказаний, являясь наиболее крупным и значимым компонентом духовной культуры любого этноса, характеризуются двумя жизнеутверждающими и в то же время взаимоисключающими факторами. С одной стороны, они продолжают оставаться важным механизмом в деле сохранения и развития традиционной этнической культуры и языка, а с другой – обладают неизменным свойством интегрироваться в современный мир, претерпевая при этом некоторые структурные и лексические трансформации. Однако, сохраняя в себе глубинные коллективные знания конкретного этноса, эти тексты менее, чем другие литературные жанры, открыты для адаптации не только новых языковых единиц, но и представлений о предметах и явлениях чужой действительности. Заимствование иноязычной лексики в широком смысле – это освоение языком не только нового слова, но и получение носителями новых знаний из чужих культур, а это означает добавление новых элементов в традиционное национальное мировосприятие народа.

Заимствованная лексика в определенном языке дает возможность косвенно проследить весь исторический путь этого народа, поскольку язык – есть отражение всех изменений и глобальных событий в обществе. На примере монгольских заимствований в хакасском и других тюркских языках Сибири можно говорить о времени и характере некогда тесных взаимодействий этих народов. По мнению О.В. Субраковой, они могли проникнуть в языки народов Южной Сибири в основном в XIII–XVIII вв.: «Это, как известно, время наиболее тесного соприкосновения монгольских и тюркских народов. Поскольку уже в языке орхоно-енисейских памятников обнаружены лексико-грамматические параллели, возможно, были связи и до V–VIII вв., когда народы Саяно-Алтайского нагорья тесно соприкасались и общались с монгольскими народами» [Субракова, 1976, с. 147]. На современном этапе тематика тюркско-монгольских параллелей актуальна, и на материале героических сказаний не только хакасов, но и других тюркских народов они также представляют

исследовательский интерес для лингвистов [Татаринцев, 1970; Субракова, 1975; Чертыкова, 2023 и др.].

Проникновение русских заимствований в фольклорные тексты хакасов и других сибирских народов происходит в более позднее время, с XVII в., что связано с различного рода социальными контактами. Данный факт также привлекает внимание исследователей фольклорных текстов [Арбачакова, 2008; Лиморенко, 2014; Готовцева, 2019 и др.].

1. Русизмы в текстах малых фольклорных жанров

Наиболее обширный пласт русских заимствований встречается в текстах малых фольклорных жанров, что связано, прежде всего, с тем, что «...исполнители воспроизводят на повседневном бытовом языке, а он в последние столетия подвержен мощному русскому влиянию» [Лиморенко, 2014, с. 34]. Как правило, такие русские слова в текстах коротких рассказов, сказок или загадок эпизодичны и нерегулярны. Проникновение русских слов в разговорный язык и в тексты фольклорных жанров Н. Ф. Катанов фиксирует еще во время своей экспедиции в Восточный Туркестан в 1889–1892 гг. В своем письме В.В. Радлову из Сибири и Восточного Туркестана от 9 ноября 1889 г. Катанов пишет: «...Я записал здесь много сказок, свадебных песен, шаманских молитв о посвященных Эрлик-хану конях, овцах и коровах. Записал также много загадок и рассказов (о Всемирном потопе = *халап*, о русских священниках, о шаманах, о созвездиях, луне и солнце). Из записанных материалов особенно интересны те, которые изложены разговорным языком. В таких материалах встречается много русских слов, как например: *ыссоо* (еще), *селме* (шельма), *суука* (сука), *на-кїрести* (на кресте), *услузит* (служить), *остамнай* (отставной). Надеюсь, что последующие изыскания и записи покажут, насколько силен и заметен русский элемент в татарских сказках и песнях» [Катанов, 1893, с. 6].

Рассмотрим примеры из «Материалов диалектологической экспедиции ХакНИИЯЛИ 1945 г.»: *Эйлендіре-эбіре харап турза, хайдар-*

хайдар улуз эп турчады агаштың сунумнаң. Улуз **огарады, поратазы ажых** [МДЭХ, 2019, с. 11] ‘Вокруг огляделся увидел: большой-пребольшой дом высотой с дерева стоит. Большая **ограда, ворота** открыты’; *Ўч кўн сілерге срок, чежеңні ала келезің* [МДЭХ, 2019, с. 11] ‘Три дня **срока** тебе даю, свою сестру приведишь’; *Ідők хой хадар чөрін, оолгы часхы **времяда** пірсінде көрзе, аат хус кўңўр хайаа кір парған* [МДЭХ, 2019, с. 324] ‘Однажды весной **во время** пастбы овец сын увидел, как турпан влез в дупло’; *Чазыда агыйах хус ат улишча, ах хус – **самай** чахсы хус, азагы-базы хустың* [МДЭХ, 2019, с. 332] ‘В степи чайка была **самой** красивой птицей величиной с лошадь, ноги-голова птичьи’; *Анаң парып, тубан көдірілгенде, **обед** иртін партыр* [МДЭХ, 2019, с. 288] ‘В поднявшемся тумане дорогу найти не может, уже и **обед** прошел, а он все плутает’; *Көрзе, андар тирең хайдар х[азылған] **яма** көрінче* [МДЭХ, 2019, с. 289] ‘Видит: под камнем глубокая **яма** виднеется’; *Тапсаба, сыйам, мин сині, сыхсаңох, **жарить** полып чіп салам* [МДЭХ, 2019, с. 156] ‘Молчи, обманщик, я тебя, как вылезешь, **поджарив** съем’; *Нога іди мінің адымны **оскорблять** полчазың? Садыгчыларымны, полза, **оскорблять**ох полчазың?* [МДЭХ, 2019, с. 157] ‘Почему так моего коня **оскорбляешь**? Моих торговцев почему **оскорбляешь**?’ Как видим, в повествовательной речи сказителя такие русские вкрапления легко вписываются в текст, но при этом не решают каких-либо художественных задач. Все используемые здесь русские слова имеют хакасские эквиваленты, потому не могут быть отражены в лексикографических источниках как устоявшиеся заимствованные слова. Однако встречаются и заимствования, не имеющие аналогов в хакасском языке: *Тўрче позанда, пір **петук** кир кеген, хайнадыбысханнар, көмес чіп алғаннар* [МДЭХ, 2019, с. 11] ‘Немного погода **петуха** принес, сварили, немного поели’.

В целом такие использования русских слов на материале малых фольклорных жанров невозможно систематизировать по лексико-семантическому принципу. Но, по нашим наблюдениям, в структурном плане в основном используются именные русские слова,

что подтверждается сведениями из комментариев и примечаний, сделанных составителями сборника «Материалов...». Например, в загадках, записанных в деревне Костино и селе Ораки Шарыповского района, выделены следующие заимствованные слова: *пиво, лампа, коробым* ‘мой короб’, *книга, подпольеде* ‘в подполье’, *самовар, лен* ‘льняной’, *сталь* ‘стальной’, *брови, глаза, язык и зубы, пул* ‘бутылка’, *шаниліг* ‘с шаньгой’, *пирок* ‘пирог’, *халаш* ‘калач’, *молотилка* [МДЭХ, 2019, с. 356–360].

Также популярны в повествовательных фольклорных текстах служебные части речи, которые добавляют разные смысловые оттенки в структурное содержание предложений, например, в произведении «Ызыхтардаңар кип-чоох (Легенда об ызыхах)», записанном в селе Изыхские Копи Алтайского района в августе 1945 года, составителями сборника выделены следующие частицы: *вот, если, все же таки, так как, а если, хоть, лишь бы* [МДЭХ, 2019, с. 421]. При преобладании фольклорной лексики в текстах малых фольклорных жанров могут присутствовать также просторечные, диалектные, сленговые и другие языковые элементы.

2. Русизмы в текстах героических сказаний

Заметно меньше русизмов встречается в текстах героических сказаний, отличающихся более строгим традиционным поэтическим стилем. По нашим наблюдениям, заимствуются в основном существительные, наименования предметов и явлений, за некоторым исключением. Эти заимствования можно разделить на три структурно-семантических типа:

а) заимствованные слова, не имеющие аналогов в хакасском языке и зафиксированные в лексикографических источниках;

б) заимствованные слова, имеющие аналоги в хакасском языке и зафиксированные в лексикографических источниках;

в) разовые, эпизодические использования русизмов.

Как известно, развитие устно-поэтической формы языка героических сказаний уходит

своими корнями вглубь веков, о чем свидетельствуют древние заимствования в составе этих текстов, наличие не только архаичных лексем, но и грамматических форм. В этом плане русские заимствования, фиксируемые в героических сказаниях, являются сравнительно новыми лексическими элементами.

2.1. Заимствованные слова, не имеющие аналогов в хакасском языке и зафиксированные в лексикографических источниках

ПЛАТ ‘платок’; *пас плады* ‘небольшой головной платок’; *хыл плат* ‘шерстяной платок’; *хулас плат* ‘большой шерстяной платок’; {...}; *ах арчол плат* фолькл. ‘большой платок’; / *хол плады* ‘носовой платок’» [ХРС, 2006, с. 371]. В текстах героических сказаний лексема *плат* используется при описании дорогого одеяния богатырши: *Алты чахсы хызы, аарлыг торгы кип кизип, аарлыг торгы плат тартыныбысханнар* [Айд, с. 42] ‘Шесть прекрасных девушек, надев дорогую шелковую одежду, накинули [на себя] дорогой шелковый платок’; *Алып Хулатай хулас плат хызына тарт тур* [АМКМ, с. 109] ‘Богатырь Хулатай надевает на [свою] дочь большой шерстяной платок’. Как видим из примеров, платок может быть дорогим, шелковым (*аарлыг торгы плат*), большим шерстяным (*хулас плат*).

Также лексема *плат* может обозначать средство для совершения каких-либо сверхъестественных действий богатырей: *Аны икенде, алып төреен Хара Молат, оң изебінең үс пулуңныг ах торгы пладын сыгарып, тигірзер чаза тутханда, ах пулут полып чайылган нимес* [АМКМ, с. 119] ‘Услышав это, Богатырь Хара Молат (букв. родившийся богатырем), из правого кармана вытащив трехугольный белый шелковый платок, протянул его к небу, и он поплыл белым облаком’; *Алтын арчол ах платты тудына, от отахнаң анаң сыгарзың* [А, с. 24] ‘Из шалаша вынесешь огонь на белом шелковом платке’.

Платок может быть одним из волшебных предметов, которые «составляют основу многих фольклорных мотивов: чудесных способ-

ностей, обретения истинного облика, оживления, исцеления, трудных задач, задаваемых эпическому герою, магического предмета и др.» [Чистобаева, 2023, с. 100]: *Алып Хан Хыс анаң, парып, тогыс аастыг хызыл сундухты азыбызып, хыс сомы хызыл тасты сыгарды. Анаң алтын саптыг хамчы, алтын арчол ах плат сыгарган* [А, с. 63] ‘Затем Богатырша Алып Хыс, подойдя, открыла красный сундук с девятью крышками, вытащила красный камень с изображением девушки, затем плетъ с золотой ручкой, золотой шерстяной, белый платок’.

Лексема *плат* ‘платок’, как правило, выступает основным компонентом устойчивого (клишированного) сочетания с эпитетами *ах* ‘белый’, *алтын* ‘золотой’. Приведем примеры: *От отааңны үс ибіре чөр киліп, ах платнаң үс хати сабарзың* [А, с. 24] ‘Три раза обойдешь свой шалаш, и три раза ударишь белым платком’; *Үс түүнчектіг ах платтың пір түүнчегін систібісті, Ай Хуучынның ахсына кире анда сапхан хыс пала* [Алтын Арың, с. 407] ‘Девушка развязала один узелок трехузелкового белого платка и запихала в рот Ай Хуучына’. Известно, что эпитет *ах* ‘белый’, с которым связано доброе чистое начало, как *алтын* ‘золото; золотой’, используется в фольклоре не только хакасов, но и других тюркских народов и выражает священное свойство объекта. В хакасской фольклористике описания значений и сакральной роли данных эпитетов имеются в работах В.Е. Майнагашевой [2020], Ю.И. Чаптыковой [2014] и др.

Лексема *арчол* «фолькл. ‘платок’; *ах арчол* ‘белый платок’; *алтын арчол* ‘золотом расшитый платок’» [ХРС, 2006, с. 80] является монгольским заимствованием и используется лишь в эпических текстах. В составе устойчивого сочетания *алтын арчол ах плат* букв. ‘золотой платок белый платок’ данная лексема имеет аналогичное *плат* значение, но по отношению к нему чаще выступает характеризующим словом. Однако в некоторых контекстах она в сочетании с прилагательным *алтын* ‘золотой’ может заменять лексему *плат* ‘платок’: *Чарых Пуруххан, алтын арчолын суура тартып, тастабысханда, ах торгы иб хатап пұт парган* [Айд, с. 188] ‘Когда Чарых Пуруххан,

сняв [свой] кинула **золотой платок**, вновь возникла белая шелковая юрта»; *Алтын арчолның пулии, аны даа пирибіссен, чарирох. Алып Хыс Хан табырагынча алтын арчолын пирибіскен* [Айд, с. 38] 'Можешь дать хоть уголок **золотого платка**. Алып Хыс Хан поспешила отдать **золотой платок**'.

СТОЛ «1) 'стол' // 'настольный'; *азыранчаң стол* 'обеденный стол'; *тегілек стол* прям. и перен. 'круглый стол'; *узаратчаң стол* 'раздвижной стол'; *чир столы* 'низкий стол' (которым пользовались в юртах); {...}; 2) (учреждение *pöligi*) 'стол'; *адрес столы* 'адресный стол'; *чахыг столы* 'стол заказов'; *ибириг столы* этн. 'поминальный стол'; *стол көдірерге* этн. 'приглашать в день поминок родственников умершего' (букв. поднимать стол); *столың тут* этн. 'придержите стол' (по народному обычаю гость, уходящий до того, как уберут со стола, говорит «Столыңар тудыңар!», чтобы это добро не ушло вместе с ним, тем самым выражая свое уважение к столу и пожелание добра его хозяину); *стол харахтыг* 'ненасытный' (букв. стол глазающий); {...}» [ХРС, 2006, с. 513]. Данная лексема заимствована многими сибирскими языками и освоена в соответствии с их фонетическими закономерностями, например, она «бытует у эвенков в той же форме, что у якутов: как якутское оно зафиксировано еще в словаре Пекарского в формах *остуол, устуол, остол, стуол* [Пекарский, 1959, стлб. 1889]. Фонетическое освоение проявилось в том, что в начале слова перед стечением согласных *ст-* появилась гласная» [Лиморенко, 2014, с. 35].

В текстах хакасских героических сказаний стол является обязательным атрибутом убранства ханской юрты, за которым богатыри принимают еду, угощают яствами друг друга и ведут переговоры. Описания трапезы ханов, столов, накрытых всевозможными кушаньями и винами, являются традиционными: *Чир Ханы стол кистінде азыранып одырған полтыр* [АМКМ, с. 128] 'За столом Чир Ханы сидел и кушал, оказывается'; *Анаң айлаһып Алып Хыс Хан, ах ибіне кіріп, Алтын Тас алып кізіні стол кистіне одыртып, арачон теен асты ал киле чөрініп, аарлап сыйлабысхан* [Айд, с. 40] 'Затем, вернувшись, Алып

Хыс Хан, зайдя в [свою] белую юрту, посадила за стол богатыря Алтын Тас. Принесла [так называемую] водку и стала его угощать и чествовать'.

Однако чаще лексема *стол* используется с эпитетом *алтын* 'золотой'. «Золотой стол» вовсе не означает, что стол изготовлен из золота. Это выражение высшей степени поэтизации – следствие благоговейного отношения к обильно накрытому ханскому столу, проявление мечты нередко голодавших людей о сытной, вкусной еде» [Хакасский героический эпос... 1997, с. 42]. *Алып төреен Хара Молат алтын стол кистіне одыр салған* [АМКМ, с. 106] 'Богатырь (букв. родившийся богатырем) Хара Молат сел за **золотой стол**'; *Абахай чахсы ай чили чарыпчадыр. Алтын столын тимнеең, ас-тамахтың тадылиин таллап, пар тамахтың пазын салған, араганың хатиин алған, аарлазып-сыйлазып, азыранып, одырлар апсах-иней* [АМ, с. 14] 'Красавица светится, как луна. Накрыла [свой] **золотой стол**, поставила лучшие яства. Поставила самые крепкие вина, старик со старухой кушали, угощали и чествовали друг друга'; *Апсах кізі алтын столга толдыра ас-тамахтың аймағын сал тур, араганың хатиин тургыс тур* [АМКМ, с. 135] 'Старик ставит на **золотой стол** всевозможные яства и самые крепкие вина'.

В исключительных случаях лексема *стол* может сочетаться со словами, характеризующими неординарность ситуации: хаос, неизвестность, чуждая герою территория и т.д., например: *Тимір ибнің тастында тимір стол турча* [ХМ, с. 100] 'За железной юртой стоит **железный стол**'.

Заимствованные из русского языка лексемы *плат* 'платок' и *стол* 'стол' в текстах хакасских героических сказаний являются одними из базовых, ключевых слов, способных выстраивать традиционные сюжетные линии. В сочетании с соответствующими конкретизаторами они актуализируют важные эпизоды из жизни богатырей, при этом их семантика и сочетаемостные возможности строго организованы. Эти два слова могут быть использованы и в одном контексте: *Харачхай хус кире учуххан. Алтын столның үстүне үс*

түүнчектиг ах плат түзірген [Алтын Арыг, с. 402] 'Ласточка залетела внутрь. На золотой стол уронила белый **платок** с тремя узлами'. При более глубоком анализе семантических и сочетаемостных структур данных лексем их можно рассматривать в рамках концептуальных полей.

Далее рассмотрим менее частотные в текстах героических сказаний заимствованные слова. Как известно, в языке-реципиенте семантическая структура заимствованного слова претерпевает некие изменения: сужение, расширение или изменение семантики. Причем третий вариант представлен реже, и он является «результатом когнитивных процессов восприятия и переосмысления явлений в языковом сознании носителей языка-рецептора. Семантическая динамика всегда этнически обусловлена, так как восприятие каждого этноса как коллективного субъекта восприятия детерминируется социально-психологическими установками» [Сухорукова, 2005, с. 22]. Ярким примером такого сдвига семантики заимствованного слова в восприятии хакасов является слово **ИРЕ[Е]Т**: 'чаша с вином'; *пастагы иреет* 'первый тост'; *иреет алыбызыңар* 'поднимите бокалы'; *иреет читірге* 'преподнести бокал вина'» [ХРС, 2006, с. 132]. Русская лексема *ряд* при заимствовании изменила свой внешний облик соответственно хакасским фонетическим законам: появился протетический гласный *и* в начале слова, гласный *я* перешел в *е*, также, поскольку заимствование происходило устным путем, был воспринят оглушенный конечный согласный *т*. Таким образом слово *ряд* приобрело форму *ирет*. Одна из первичных словарных дефиниций лексемы *ряд* – «совокупность однородных предметов, расположенных друг за другом, в одну линию. *Ровный ряд зубов*; {...}» [БТСРЯ, 2000, с. 1138] – в процессе перехода в хакасский язык значительно трансформировалась, «...впитывая в себя национальные особенности окружающей действительности и адаптируя себя к ним» [Трифонов, 2017, с. 167]. Смысловой мотивировкой для конкретизации значения 'чаша с вином' послужили событийные/ситуационные факторы из традиционной

жизни хакасов, когда они усаживались в круг и пили вино по очереди. Примеры из текстов хакасских героических сказаний подтверждают полную семантическую модификацию заимствованного слова *ирет*: *Хырых хыстыг Хыязын иней {...} алтын састыг [алынтың] озаринда одырган улуг чурт[т]уг Пора Ханга ире[е]дін пир тур* [Ан, с. 29] 'Старуха Хыязын с сорока дочерьми {...} сидящему за златовласым богатырем Пора Хану [с большим домом] подает **бокал вина**'; «*Син, Пора Хан, к [i]нөлөп, майых пари но[о]ң, алдах минің ире[е]дими!*» [Ан, с. 35] 'Ты, Пора Хан, видимо, сильно недомогаешь от похмелья, выпей-ка мою **чашу вина**'.

Однако дифференциальный признак русского слова *ряд* 'очередность' сохраняется в семантике словосочетаний: *ирет иртір* 'пропустить бокал вина', *ам синің иреедің* 'теперь твоя очередь выпить' (букв. теперь твой бокал вина): *Ай-соона халған ипчилер, харгазып, сілезіп нанглапчалар, пірсі син арага пирбеезің, пірсі, син ирет иртіргезің тіп* [ХМ, с. 91] 'Оставшиеся после всех женщины идут домой, обзывая-проклиная [друг друга], одна говорит, мол, ты не дала вина, вторая говорит, [при **раздаче вина**] пропустила меня'; *Мин алганда ире[е]т, ам синің ире[е]диң. П[і]ре[е] де[е] полза, алдах минің ире[е]димни* [Ан, с. 30] 'Я выпил **бокал вина**, теперь твоя очередь пить (букв. теперь твой **бокал вина**). Хотя раз [в жизни] выпей-ка мой **бокал вина**'.

Заимствованием из русского языка также является слово **СТЕНЕ** (в литературном языке имеет форму *стена*) 'стена'/'стенной'; *агартылған стена* 'побеленная (известью) стена'; *стена тобыра* 'через стену'; *стена часызы* 'настенные часы'» [ХРС, 2006, с. 512]. Приведем примеры на употребление в текстах хакасских героических эпосов: *Табызын пирбеең үс частыг оол, стенизериөк көре, чадыбысхан* [Айд, с. 11] 'Не отозвался трехлетний мальчик, снова лег, отвернувшись **к стене**'; *Хыс чахсызы чадыган хагып, ырын ырлап, көгін көгөп, стенизери айлан парган чадыр* [Айд, с. 30] 'Лучшая из девушек, играя на чатхане, пела песни, сидела, отвернувшись **к стене**'.

В хакасском языке лексема *хана* «1) ‘стена’; *хазаа ханазы* ‘стены скотного двора’; {...}; 2) забор; *чарды хана* ‘дощатый забор’; {...}» [ХРС, 2006, с. 798] чаще используется во вторичном значении ‘забор’. Она является монгольским заимствованием, ср.: «**QANA** *халх.*, *бур.* **хана**, *калм.* **хан** ‘стена; решетка на стенах юрты’; *халх.* ‘решетчатый (об узоре)’» [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2018, с. 29].

В текстах героических эпосов хакасов встречается русизм **ПОЛ**, в «Хакасско-русском словаре» это слово представлено в том же значении, что и в русском: ‘пол’; *тас пол* ‘каменный пол’; *полда* ‘на полу’; *сырлыг пол* ‘крашенный пол’; *пол чуурга* ‘мыть полы’» [ХРС, 2006, с. 376]. Приведем пример: *Хыр сүмекчин тура сегирген*, {...}, *орты полга нас килпн турыбысхан* [Айд, с. 11] ‘Седая слуга соскочила, {...}, встала, подойдя к середине **пола**’.

Как видим, лексемы *стене* и *пол* могут использоваться при описании действий эпических персонажей внутри юрты.

Следующим русским словом, употребительным в языке хакасского героического эпоса, является слово **СВАТ** «‘сват (родственник)’; *сваттарны кирерге тимненіс* ‘подготовка к приему сватов’; *сваттарга төргиннеп чөрдбіс* ‘[мы] ездили к сватам за получением приданого (снохи)’» [ХРС, 2006, с. 455]. Приведем примеры: *Ай Чарых Хан свадынаң алнынаң аспахтазып, арт соонаң анымчохтазып, ах пайзаң ибдең сыгып килген* [Алтын Арыҕ, с. 106] ‘**Со [своим] сватом** Ай Чарых Хан поговорив, попрощавшись, вышел из белой ханской юрты’; *Алып Хан хыс чоохтапча: – Чох, Ай Чарых Хан сват, арачон ас ізіп, ааллазага килбеебін* [Алтын Арыҕ, с. 106] ‘Алып Хан хыс говорит: – Нет, **сват** Ай Чарых Хан, я приехала не гостить и пить вино’.

Также в фольклорных текстах рассматриваемого жанра встречается слово **СЕДОК** ‘наездник на скачках’ [ХРС, 2006, с. 456]: *Хара Молат хара адын позыдыбох тур, хайзы полза, седоктыг салчалар, хайзы седок чох аттарын позытчалар* [АМКМ, с. 112] ‘Хара Молат своего вороного коня тоже отпускает, некоторые своих коней отпускают **с седоками**, некоторые отпускают **без седоков**’.

2.2. Заимствованные слова, имеющие аналоги в хакасском языке и зафиксированные в лексикографических источниках

КНИГА «‘книга’ // ‘книжный’; *хыныг книга* ‘интересная книга’; *хыгырчаң книга* ‘книга для чтения’; *книга тасты* ‘книжная обложка’; *книга магазині* ‘книжный магазин’» [ХРС, 2006, с. 382]. В современном хакасском языке русизм *книга* используется наряду с хакасским аналогом *кинде*. По свидетельству Н.С. Чистобаевой, в текстах героических сказаний «...слово *книга* в качестве волшебного предмета встречается в разных названиях: заимствованное слово *книга* в значении ‘гадательная книга, всезнающая книга, письмо, письменное послание’, *кинде* ‘книга, бумага’, *пічік* ‘письмо, записка, послание’, *сугдур пічік* ‘письмо, бумага с написанным текстом, сутра’, *кигдей пічік* ‘письмо, бумага, книга’, *сабыра пічік* ‘надпись, вырезанная на дереве, камне, наскальные надписи, послание, богатырская грамота, письмо, эпитафия’. ...*Кичім улиинча книганы кил хыр турча* – Книгу размером с чепрак ведь читает» [Чистобаева, 2023, с. 100–101].

Лексема *книга* встречается в сочетании с прилагательным *хара* ‘черная’: *Хайдаг чирдең Алып Хан Хыс хара книга сыгарып алган, оңнап-сынап көріп одыр* [Алтын Арыҕ, с. 414] ‘Откуда-то Алып Хан Хыс вытащила **черную книгу**, внимательно рассматривает’. Отметим, что понятие *черной книги*, являющейся пособием по оккультизму, магии, колдовству, присутствует в мифологии многих народов, а те, которые имеют отношение к этим «наукам», называются *чернокнижниками*.

СТОЛБА «‘столб’. *Ат палгацаң столба* ‘столб для привязи коня’; *хана столбазы* ‘столб для забора’; *телеграф столбазы* ‘телеграфный столб’; *столба сөгірерге* ‘ставить столб’; {...}» [ХРС, 2006, с. 513]. Приведем пример: *Пора адын апарып, алтын столбаа палгапча* [Ан, с. 26] ‘Приведя [свою] сивую лошадь, привязывает **к золотому столбу**’. Чаще в текстах героических сказаний используются дублетные лексемы *чечпе/сарчын* ‘столб возле юрты,

предназначенный для привязи коня’: *Алтын чечпее чидіп, Хулатай, хара хула аттаң тўзін, алтын чечпее палгап, ах өрге ибге кір килген* [А, с. 27] ‘Дойдя до алтын чечпе, Хулатай, спешившись со [своего] вороного коня, привязав к алтын чечпе, зашел в белую ханскую юрту’; *Алтын чечпееде палгап салган хан позырах адын систіп, айландыра тартып, алтаныбысхан Алып Хан хыс* [Алтын Арыҥ, с. 106] ‘Привязанного к золотому чечпе рыжего богатырского коня отвязав, села верхом Алып Хан хыс’; *Чилнінең чилбеп парча, чох кўзін салып, ат палгачаң алтын сарчыңга ойлат килді* [АМКМ, с. 135] ‘[Его] грива развевается на ветру, используя все силы, добежал до золотого сарчына’.

САПОК «‘сапоги’ // ‘сапожный’; *пөзік тахалыг сапок* ‘сапоги на высоких каблуках’; *сапок тікчең ус* ‘сапожник’; *сапок кремі* ‘сапожный крем’» [ХРС, 2006, с. 445]. Приведем пример: *Хызыл сафьян сапогтыг {...} алыптаң артых алып оолах* [АМКМ, с. 136] ‘С красными сафьяновыми сапогами {...} богатырь мальчик, лучший из богатырей’. В хакасском языке данный вид обуви чаще обозначается общим наименованием обуви: *өдік, маймах* в сочетании с характеризующими именами: «Сапоги с вышитым передним швом (женские, меховые) *хасха чіктіг маймах*. Сапоги (национальная обувь округлой формы без каблуков) *пеерет маймах*. Сапоги сафьяновые *сапыйан өдік*» [Каксин, Чертыкова, 2020, с. 168]. Исконное же хакасское наименование сапог – *оландай* (сапоги с галошами *молтырыхтыг оlandaй*) – в свое время было вытеснено из употребления заимствованным словом *сапог/сапок*.

В рассматриваемых текстах выделен также глагол **ЧЕ/Е/СТЕ-** ‘чувствовать’. В «Хакасско-русском словаре» он не зафиксирован, но в нем представлено существительное русизм *чеес* со значениями «1) ‘честь; достоинство’; {...}; 2) ‘честь, достоинство, непорочность (женщины, девушки)’; {...}; 3) ‘почет, уважение, доброе имя’; {...}; 4) *перен.* ‘гостеприимство’; {...}» [ХРС, 2006, с. 960] и прилагательное *чеестіг* «1) ‘имеющий почет, уважение’; {...}; 2) *перен.* ‘гостеприимный’; {...}» [ХРС, 2006, с. 960]. Многозначность,

отмеченная в словарных дефинициях данных слов, свидетельствует об их адаптации в фонетическом и семантико-функциональном аспектах. Хакасское обозначение значения ‘достоинство’ – слово *илеме* [ХРС, 2006, с. 123] – в языке не встречается, возможно, оно вытеснено из активного словарного запаса.

Словообразовательная способность слова *чеес* < *чеесте-* и его взаимодействие с другими словами указывают на то, что эти слова легко подчиняются внутренним грамматическим и синтаксическим нормам хакасского языка. Приведем пример на употребление глагола *чеесте-* в контексте: *А[а]р частыг алганы Пора Ханны а[а]рлап-че[е]стен азырап одыр* [Ан, с. 11] ‘[Его] суженая Пора Хана, уважая-чувствуя, потчует’.

Также в текстах хакасских героических эпосов представлено заимствование **МОСТА** «саг. ‘мост’; *с.м. тахта*» [ХРС, 2006, с. 254]: *Өрт талайны кизіре алтын моста пұт парды нимес. Апсах кізі алтын мостача ырын-сарыннаң кис пари нимес* [АМКМ, с. 133] ‘Через море, полыхающее огнем, был построен золотой мост. Старик по золотому мосту идет, напевая песни’; *Алып хара ат алтын мостаа кірбинче* [АМКМ, с. 133] ‘Богатырский вороной конь не идет через золотой мост’. Как видим, в этих примерах традиционный символический эпитет *алтын* ‘золотой’, как и в случае с *алтын столба* ‘золотой столб’, без ущерба для семантики используется по отношению к русизму *мост*. Сочетаемость потенциал заимствованного слова указывает на степень его адаптации. Однако в целом взаимоотношения исконного и заимствованного слова являются сложными. Для того чтобы определить их синонимическую близость или же полную дублетность, следует решать вопросы относительно объема их семантики, сочетаемостных и стилистических функций, лексико-грамматических и словообразовательных параметров. Полное совпадение данных характеристик ведет к лексической избыточности и часто – к выпадению из употребления одного из них. На примере исконных и заимствованных лексем *книга/кинде, столба/чечпе, сарчын, сапог/өдік, маймах, оlandaй, моста/тахта* мы отмечаем

их неравную активность в текстах хакасских героических сказаний. Русские варианты этих дублетных и/или синонимических пар в процессе адаптации претерпели незначительные изменения на фонетическом, грамматическом, функционально-семантическом уровнях. В целом же подобные явления в языке ведут к расширению лексикона.

2.3. Разовые и эпизодичные использования русизмов

Единичные случаи использования русизмов в индивидуальной речи носителей хакасского языка не являются фактом лексической системы хакасского языка, поскольку их нельзя считать заимствованиями. Проникновение слов из одного языка в другой и их адаптация в принимающем языке происходят на социальном уровне, а не на индивидуальном. В отличие от установившихся заимствований в языке разовые использования русизмов в речи неоправданны и необоснованны, поскольку часто имеются их хакасские аналоги; они несистемны, поскольку невозможно их классифицировать и установить закономерности их применения. Такие явления относятся к категории психолингвистики и связаны с высокой степенью двуязычия этноса, подразумевающей открытость его национального мировидения к инокультурным новшествам, что, несомненно, отражается в языке. Вопросы возможной адаптации таких русизмов в хакасском языке, развитие их семантического и сочетаемостного потенциала, появление новых синонимических рядов следует рассматривать в развернутых и углубленных лингвистических, лингвокультурологических и психо-, этнолингвистических исследованиях. Однако в фольклорной картине мира наблюдается другая картина. Такие эпизодичные использования русизмов в текстах хакасских героических сказаний – редкое явление. Выбор того или иного русизма в процессе передачи героического сказания зависит от предпочтений конкретного сказителя. Сказитель, хорошо знающий свой родной и русский язык, может спонтанно использовать

русизм (часто в искаженной фонетической форме) в затруднительных при выборе нужных слов ситуациях или же в силу привычности использования данных русизмов в родном языке.

Как правило, такие русизмы имеют хакасские аналоги, например, *просай* ‘прощай’, *род*, *карман*, *смерт* ‘смерть’, *крек* ‘грех’, *какой чорт* ‘какой черт’.

В проанализированных текстах нам неоднократно встретилось слово **ПРОСАЙ** ‘прощай’: *Оолахтаң тiл ал полбин, алып кiзi амчоҕын пирчедiр, амчох-просайын салынчадыр* [АМКМ, с. 94] ‘Не сумев поговорить с мальчиком, богатырь говорит «до свидания», прощается (букв. кладет свое до свидания-**прощай**)’; *Алтын Тана пичези {...} азых-түлүк тыхтап [п]ирген, анымчоҕын пиринди, просайын салынды* [Ан, с. 67] ‘[Его] сестра Алтын Тана {...} снабдила его продуктами на дорогу, сказала «до свидания», **попрощалась** (букв. кладет [свое] **прощай**)’. Эти два примера взяты из разных текстов героических сказаний, в них выражение *просайын сал-* букв. ‘класть свое **прощай**’ имеет одинаковую семантику и сочетаемость с вспомогательным глаголом *сал-* букв. ‘класть’. Регулярность использования данного выражения не только в текстах хакасских героических сказаний, но и в современном хакасском языке может придать ему статус заимствования.

Несмотря на частотность использования в различных жанрах хакасского языка лексема **РОД** ‘род’ отсутствует в «Хакасско-русском словаре». В русском языке она многозначна, хакасский язык заимствовал значение: «{...} ‘ряд поколений, происходящих от одного предка и наследующих социальное происхождение, национальность’. *Древний род. Вести свой род от Рюрика* (высшая степень знатности {...})» [БТСРЯ, 2000, с. 1125]. Приведем пример: – *Алып Хан палазы полза, парарга чарир, – тидiр, – чახсы родтыг* [Айд, с. 46] ‘Если он дитя Алып Хана, то можно выходить [замуж], – говорит, – из хорошего **рода** (букв. с хорошим **родом**)’.

У слова **КАРМАН** есть полный аналог в хакасском языке – это лексема *изеп*.

Несмотря на этот факт, слово *карман* также функционирует в языке героического эпоса: *Хырых хыстыг Хыязын иней {...} оң карма-нын харбан килип, үс а[а]стыг сырлыг түй[ү]зүн сыгарчых, сол карманын харбан килип, үс хыр-лыг хола чирчезин сыгарчых* [Ан, с. 28] 'Старуха Хыязын с сорока дочерьми {...}, засунув руки в [свой] правый **карман**, вытащила [свой] туесок с тремя горлышками, засунув руки в [свой] левый **карман**, вытащила бронзовую чашку с тремя краями'.

Слову **СМЕРТ** 'смерть' в хакасском языке соответствует слово *өлм*. Приведем пример употребления слова *смерт* в контексте: *Арыг сүменец өдирбе[е]нде, арыг смертпеден өдирцең* [Ан, с. 68] 'Если не убивать, применяя хитрость, то нужно убивать беспощадно (букв. с чистой **смертью**)'.

Русскому слову **КРЕК** 'грех' в хакасском языке соответствует аналог *обал*. Лексема *крек*, относящаяся к категории религиозной лексики, является широкоупотребительной в хакасском языке. Хотя она не зафиксирована в «Хакасско-русском словаре», ее можно рассматривать как заимствование из русского языка. Пример: *Миниң салган азымны чібеске Улуг Худайдаң обал полды ба, Кичиг Худайдаң крек полды ба* [Ан, с. 72] 'Кушать мою еду (букв. чтоб не кушать еду, которую я поставил) Большой Бог разве считает грехом (букв. разве был грех от Большого Бога), Маленький Бог разве считает **грехом**'. В данном предложении сказитель использует лексему *крек* в качестве синонима к слову *обал* в синонимичном клишированном выражении.

Междометие **КАКОЙ ЧОРТ** 'какой черт!' соответствует хакасской междометной конструкции *Адаң анда!* Использование иноязычных междометий в речи билингва указывает на естественность выражаемых эмоций. Спонтанный и рефлекторный характер таких лексических проявлений связан с языковым сознанием личности. Приведем пример: *Ат үстүнде турган Пора Ханга арагазын читир тур. Аны көргөн Пора Хан: «Какой чорт! Синиң арагаң мага [а] кирек чогул...»* [Ан, с. 24] 'Пора Хану, находящемся верхом на коне, [он] предлагает [свою] водку. Увидев это, Пора Хан: «**Какой черт!** Твоя водка мне не нужна'.

Выводы

Мы обсудили использование русских заимствований и русизмов на материале хакасских героических сказаний. В отличие от малых фольклорных жанров, которые передаются в более свободной повествовательной форме, в текстах хакасских героических сказаний, имеющих строгий поэтический стиль, основанный на выразительности и благозвучности, редко встречаются русские заимствования. Данную категорию слов мы делим на три структурно-семантических типа:

а) заимствованные слова, не имеющие аналогов в хакасском языке и зафиксированные в лексикографических источниках. Здесь лексемы *стол* 'стол' и *плат* 'платок' являются традиционными и базовыми элементами в описании героических событий и действий персонажей любого героического сказания;

б) заимствованные слова, имеющие аналоги в хакасском языке и зафиксированные в лексикографических источниках. Исконные хакасские и заимствованные лексемы: *книга/кинде; столба/чечпе, сарчын; сапог/өдік, маймах, оландай; моста/тахта*, в текстах эпических произведений проявляют неравную активность, однако выполняют одни и те же функции, например, в клишированных выражениях: *алтын столба* 'золотой столб'/*алтын чечпе* 'золотой чечпе', *алтын моста* 'золотой мост'/*алтын тахта* 'золотой мост' и др.;

в) разовые, эпизодичные использования русизмов. По нашим наблюдениям, такие случаи при передаче героических сказаний допускаются в затруднительных при выборе нужных слов ситуациях или же в силу привычности использования сказителем данных русизмов в родном языке.

Во все времена заимствованные иноязычные слова пополняют и обогащают словарный запас любого языка. Если в определенных сферах общественной жизни (наука, политика, культура и т.д.) создаются благоприятные условия для проникновения иноязычных новшеств, то область эпических произведений в силу специфичности жанра оказывается относительно закрытой. Также немаловажным фактором, способствующим сохранению

традиционности и исконности словарного богатства героических сказаний, является совершенное владение родным языком сказителя – мастера слова и хранителя вековой мудрости нашего народа.

Словари

- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Новосибирское отд-ние изд-ва «Наука», 2003. 785 с.
- БТСРЯ – Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: «Норинт», 2000. 1536 с.
- Каксин А.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско-русский и русско-хакасский тематический словарь (разделы «Человек», «Флора и фауна») / Хакас-орыс паза орыс-хакас тема хоостыра пöлiлген сöстiк («Кiзi», «Öзiмнер паза чир-чайаандагы тiрiг нимелер» чардыхтар). Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2020. 224 с.
- Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Шевернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков. Том III. Q-Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь – Хакас-орыс сöстiгi / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, П.Е. Белоглазов, З.Е. Каскаракова, А.С. Кызласов, Р.Д. Сунчугашев, М.Д. Чертыкова. Под общей ред. О.В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Источники иллюстративного материала

- А – Албынчы. Алыптыг ныхмах (героическое сказание). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2018. 126 с.
- АМКМ – Ай Мiчiкнең Кўн Мiчiк. Богатырские сказания. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2021. 176 с.
- АХ – Хакасский героический эпос: Ай Хуучин / Запись и подготовка текста, перевод, вступительная статья, примечания и комментарии, приложение В.Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).
- Айд – Айдолай. Алыптыг ныхмах. Абакан: ООО «Кн. изд-во «Бригантина», 2016. 196 с.

- ХМ – Хан Мирген. Богатырское сказание. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1969. 209 с.
- Алтын Арыг. Сборник героических сказаний. Записаны от С.П. Кадышева. Подготовила Т.Г. Тачеева. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1958. 440 с.
- Ан – Алыптыг ныхмахтар = Хакасские героические сказания. Том I. На хакасском языке / Н.В. Майногашева, Е.С. Торокова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2022. 656 с. (Фольклорное наследие хакасского народа. Том I).
- МДЭХ – Материалы диалектологической экспедиции ХакНИИЯЛИ 1945 года / под общ. ред. Е.С. Тороковой; сост. Е.С. Торокова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2019. 480 с.

Литература

- Арбачакова Л.Н., Рожнова С.П. Русизмы в шорских фольклорных текстах // Традиции и инновации в современном фольклоре народов Сибири. Новосибирск: Изд-во Арта, 2008. С. 63–70.
- Готовцева Л.М. Русские лексические заимствования в номинации одежды героев эпоса олонхо // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 207–214.
- Карпов В.Г. Классификация заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы: материалы и сообщения. Абакан: Хак-книгиздат, 1955. С. 44–54.
- Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана // Записки Императорской Академии наук. 1893. Т. XXIII. с. 1–114.
- Кызласов А.С. Русизмы в хакасском языке // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2011. № 2. С. 39–43.
- Лиморенко Ю.В. Заметки о русских заимствованиях в языке эвенкийского фольклора // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 33–38.
- Майногашева В.Е. Примечания к переводу героического эпоса «Алтын Арыг» // Биобиблиографический справочник: к 90-летию со дня рождения. 4-е издание, перераб., доп. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. С. 77–121.
- Патачакова Д.Ф. Освоение и орфографирование заимствованных слов // Вопросы хакасского

- языка и литературы: материалы и сообщения. Абакан: Хакингиздат, 1955. С. 65–87.
- Субракова О.В.** Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XX. Сер. филологическая. №3. Абакан: Тип. «Советская Хакасия», 1976. С. 147–150.
- Сухорукова Ю.С.** Динамика семантических процессов заимствований в современном французском языке: свободный и связанный контекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 28 с.
- Татаринцев Б.И.** О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIV. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1970. С. 174–188.
- Трифонов Н.С.** Модификация значений при заимствовании экономической лексики из английского языка в русский // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). С. 166–169.
- Чаптыкова Ю.И.** Поэтика героического эпоса «Трижды женившийся Хан Мирген» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9 (39). С. 201–204.
- Чертыкова М.Д.** К вопросу об иноязычных заимствованиях в хакасском языке (по материалам газеты «Хабар») // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Абакан, 14–15 декабря 2012 г.). Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова», 2012. С. 88–89.
- Чертыкова М.Д.** Язык современной прессы как отражение потенциала личности и языкового сообщества // Проблемы формирования и реализации потенциала личности в современной России: материалы IX Международной научно-практической конференции (15 мая 2013 г.). Уфа: Акад. ВЭГУ, 2013. С. 259–266.
- Чертыкова М.Д.** Монгольские заимствования в тексте хакасского героического сказания «Албынчы» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2023. Вып. 1 (39). С. 73–85. DOI: 10.23951/2307–6119–2023–1–73–85
- Чистобаева Н.С.** Роль волшебных предметов в эпическом повествовании хакасов // Эпосоведение. 2023. №4. С. 98–107. DOI: 10.25587/2782–4861–2023–4–98–107
- Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialectes, von N. Katanoff // *Mélanges Asiatiques, tires du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg.* 1885. Tome IX. Livraison 3. P. 277–312.

References

- Arbachakova L.N., Rozhnova S.P.** Rusizmy v shorskikh fol'klornykh tekstakh [Russisms in Shor folklore texts]. In: *Traditsii i innovatsii v sovremennom fol'klore narodov Sibiri.* Novosibirsk, Arta, 2008, pp. 63–70. (In Russian).
- Chaptykova Yu.I.** Poetika geroicheskogo epasa “Trizhdy zhenivshiisya Khan Mirgen” [Poetics of the heroic epic «Thrice-married Khan Mirgen»]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 9 (39), pp. 201–204. (In Russian).
- Chertykova M.D.** K voprosu ob inoyazychnykh zaimstvovaniyakh v khakasskom yazyke (po materialam gazety “Khabar”) [On the issue of foreign language borrowings in the Khakass language (based on materials from the newspaper “Khabar”)]. In: *Ethnic Groups of Developing Russia: Problems and Prospects: Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Abakan, December 14–15, 2012).* Abakan, N.F. Katanov Khakass State University Press, 2012, pp. 88–89. (In Russian).
- Chertykova M.D.** Mongol'skie zaimstvovaniya v tekste khakasskogo geroicheskogo skazaniya “Albynchy” [Mongolian borrowings in the text of Khakass heroic legend “Albynchy”]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2023, no. 1 (39), pp. 73–85. DOI: 10.23951/2307–6119–2023–1–73–85 (In Russian).
- Chertykova M.D.** Yazyk sovremennoi pressy kak otrazhenie potentsiala lichnosti i yazykovogo soobshchestva [The language of the modern press as a reflection of the potential of the individual and the linguistic community]. In: *Problems of Formation and Realization of Personality Potential in Modern Russia: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference (May 15, 2013).* Ufa, Eastern Academy of Economics and Law for the Humanities Press, 2013, pp. 259–266. (In Russian).
- Chistobaeva N.S.** Rol' volshebnykh predmetov v epicheskom povestvovanii khakasov [The role of magical objects in the epic narrative of the Khakass]. *Epic Studies*, 2023, no. 4, pp. 98–107. DOI: 10.25587/2782–4861–2023–4–98–107 (In Russian).

- Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialectes, von N. Katanoff. *Mélanges Asiatiques, tires du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, 1885, tome 9, livraison 3, pp. 277–312. (In German).
- Gotovtseva L. M.** Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v nominatsii odezhdy geroev eposa olonkho [Russian lexical borrowings in nomination of the Olonkho epic heroes' clothes]. *Philology: scientific research*, 2019, no. 2, pp. 207–214. (In Russian).
- Karpov V. G.** Klassifikatsiya zaimstvovannykh slov [Classification of borrowed words]. In: Issues of the Khakass language and literature: materials and messages. Abakan, Khakass Book Publishing House, 1955, pp. 44–54. (In Russian).
- Katanov N. F.** Pis'ma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters from Siberia and Eastern Turkestan]. Notes of the Imperial Academy of Sciences, 1893, vol. 23, pp. 1–114. (In Russian).
- Kyzlasov A. S.** Rusizmy v khakasskom yazyke [Russisms in the Khakass language]. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2011, no. 2, pp. 39–43. (In Russian).
- Limorenko Yu. V.** Zametki o russkikh zaimstvovaniyakh v yazyke evenkiiskogo fol'klora [Notes on Russian borrowings in the language of Evenki folklore]. *Siberian Philological Journal*, 2014, no. 1, pp. 33–38. (In Russian).
- Mainogasheva V. E.** Primechaniya k perevodu geroicheskogo eposa "Altyn Aryg" [Notes on the translation of the heroic epic "Altyn Aryg"]. In: Bio-bibliographic reference: to the 90th anniversary of the birth, the 4th revised and expanded edition. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publishing House, 2020, pp. 77–121. (In Russian).
- Patachakova D. F.** Osvoenie i orfografirovaniye zaimstvovannykh slov [Mastering and spelling borrowed words]. In: Issues of the Khakass language and literature: materials and messages. Abakan, Khakass Book Publishing House, 1955, pp. 65–87. (In Russian).
- Subrakova O. V.** Mongol'skie zaimstvovaniya v yazyke khakasskogo geroicheskogo eposa [Mongolian borrowings in the language of the Khakass heroic epic]. In: Scientific Notes of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, the 20th edition, philological series, no. 3. Abakan, Soviet Khakassia, 1976, pp. 147–150. (In Russian).
- Sukhorukova Yu. S.** Dinamika semanticheskikh protsessov zaimstvovaniya v sovremennom frantsuzskom yazyke: svobodnyi i svyazannyi kontekst [Dynamics of semantic processes of borrowings in modern French: free and connected context]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Filology. Saint Petersburg, 2005, 28 pp. (In Russian).
- Tatarintsev B. I.** O nekotorykh gruppakh mongolizmov v yazyke tuvinskogo fol'klora (na materiale skazok i geroicheskikh skazanii) [On some groups of Mongolisms in the language of Tuvan folklore (based on fairy tales and heroic tales)]. In: Scientific Notes of Tuvan Institute of Language, History, and Literature, the 14th edition. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House, 1970, pp. 174–188. (In Russian).
- Trifonova N. S.** Modifikatsiya znachenii pri zaimstvovanii ekonomicheskoi leksiki iz angliiskogo yazyka v russkii [Modification of meanings when borrowing economic vocabulary from English into Russian]. *Philological Sciences: Issues of Theory and Practice*, 2017, no. 11 (77), pp. 166–169. (In Russian).

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА БАСЕН В.Ф. БАРАШКОВА

В. А. Карамашева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: vika.karamashewa@yandex.ru

В данной статье впервые в хакасском литературоведении анализируется творчество баснописца Василия Филипповича Барашкова. Актуальность исследования определяется не только прикладной значимостью, но и неразработанностью вышеуказанной темы. Проблемы и идеи, которые были своевременными в хакасской литературе XX в., в частности в баснях, остры и в настоящее время. С целью выявления идейно-тематического разнообразия басен В. Барашкова, написанных в конце 50–70-х гг. XX в., в статье рассмотрены система образов и художественные средства, раскрывающие проблемно-тематическую направленность басен, нравственно-этические поиски героев. Теоретическая значимость работы заключается в разработке терминологического эквивалента в системе басенного жанра вообще и в басенном творчестве В. Барашкова в частности. Особое внимание акцентируется на освещении вопросов взаимодействия фольклорных элементов и письменной литературы в сюжете, изображении образов героев, построении самого произведения. В истории развития национальной басни важное место занимает тема нравственности, баснописец, пользуясь методом заимствования (фольклора и русской басенной традиции), раскрывает образ жизни, нормативную этику, обязательные для данного этноса. Веками формируется и сохраняется определенная культура, характерная для хакасского народа, которая ярко проявилась в баснях В. Барашкова, – философское рассуждение о жителях планеты Земля, о судьбах простых тружеников, о жизни животных и птиц. Персонажи его произведений занимались нравственными поисками в нелегкие послевоенные годы, когда вся страна восстанавливала разрушенное фашистами народное хозяйство.

Ключевые слова: басня, фольклор, идеалы, этика, заимствование, нравственность, баснописец, деталь, творчество.

THE IDEOLOGICAL AND THEMATIC BASIS OF V.F. BARASHKOV'S FABLES

Viktoriya A. Karamasheva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: vika.karamashewa@yandex.ru

This article, for the first time in Khakass literary studies, analyzes the fabulist Vasily Filippovich Barashkov's creative work. The relevance of the research is determined not only by the applied significance, but also by the lack of elaboration of the above topic. The problems and ideas that were timely in the Khakass literature of the 20th century, particularly in fables, are still acute at the present time. In order to identify the ideological and thematic diversity of V. Barashkov's fables, written in the late 50s – 70s of the 20th century, the article examines the system of images and artistic devices that reveal the problematic and thematic orientation of fables, the heroes' moral and ethical search. The theoretical significance of the work is in the development of a terminological equivalent in the system of the fable genre in general and in V. Barashkov's creative work in particular. Special attention is focused on covering the issues of interaction between folklore elements and written literature in the plot, the depiction of heroes' images, and the construction of a piece of work itself. In the history of the development of national fable, the theme of morality occupies an important place; the fabulist, using the method of borrowing (folklore and the Russian fable tradition), reveals the way of life, normative ethics mandatory for this ethnic group. A certain culture characteristic of the Khakass people has been formed and preserved for centuries, which was vividly presented in V. Barashkov's fables – philosophical thoughts about the inhabitants of Planet Earth, about the fate of ordinary workers, about the life of animals and birds. The characters of his works were engaged in moral searches in the difficult post-war years, when the whole country was restoring the national economy destroyed by the Nazis.

Keywords: fable, folklore, ideals, ethics, borrowing, morality, fabulist, detail, creative work.

Введение

Поэтическое творчество В. Барашкова в национальном литературоведении ранее не рассматривалось. В 1984 г. выходит сборник стихов под названием «Чир ээзи» («Хозяин земли») двух авторов – Николая Егоровича Тиникова и Василия Филипповича Барашкова. В этом сборнике напечатаны лирические стихи и басни В. Барашкова (1938–1985), наиболее полно и удачно выявившие яркую индивидуальность поэта. Следует отметить, что басни писателя, являясь достоянием народа, заслуживают полноценного литературоведческого анализа. Меняя вид литературной деятельности, В. Барашков в жанре басни увидел большие перспективы. Благодаря этому жанру появилась возможность рассказать современнику, что же побудило автора написать эти произведения, определить, какие темы, идеи волновали его соплеменников, какие художественно-выразительные средства применял автор для раскрытия своего видения мира, место и время действия героев, особенности характеров персонажей – все это необходимо раскрыть читателю. Творческая судьба поэта была тесно связана с этим литературным жанром, который был для многих писателей малозначительным. Он написал восемь басен, которые были популярны и востребованы, поскольку отвечали запросам времени. Сатирическая направленность, ярко выраженная аллегория, ирония и юмор, едкая сатира с достаточной полнотой отразились в таких произведениях, как: «Адай паза Сосха» («Собака и Свинья»), «Суртлаа Пага» («Болтливая Лягушка»), «Ікі Пулут» («Два Облака»), «Сарлах паза Чылан» («Хорек и Змея»), «Холанах паза Порсыхтар» («Колонок и Барсуки»), «Палты паза Тохпах» («Топор и Чурбан»), «Хутухнаң Тибе» («Колодец и Верблюды»), «Чабды Чалтаңмас» («Жадный Широколобик»). Вышеперечисленные басни были встречены тепло и восторженно, так как покоряла в них тематическая и идейная направленность, определявшая разнообразие форм, особенности моральных установок.

Основная часть

Известно, что басня всегда освещала жизнь, быт, проблемы в историческом контексте того или иного этноса. В. Барашков не исключение, он затрагивает актуальные вопросы своего времени, и полезно будет узнать, к чему стремились и как решали свои проблемы его современники в XX в. Так, в басне «Адай паза Сосха» («Собака и Свинья») баснописец рассказывает небольшую историю взаимоотношений Собаки и Свиньи. В данном случае необходимо напомнить, что в системе литературоведческого анализа при помощи художественных средств создаются образы, которым свойственны этические традиции, – это постоянные и индивидуальные эпитеты, сравнения, метафоры, индивидуальные стили речи героев и описание географического местоположения. В басне эта система работает и приносит плоды, перед нами самостоятельное и талантливое произведение.

Автор знакомит читателя в первой части басни с Собакой, которая лежит, облизывая свои окровавленные раны после драки с волком:

*Пуүрнең тудыс салган Адай,
Пудын чалган, тынанча.
Пудін орын чоґыл саңай,
Палыґлары хызарча*
[Барашков, 1984, с. 98].

Собака подралась с волком,
Облизывая раненое бедро, отдыхает,
Совсем нет уцелевших мест на теле.
Окровавленные раны, краснея, зияют
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

В этой сцене писатель подтверждает «закон постоянства состава»: Собака, являясь защитником, борцом «за правое дело», имеет свой противоположный образ – Волка – кровожадного хищника, напавшего на отару овец. В басне «Собака и Свинья» писатель детально описывает, как действуют, проявляют себя в непростой ситуации Собака, Свинья, Волк, мотивы их поступков, которые становятся понятны во второй части произведения.

Сюжет произведения построен на противопоставлении двух непохожих по характеру,

образу мыслей, жизненным устремлениям героев – Собаки и Свиньи.

«Мудрствующая» Свинья лениво выползла из своей «грязевой ванны», стала поучать «неразумную, драчливую» Собаку, которая из-за своего «неуравновешенного характера» постоянно попадает в скандальные истории:

*Хой хадарып, хараазынаң
Хабысказың пўўрлернең,
Мин не чили чадарчыхсың,
Хыйыс хала киненнең.*

Охраняя овец ночью,
Дерешься с волками,
Лежала бы тихохонько, как я,
Бестолковая – ты накличешь несчастье.

В следующем эпизоде благодаря диалогу между главными героями читатель узнает, что Свинья, «жалая» Собаку, пытается убедить ее в том, что у нее «мозги высохли», тем самым сознательно унижает ее, и в то же время невольно выделяет ее достойные качества, например, дает такую исчерпывающую характеристику, как «шерсть твоя густая», «ноги твои быстрые», «вечно куда-то торопишься»:

*– Хайдаг хойыг тўғиң полган,
Азахтарың табырах;
Нога миизің хурып парган,
Хайран поэң маңзырах.*

– Какая густая была у тебя шерсть,
Быстрые, неугомонные ноги,
Почему мозги-то у тебя высохли,
Бедненький, жалкий торопыга?

За «заботу» и «добрый совет» ей Собака отвечает:

*– Эж, Сосхачах, тумайзың син,
Ноо чохсыдыр чатханың,
Уйгаа патып, кўннер иртсін,
Хынии ол ба чуртастың?*

– Эх, Свинюшка, бездушное ты создание,
Что хорошего в том, что ты лежишь,
Дни свои проводишь в спячке,
Можно ли так жить?

Это у ленивой, малоподвижной, «на ходу» засыпающей Свиньи «мозги высохли», поэтому она рада оклеветать деятельную и энергичную соседку за ее ум и доброе сердце.

В следующей сценке автор представил портретную характеристику Свиньи:

*Палгазынаң сыгып алган
Сосха андар пастырча,
Уйгу харах асханынаң,
Улыг тынып, хорхылапча.*

Выбравшись из грязной лужи,
Свинья направилась к Собаке,
Продирая глаза ото сна,
Она, тяжело дыша, хрюкает.

Автор часто повторяет в произведении словосочетания «лежать в грязи», «проводить в спячке», «лежать тихохонько», «продирая глаза от спячки», «тяжело дыша, хрюкает», потому что равнодушная ко всему Свинья не видит и не может видеть «дальше своего рыла». Цель ее жизни – «тихохонько» лежать в грязной луже и ворчливо хрюкать, бездельничать, спать «сколько душе угодно» и чтобы никто не беспокоил, авось без нее все образуется, главное – не вмешиваться, а там будь что будет, по-другому думать Свинюшка не может, да и ни к чему ей это. Такие принципы жизни неприемлемы трудолюбивой, с активной позицией Собаке, она с ней не спорит, потому что невозможно убедить Свинью в обратном, только она не понимает, как с такими убеждениями, как «моя хата с краю», можно существовать в современном мире. Собака только посмела указать «разумной Свинье», оценить красоту местной природы, где она обитает:

*Чазыларны харап көрдек
Алай, тагны көре, чорт.
Палгас полча сагаа тўзек,
Магаа, тізең, хуруг от*
[Барашков, 1984, с. 99].

Посмотри-ка, какие широкие степи,
Или заберись на гору, осмотришь вокруг.
Грязь – тебе постель,
А мне постель – сухая трава.

Автор намекает: в грязи валяться, ворошить, «перебирать грязное белье» соплеменников, не болеть за общее дело, сторониться общества, бояться ответственности, быть сторонним наблюдателем – это позиция ленивых и равнодушных, таких как Свинья.

Собака, заботливая защитница слабых и униженных, отчаянный борец за правое дело, живет полноценной жизнью, в которой сосредоточены и отчетливо выражены житейская мудрость, природный ум, способность верно оценивать сложившуюся ситуацию, поэтому символично, что она «спит на сухой траве», поскольку совесть у нее чиста, не запятнана грязью.

Особенностью басни «Собака и Свинья» является нравственно-этический аспект.

*Чуртазында хыйал көрбин,
Чуртап парча андаг ла,
Хайзы, пір дее ниме итпин,
Сагынча уйгуны ла.*

Кто в жизни не видел горя,
Тот живет так себе,
А кто ничего не делает,
Думает, как бы поскорей заснуть.

Здесь проявились основные черты жанра: иносказательность, аллегоричность – и в финале – обязательно мораль, которая метко бьет по обывателю с ограниченной умственной возможностью и направлена против мещанского благополучия. Эти герои привлекают внимание читателей благодаря художественным приемам (сарказм, сатира, ирония), используемых баснописцем для раскрытия характерных черт, принадлежащих только этим персонажам, одни из них поощряют общественные пороки, свойственные человеку: равнодушие, безразличие, лень, другие – не приемлют эти черты, борются и защищают честь и достоинство.

В басне «Собака и Свинья» В. Барашков, используя образы животных (Собаки, Свины) и зверей (Волка), размышляет о мирских делах, добре и зле, которые сопровождают нас в жизни. Широкий обзор видения автора раскрывает до мельчайших подробностей действительность, в центре которой художественное изображение жизни хакасского народа.

Басня «Суртлаа Пага» («Болтливая Лягушка») начинается с бытовой зарисовки: автор показывает, как Лягушка с удовольствием «доносит правду» «болотному народу» о том, что, оказывается, Скворец с утра до вечера зачем-то таскает червей в свое

гнездо. Удивительно, что же он с ними там делает?

*Палгастаң тееріп, хурттарны Парчых
Иртеннең иирге теере уйаа апарча,
Пага ла, аны көре, хайхачых,
Састагы чонга суртлаас таратча*
[Барашков, 1984, с. 99].

Подбирая из грязи червей, Скворец
С утра до вечера носит их в свое гнездо,
Удивляется Лягушка, увидев такое,
Болотному народу новость сообщает
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

Устроив слежку за Скворцом, болтливая Лягушка подозревает, что в его гнезде происходит что-то недозволенное, противоречащее нормам жизни обитателей болота, это заметно по ее интонации, когда она обращается к «болотному народу», в манере поведения, в попытке обогатить ни в чем не повинную птицу:

– Эйлер, истінер, Парчых хайдагдыр,
Хуртты тазыпча ағас хахтазар.
Хараазын андох позы хончаттыр,
Хурт-хооснаң чуртап, хайди сыдазар?

– Эй, вы, послушайте, вот какой Скворец,
Червей таскает в гнездо,
Ночью там же спит с ними,
Как можно жить вместе с насекомыми?

Всякая новость быстро расходуется по болоту, каждый норовит к ней прибавить свое мнение, видение проблемы, которая заключается в этой нелепой, но очень интригующей новости. В «тухлом болоте» редко промелькнет что-то такое, что может встряхнуть, разбудить обывателей, и тем радостней, когда эта новость становится сенсацией, порой нелепой и потому гнусной. Труженик Скворец последним узнает о себе эту «завораживающую новость», которую смакует все болото:

*Хабар, үр чатпин, чирче таранча,
Постин хос салча полган на тілліг.
Парчыхха хабар соонаң урунча:
«Сарысха, Парчых хада-пір төлліг...»*

Новость эта не залежалась, быстро разошлась, Каждый по-своему пересказывает это известие, Скворцу эта «новость» последнему доходит: «Стрекоза, Скворец вместе живут...»

Анализируя эту ситуацию, автор басни дает возможность читателю задуматься над тем, как мы в суете жизни можем незаметно потерять свои жизненные ориентиры, слушая и подчиняясь таким людям, как болтливая Лягушка, у которой нет принципов, основанных на порядочности, правдивости во взаимоотношениях. Болтливая Лягушка соответствует по характеру деятельности своим внутренним потребностям. Эта ее черта сатирически изображена благодаря художественным приемам (безмерно болтливому языку, пренебрежительной интонации, иронии, насмешки, «благородным манерам»), используемым баснописцем.

Возмущению Скворца не было предела, но он не захотел вступать в дискуссию, опускаться на их уровень, только пропел:

*Ўрүккен Парчых, ол чоохты истип,
Нандырагга даа чарханган осхас.
Күннің сузына ырлапча, піліп –
Сынны чойлананс чабыра паспас!*

Возмутился Скворец, узнав эту новость,
Ответить на эту ложь не захотел,
Наступил день, и он запел о том, что
Правду ложь не задавит!

Психологическое состояние героя становится художественной реальностью, он проявляет себя в действии, поступках, взаимоотношении с болтливой Лягушкой и «болотным народом». Автор дает четко понять, что присутствует в этих отношениях оттенок осуждения, недоверия, пренебрежения со стороны болтливой сплетницы Лягушки. Жизненное кредо Скворца – «правду ложь не задавит» – является народным мирозерцанием, народным воззрением на правду и неправду. В. Барашков, изображая сложившуюся ситуацию, дает возможность читателю подумать и сделать вывод, как можно изменить, исправить устоявшиеся принципы Лягушки-болтушки, правильно ли поступил мудрый и сдержанный Скворец.

В басне «Болтливая Лягушка» присутствует эффективно действующая мораль с афористической остротой, заключенная в последних строчках басни:

*Киректі пілбин, хабар таратпа,
Хомай пол парча тылаас иткені.
Пу пага чілі суртлаа полчатса,
Хыйганың пірсі – тіл тут пілгені*
[Барашков, 1984, с. 100].

Не зная правды, новость не распространяй,
Плохой оказывается такая история,
Болтливой Лягушкой не надо быть,
Умный всегда придержит язык.

Надо подчеркнуть, что нравоучение, присутствующее в конце рассказа, тяготеет к художественному образу «пословичного типа», в котором отражены свойства, характерные народному юмору, то есть ко всему, что задевает за живое.

В басне «Болтливая Лягушка» писатель выводит на тропу «войны и мира» героев, с одной стороны, непорядочных, лживых, болтливых, как Лягушка, и, с другой – открытых для общения, честных и трудолюбивых тружеников, как Скворец. В этом произведении В. Барашков дает возможность читателю представить яркую художественно-образную картину мира.

В. Барашков в басне «Ікі Пулут» («Два Облака») для раскрытия своей идеи выбрал философскую тему, актуальную во все времена, – как и чем живет население Земли. Тема, проходящая через все его произведение, является единственной в басенном жанре национальной литературе.

Пользуясь приемами аллегии и едкой сатиры, он решил показать события, происходящие в этом произведении, на примере природной стихии, действующими героями которой являются Облака. На чистом, бездонно-голубом небе встретились два облака: одно – Черная Туча, другое – Белое, приятное на вид Облачко:

*Көк тигірче, аар пастыра,
Хара Пулут пулгалча.
Ах Пулудах, хости пара,
Чиркенненіп, махтанча*
[Барашков, 1984, с. 100].

На голубом небе тяжело
Черное облако кружится.

Белое Облачко рядом плывет,
С чувством превосходства хвастается
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

Белое Облачко, так называет ее автор с некоторым уничижительно-пренебрежительным оттенком, пытается показать свое превосходство над Черной Тучей, портящей просторы голубого неба своим неприглядным черным видом. Если Черная Туча вихрем крутится, разгоняясь, движется вперед, насыщая Землю водой, то Белое Облачко, наслаждаясь своей красотой, рядом тихо плывет и позволяет себе высказывать оскорбление в адрес Черной Тучи:

– Нимее төбөйзің: хап-хара ла,
Ардатказың тигіріні,
Өкер араһ ползаң сала,
Мині көрдек, сілігіні.

– На кого ты похож: черный-пречерный,
Портишь только чистое небо.
Будь немного поприглядней,
Посмотри-ка на меня, красавицу.

Автор для того, чтобы обратили внимание на Белое Облако, говорит, что на фоне бездонно-голубого неба «красавица, Белое Облако, одета в шелка», «тихо плывет», любуясь собой, тем самым убеждает читателя в том, что «обаятельная и привлекательная» героиня – белоручка, ее интересуют только внешний вид, красивая и модная оболочка, а внутри она бесплодна, пуста. В то же время автор пытается показать настроение Черной Тучи, раздражение свое она выражает через нелестные высказывания по отношению к ней:

– Сілігің син, чоғыл талас,
Хының сині көрерге,
Че тузаң чи? Хайди халас
Читче полар көп чирге?

– Красивая ты, не спорю,
Приятно на тебя смотреть,
Сама подумай, какая польза от тебя?
Как хлеб, думаешь, растет по всей Земле?

То, что Земля наша питается дождевой водой и поэтому мир процветает, не голодает, жажду утоляет, радуют глаз флора и фауна, – все это благодаря Черной Туче: без ее воды мы, земляне, не могли бы существовать, она

несет в своих «объятиях» живительную влагу, которой делится со всем живым на нашей планете, мы должны быть ей благодарны, она дарует нам жизнь.

Хара өңніг минің тастым,
Арың наңмыр хойнымда.
Көп өзімге тамыр хостым,
Порчо өзер чолымда!

Черная моя внешность снаружи,
Чистая вода внутри меня.
Растениям помогаю произрастать,
Цветы цветут и будут цвести, где я пройдуся.

Автор басни затронул актуальную экологическую проблему современности, когда вода стала драгоценной для всего живого на Земле. Белое Облако в этой басне – бесполезное существо, в ней нет энергии жизни, у нее нет будущего:

«Ах Пулуттар» чонда парох,
Пиленні көрче олар.
Че тимнепче көп ас-тамах
Тогысчы хара холлар
[Барашков, 1984, с. 101].

«Белые Облака» среди народа живут,
Жить они хотят на всем готовом.
Но готовят продовольствия
Работающие «черные руки».

Это художественно оформленное произведение В. Барашкова, герои которого по ходу действия раскрывают идейно-тематическое значение басни «Два Облако», иллюстрирующее конкретное поучение: «Хочешь жить хорошо – работай не покладая «черных рук». В этой басне ненавязчиво проявляется нравоучение, которое представляет собой аллегорическую сатиру и миниатюрные сценки из жизни героев, которые отражают беззлобную иронию, простодушную насмешку.

В басне «Сарлах паза Чылан» («Хорек и Змея») В. Барашков поднимает актуальную тему нашей современности – предательство. Дружили два товарища – Хорек и Змея. Жили они по соседству, оба были удачливыми охотниками, казалось, эти доверительные отношения между ними будут всегда:

Сарлахнаң Чылан хацаннаң нанчы,
Ынаг чурттыглар, хончыхтар.

*Хызылыс пілбес, ікізі – аңчы,
Хараа чөрчетсе, чапчаңнар
[Барашков, 1984, с. 101].*

Хорек и Змея – друзья с давних пор,
Дружно живут два товарища.
Жили без нужды – оба были охотниками,
Ловко охотились они и днем, и ночью
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

Так продолжалось некоторое время, удача
в охоте их не покидала, но Змея заметила, что
ее товарищ более успешен в охоте: он имышь
вперед ее обнаружит и поймает, он и быстрее
ее находит и разоряет гнезда сусликов:

*Хада аңназа, сизінче Чылан,
Сарлах чөрістең азынча.
Күскені інде олох көр тапхан,
Өрке іннерін талапча.*

Когда они охотятся, Змея чувствует,
Что друг во многом превосходит ее.
Мышь в норе он обнаружил,
Гнезда сусликов разоряет он.

Хорек во всем превосходит ее, «ползучую
гадину» черная зависть обуревают за то, что
она не так расторопна, как Хорек, за то, что
более ловок он, а не она. Затаила Змея свои
намерения навредить Хорьку, репутацию
«друга», хорошего охотника испортить, унич-
тожить:

*Істі чохтанып, Чылан сойлапча,
Тогасты тәңде Килескее,
Сарлахты сөклеп, анда толгалча,
Оолыг сөстөрнең кірлепче.*

Злая и раздраженная ползет Змея
И на бугорке встретила Ящерицу.
Последними словами обзывает Змея Хорька,
Ядовитыми словами обливает «друга».

Зависть уничтожает облик положительной
героини, брызжет она ядовитой слюной в сто-
рону «друга», изощренно поливает грязью
Хорька только за то, что он лучше охотится
и которого много лет знала, была уверена
в его порядочности, искренности по отноше-
нию к окружающим и к ней. Не заметила Змея,
что всю эту неправду слушает только что вер-
нувшийся из охоты Хорек:

*Чагын пас килген Сарлах ол туста,
Чылан хойралча, чойланып:
«Хончыгым, – тінче, – алчаазым таста,
Ойнаан на полгам, неер сыгын».*

В это время подошел Хорек,
Змея, увиваясь, врет:
«Соседушка, – говорит, – ошибку мою прости,
Я шутила, сюда забравшись».

Эта «шутка» не понравилась Хорьку,
столько лет жили бок о бок, дружили, вместе
охотились и только сейчас узнал, какого мнен-
ия была Змея о нем. Разозлившись, он схва-
тил Змею за шею и удавил:

*Сарлах Чыланнй мойнынаң хапхан –
Сыылап сых парған оо тынас.
Кистінде чоохтыг іди өл халған,
Чахсаа читірбеен чойланыс.*

Хорек схватил за шею Змею,
Разрубил ее, и душа ее вон.
Так на этом слове она погибла,
До хорошего не довела клевета.

Такова развязка этой истории, «старин-
ной дружбы» между Хорьком и Змеей. Есть
русская поговорка «Пригрел змею на груди»,
которая соответствует нашему случаю. Довер-
чивый Хорек так и жил бы, не ведая о завист-
ливом недоброжелателе и ее отношении
к нему, помог случай, он оказался «в нужном
месте в нужный час», чтобы узнать – Змея
является недругом, первым врагом, который
брызжет словесным ядом в его сторону, и без
колебаний расправляется с ней. Автор доход-
чиво говорит читателю, что теплые, друже-
ские отношения поднимают любое живое
существо на высокий уровень, поэтому необ-
ходимо почитать, дорожить этими отноше-
ниями:

*Нанчы, хойралчы Чыланча полбин,
Сөсті хайраллап позыт тур.
Кізі кистінде хабар таратпн,
Сынны сырайга чоохтап тур
[Барашков, 1984, с. 102].*

Друг, не будь вертлявой Змеей,
Дорожи своим словом.
Не распускай ложные слухи за спиной,
Правду говори в глаза.

Такой призыв В. Барашкова в конце произведения закономерен. Неожиданный, дерзкий поступок Хорька позволяет яснее увидеть реальную картину, такую, например, как превращение спокойного, уравновешенного зверька, огорченного предательством «друга», в решительного, бескомпромиссного, жестокого зверя. В этой драматической сцене наиболее полно воплощается иносказание талантливого поэта, который достигает поставленной цели и пробуждает национальное самосознание народа.

Басня «Холанах паза Порсыхтар» («Колонок и Барсуки») В. Барашкова живописует отношение к жизни зверей Колонок и трех Барсуков, живущих по соседству. Колонок соорудил себе на краю поля из коры уютное лежбище, три брата вырыли нору рядом, где благополучно устроились. У всех этих героев свои правила жизненного уклада: Колонок с утра до вечера промышляет в поле или в тайге, ему некогда раздумывать о своей судьбе, а Барсуки не выходят из своей норы, питаются кореньями, почти не двигаются, поэтому стали округляться, толстеть:

*Симірчелер Порсыхтар,
Иннерінде тунглап,
Холанах ла тайгазар
Чөрібісче, халыхтап
[Барашков, 1984, с. 102].*

Толстеют Барсуки,
Лежа в своей норе,
Только Колонок торопится,
Спешит в тайгу
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

День за днем проходит незаметно время, прожитые годы быстро промелькнули, как один день. По ним можно судить, насколько плодотворно и успешно распорядились они предназначенным им временем. Бездействие Барсуков приводит их к физическому недомоганию – «тяжело дышат ожиревшие», что огорчает читателя, и радуется он за вездесущего, неутомимого Колонка, который по-прежнему «такой же стройный»:

*Иртче іди көп чыллар,
Холанах олох ніске.*

*Чадап пасча Порсыхтар –
Аар тынылча симіске.*

Проходят годы,
Колонок такой же стройный.
Еле-еле передвигаются Барсуки,
Тяжело дышат ожиревшие.

«Жизнь прожить – не поле перейти» – гласит русская пословица, но для Барсуков эта пословица ни о чем не говорит, для них жизнь – удовольствие, которое заключается «в ничегонеделании», при этом лежать, переворачиваясь с боку на бок, в норе, на краю поля, созерцать мир благодаря непосредственному соседу. Последние новости приносит им быstroногий жизнелюб – Колонок. Автор поднимает философскую проблему – к чему стремиться, что надо успеть сделать в жизни, чтобы не было стыдно перед потомками:

*Хабарларны тыннапчалар,
Холанах айлан килзе;
«Чуртас илбек, – сагынчалар, –
Пістинче полбас, итсе».*

Слушают последние известия,
Когда возвращается Колонок;
«Жизнь огромная, – думают Барсуки, –
Не похожа на нашу».

Жизнь огромная, необъятная, богата и интересна событиями – это понимают братья, но прожигают они ее бездарно, бесцельно, причина такому падению – бездействие, «лень-матушка», «обломовщина». Баснописец представил нам думающих, рассуждающих о смысле жизни, вполне адекватных Барсуков. Светлый разум Колонка противопоставлен ленивому и «меркнувшему» разуму Барсуков.

*Порсыхтарча пол көрчең ме,
Пос ла чуртын тартынып.
Холанахча чүгүрчең ме,
Хыр тайганы тобырып?
[Барашков, 1984, с. 103].*

Можешь жить как Барсуки,
Жить только для себя.
Или бегать, двигаться, как Колонок,
Пробираясь сквозь поле и тайгу.

В. Барашков в финале советует подражать благородным стремлениям Колонка –

улучшить окружающую действительность, поскольку в нем сосредоточена жизнь, интенсивно двигающаяся вперед. Автор с иронией высмеивает братьев Барсуков как равнодушных и инфантильных жителей. В данной басне В. Барашков как писатель является бесценным наблюдателем, который не пытается поучать, исправлять быт и нравы соплеменников.

Басня «Палты паза Тохпах» («Топор и Чурбан») В. Барашкова начинается с момента, когда только что соструганная Щепка лежит рядом с Чурбаном и поучает уму-разуму «глуповатого» Топора, который, по ее мнению, никак не может научиться колоть дрова, то есть разрубить Чурбан так, чтобы щепки не летели. Вот и сейчас поработал немного Топор и отдыхает:

*Агас урунды салаалыг, толгай,
Оотчадыл аны, Палты тынанча.
Хыринда Тохпах, тѳзене тахпай,
Кѳдѳркек ѳннең чоохтанып, чатча*
[Барашков, 1984, с. 103].

Дерево попало ветвистое, непростое,
Разрубив ее на чурбаны, Топор отдыхает.
Рядом с Чурбаном лежит Щепка,
Высокомерным голосом говорит
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

Автор ставит под сомнение самонадеянный разум Щепки, а также под прицелом находятся характерные черты, соответствующие нашей героине, – неуважение к старшим, несоблюдение установленных правил поведения, поэтому наблюдается нравственное падение. Дерзкие повадки Щепки проявляются в отношении к окружающим, в частности Топору, который только что «произвел ее на свет» и только поэтому «неблагодарная» существует. Теперь она пытается его учить жизни, например, как колоть дрова. По ее мнению, Топор настолько глуп, что не может усвоить эту науку, потому что он от природы бездарен. Необдуманные высказывания Щепки автор поставил во главу угла для того, чтобы понять, насколько бесцеремонно и нагло можно выступать против того, от кого зависит твое существование. Вместо благодарности наша героиня пытается оговорить своего создателя («сколько учу колоть дрова»), обол-

гать («бьюсь битый час, чтоб ума набрался»), подавить («мозгов не хватает, необучаем»), сама Щепка появилась только что благодаря Топору, который на первый взгляд кажется беспомощным, безответным:

*– Нинче ѳгретчем одың чарарга,
Арығли чылхаң хада тѳрѳбеен,
Нѳткеңнең саапчам ѳткѳн поларга,
Ам даа миизѳне ѳгредѳг кѳрбеен.*

– Сколько учу колоть дрова,
Расторопный рядом с ним не родился,
Бьюсь битый час, чтоб ума набрался,
Мозгов не хватает, необучаем.

Благодаря поведению Топора автор наглядно показывает, что основной смысл данной басни заключается в проблеме быть или не быть правде, справедливости. При помощи диалога, эмоциональной речи Щепки баснописец доказывает, что актуальной темой произведения является почитание традиционного быта народа, доброжелательное взаимоотношение старшего и младшего поколений:

*– Нимее махтанып ѳтѳркеп турзың,
Агастаң синѳ сығарғам минѳк,
Хайди даа итсе, олох тохпахсың –
Палты агасты чазапча ѳдѳк.*

– Чему ты так сильно хвалишься,
Из дерева вырубил тебя я,
Хоть что делай, ты была и будешь щепкой –
Топор дерево строгаёт всегда.

Наконец-то заговорил главный герой – Топор, терпеливо и долго наблюдая и слушая оскорбляющие его достоинство поучения бессовестной Щепки. Автор блестяще показал ситуацию, которая выхвачена из жизни в ее типичных обстоятельствах с типичными героями.

*Тогынып чѳрзең, парлар нѳреезѳ –
Тѳлге нысчалар, кѳрген не харах.
Хыйгаа сананып, хаңалчаан кѳзѳ
ѳтѳг полбачаң – ана ол тохпах.*

Когда трудишься, есть некоторые –
Посмотришь на них, болтают только.
Умным считают шута,
Он не может быть таковым, потому что
он щепка.

Таков вердикт этой басни В. Барашкова, который строится по классической схеме, сохраняя при этом привычную композицию этого жанра – «повествование», а в финале – нравоучительная «мораль». В этом кратком и емком рассказе Топор и Щепка, являясь главными персонажами, обрисованы так живо и правдиво, что благодаря этому обрели полнокровное живое воплощение в хакасской литературе.

Басня В. Барашкова «Хутухнаң Тибе» («Колодец и Верблюды») отличается остротой своего идейного замысла. Герои басни изображены живописно, они раскрываются благодаря народному языку, который помогает показать ситуацию, характерную для определенного периода жизни. Писатель, создавая свое произведение, использует образы фольклора – Колодца и Верблюда, применяет пословицу «Не плюй в колодец, придется напиться».

Жизненные эпизоды, изображенные в этом произведении, достигают своей цели. Жил да был рядом с деревней посреди огромной степи Колодец, который поил всех жителей в округе. О нем знали животные, звери и птицы, поэтому трепетно относились они к своему спасителю, особенно когда наступала засуха:

*Хутух турча аал хыринда,
Хуруг чылда суу чіткен.
Тибе андар пахлаанда,
Суг көр таппин, перінген*
[Барашков, 1984, с. 104].

Колодец находится рядом с деревней,
В этот засушливый год вода исчезла.
Заглянув в Колодец, Верблюды,
Не увидев воды, заворчал
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

Такой момент наступил: стояла жара и беспощадное солнце «выпило» всю воду в Колодце, жажда мучила всех. Пришел воды напиться и Верблюд, а воды нет, забрюзжал недовольный «корабль пустыни», заговорил, обращаясь к Колодцу как к врагу, который вносит дискомфорт в его размеренную жизнь, обливает грязью товарища, который всегда предоставлял драгоценную воду:

*– Нога мында, хуруг оймах,
Чолга харыг чат турзың,*

*Сууң даа чогул, соолган харах,
Ма! Мыннаң даа толарзың!*

– Почему здесь сухая яма?
Лежишь на дороге, мешаешь,
Нет в тебе воды, «пустой глаз».
На! Отсюда водой пополняйся!

А теперь, когда Колодец превратился в безводную и безжизненную «яму», можно показать свое истинное отношение, указать ему его место, можно топтать его, «лежащего на дороге...», потому что, став «пустым глазом» (Колодец), он мешает и не дает пройти Верблюду – в беде познаются друзья и недруги. Автор с оттенком печали рассказывает о «друзьях» – предателях, людях, которые показаны в этой басне в облике Верблюда.

*Тимеер хылых, иртінгеннең,
Төрт-пис хати түкүрген.
Хутух хырин иртчеткеннең,
Хоза агаа күрленген.*

Усмирив свой норов,
Четыре-пять раз плюнул,
Проходя мимо колодца,
К тому же еще обругал.

Разгневанный Верблюд не выдержал и плюнул в Колодец, забыв пословицу «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться».

*Хутух, тізең, үр ниместең
Арыг сугны көдірче.
Мал, суг ізип, өрінгеннең
Хутух хырин ибірче.*

Вскоре колодец наверх
Чистую воду поднял.
Животные, радуясь, пьют,
Окружив колодец.

Наступило время, когда наконец-то в Колодце появилась чистая вода, засуха отступила и все радовались этому счастливому событию, которого так ждали. Напившись досыта, животные долго не хотели расходиться, потому что Колодец – то место, которое объединяет, помогает мирно существовать, соблюдать правила общежития. Появился и Верблюд, чтобы утолить жажду из Колодца, в который несколько раз плевал. Просьбу его

Колодец выполнил – напоил, но подал ему воду с теми плевками, которые в свое время Верблюды отправили в Колодец.

*Тибе андох, көнөк туда,
Суг аларга нас килген,
Хутух агаа, сугны ура,
Түкүрігін сал пирген:*

Верблюды туда же с ведром,
Захотел набрать воды.
Колодец налил ему воды
С его же плевками.

Все возвращается назад по делам твоим: и хорошее, и плохое. Надменный и недалёкий Верблюд немедленно получил ответ, соответствующий его поступку, издевательство его безнаказанно не осталось, за этот проступок Колодец наказал «путешественника пустыни» сполна:

*– Мына, Тибе, халган ниең,
Артысханың нандырчам,
Өдіс полза, тик өлбөңөң,
Көп чоныңа чахыпчам:*

– На, тебе, Верблюды, твоё
Возвращаю назад,
Этот долг бессмертный
Всему народу завещаю:

В басне «Колодец и Верблюды» Верблюды «вознаграждены» и его недопустимые деяния не остались без внимания. Баснописец даёт читателю возможность самому подумать и прийти к определенному выводу, который зависит от того, какую позицию в жизни он занимает.

*Чабыс отты типсебөңөр,
Чахсы өссе, чиис пирер.
Хутухтарга түкүрбөңөр –
Суун ізерге килізер*
[Барашков, 1984, с. 105].

Выросшую траву не топчите,
Хорошо будет расти, прокормит.
Не плюйте в колодец,
Все равно придется напиться.

Мораль басни В. Барашкова и предупреждает, и поучает бережно относиться к природным богатствам, которые мы наследуем

и передаем новому поколению, от этого зависит наше благополучие, счастливое будущее.

Басня «Чабды Чалтаңмас» («Жадный Широколобик») В. Ф. Барашкова показывает сценку из жизни, где властвует сильный мира сего – Широколобик, который из-за своей алчности пожирает все на своем пути, и нет ему равных. Эта жизненная ситуация не «назидательности ради», а ради правдивого отражения действительности легла в основу этого сочинения:

*Наңмыр чаган, пуртах суглар
Палыхтарга чиис пирче.
Суг түбінзер түсче хурттар,
Чатаңмас мындок чөрчө*
[Барашков, 1984, с. 105].

Дождевая мутная вода
Рыбам пищу даёт.
Черви падают на дно,
Тут же их поедает Широколобик
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

Персонажи в басне (Широколобик, Хариус, Ленок) являют собой яркий жизненный пример, как надо поступать или как не надо поступать в той или иной ситуации. Писатель удачно подхватил и правдиво передал настроение героев, стремящихся удовлетворить свою естественную потребность – насытиться:

*Хуртычахтар сайга түссе,
Чалтаңмас ла чип салча.
Хооралар даа хости чүссе,
Амзап полбин, таптанча.*

Когда червячки опускаются на дно,
Их тут же поедает Широколобик.
Рядом охотятся Хариусы,
Даже они не успевают полакомиться
червячком.

Басня начинена остро-сатирическим зарядом против безмерной жадности, которая изображена во всей неприглядности со стороны одного из обитателей этого водоема – Широколобика. Наш «славный» герой где бы ни появился, везде старается ухватить еды, да побольше. Стоило только появиться большому дождевому червяку, медленно опускавшемуся на дно реки, как тут же неожиданно откуда-то выскочил Широколобик, который не рас-

терялся и перехватил добычу у шустрого Ленка. Голодная рыба устремилась было полакомиться вкусной долгожданной едой, но не успела. Непомерная жадность Широколобика превзошла все ожидания обитателей, проживающих в этом водоеме. Народная мудрость утверждает: «Всему есть свой предел». Широколобик нарушил «закон равновесия в природе» и был за это наказан. Однажды он был пойман рыбаком и оказался на песчаном берегу как добыча удачливого рыболова. Все возвращается назад: сейчас он оказался на месте червей, которых жадно ловил и поедая, не подпуская никого:

*Түсті пазох чоон сомысхан,
Маңнанмады Күскүс тее.
Анда, тізең, хармах полган,
Чабды чарзар силдірче.*

Опустился на дно дождевой червь,
Но не успел опомниться Ленок,
Как кто-то из рыбаков
Поймал и швырнул «жадину» на берег.

Автор, прежде всего, пытается достигнуть жизненности данной ситуации. Самонадеянный Широколобик ставит под сомнение все нормы жизни, установленные десятилетиями соплеменниками, и дает себе установку – все, что он делает, будет узаконено.

*Чалтаңмас ла андаг полбас,
Чонда парох чабдылар:
Чит тее парза, харах тоспас,
Ырах холлыг табаннар.*

Не только Широколобик такой,
Среди людей тоже есть жадины:
Все есть, но им надо еще,
Ненасытные, длиннорукие существа.

В этом рассказе баснописец четко выражает свое народное видение мира. Оно скажется и в том, как раскрыт сюжет и как при помощи композиции представлены герои с их характерами: то жадными и алчными (Широколобик), то простодушными и открытыми (Хариус, Ленок). Произведение

отразило богатство и великолепие хакасского разговорного языка, благодаря которому создается фон народного колорита.

Заключение

Основным материалом художественного исследования для В. Барашкова становится жизнь и деятельность соплеменников середины XX в. Проблемы этого периода, изображенные в баснях писателя, осложнены общественно-социальной средой, поэтому необходимо было показать сюжетный состав, идейно-тематическое и композиционное своеобразие, истоки и особенности мотивов тех или иных поступков героев. Сатирические образы и их порочные действия в произведениях баснописца разоблачают сами себя, при этом показаны автором объективно и беспристрастно. Василий Филиппович Барашков – блестящий моралист, писатель-реалист, который обращается к изобразительным средствам для того, чтобы они отражали его взгляды и помогали художественно воспроизвести то мгновение эпохи, которое останется навека.

Литература

Барашков В. Ф. Адай паза Сосха. Суртлаа Паға. Ыкі Пулут. Сарлах паза Чылан. Холанах паза Порсыхтар. Палты паза Тохпах. Хутухнаң Тибе. Чабды Чалтаңмас // Тиников Н. Е., Барашков В. Ф. Чир ээзи = Хозяин земли. Сборник стихов. Абакан: Хакасское отделение Красн. кн. изд-ва, 1984. С. 98–105.

References

Barashkov V. F. Adai paza Soskha. Surtlaa Pagha. Iki Pulut. Sarlakh paza Chylan. Kholanakh paza Porsykhtar. Palty paza Tokhpakh. Khutukhnang Tibe. Chabdy Chaltangmas. In: Tinikov N. E., Barashkov V. F. Chir eezi = Khozyain zemli. Sbornik stikhov [The Landmaster. Collection of Poems]. Abakan, the Khakass Branch of Krasnoyarsk Book Publishing House, 1984, pp. 98–105. (In Khakass).

DOI 10.52782/KRIL.2024.1.41.009
УДК [001.89:256]:930(470)

СОВРЕМЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРАЗДНИКЕ ХАЗЫҢ ТАЙЫҒ И БОЖЕСТВАХ ЖЕНСКОГО РОДА У ХАКАСОВ

А. А. Бурнаков

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Шетинкина, 23, Абакан, 655617, Россия; email: artas_burnakov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6874-0804

В представленной расшифровке полевых материалов, собранных в ходе экспедиционного выезда осенью 2018 г. в Аскизский р-н РХ, одна из жительниц с. Казановка поделилась с нами сведениями о бытовании в их селе до конца 60-х гг. XX в. традиции отправления праздника *Хазың тайығ* (букв. праздник Березы). *Хазың тайығ* – один из автохтонных праздников весенне-летнего цикла, хранителями которого длительное время являлись родители ее покойного мужа А. Е. Торточакова. В интервью даются краткие остаточные сведения об этом празднике, сроках его проведения и называются реальные участники этого мероприятия, что, в свою очередь, свидетельствует о его бытовании в данной местности в не столь отдаленном прошлом. В качестве дополнения нам также удалось записать фрагментарные сведения о традиционных божествах женского рода – *Ымай Іче* (Мать Умай) и *От Ине* (Огонь-Мать). Видеозапись интервью на хакасском языке хранится в Рукописном фонде ХакНИИЯЛИ.

Ключевые слова: праздник тайығ/тайии, Хазың тайии, хам, женские божества, От Іче, Ымай Іче.

MODERN INFORMATION ABOUT KHAZYN TAIYG HOLIDAY AND FEMALE DEITIES AMONG THE KHAKASS

Artas A. Burnakov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655617, Russia; email: artas_burnakov@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6874-0804

In the presented transcript of field materials collected during the expedition trip in the autumn of 2018 to the Askiz District of the Republic of Khakassia, one of the residents in Kazanovka village shared with us information about the existence of the tradition of *Khazyn Taiyg Holiday* (in Rus.: the Birch Holiday) in their village until the end of the 60s of the 20th century. It is one of the autochthonous holidays of the spring-summer cycle, the keepers of which were her late husband A. E. Tortochakov's parents for a long time. The interview provides brief residual information about this holiday, the dates of its holding, and the real participants of this event are named, which then indicates its existence in this area in the not so distant past. As an addition, we also managed to record fragmentary information about the traditional female deities – *Ymai Iche* (Mother Umai) and *Ot Ine* (Fire-Mother). Video of the interview in Khakass is kept in the Manuscript Fund of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History.

Keywords: Taiyg Holiday / taiiii, Khazyn Taiiii, kham, female deities, Ot Iche, Ymai Iche.

Введение

В статье рассматривается культ священных деревьев (*Ызых агастар*) у хакасов, входящий в категорию наиболее значимых культов и совместно с культами Неба (*Тигір*), духов-хозяев гор (*Таг ээзі*), освященных животных (*Ызых маллар*) образующий устойчивое ядро

религии хакасов. Среди всего многообразия почитаемых деревьев, на наш взгляд, наибольшее значение приобрели: 1) культ родовых деревьев (*сöök агазы*) [Усманова, 1980, с. 100], в которых, по представлениям хакасов, обитала некая живая субстанция (*сöök Чулазы/Шулазы*) [Усманова, 1980, с. 100], аккумулирующая в себе жизненную силу и благопо-

лучие отдельного рода, а иногда и отдельной фамилии (*тöл*). На значимость для хакасов этого тотемистического в своей основе культа, видимо, оказала влияние сама социальная структура хакасского этноса, состоящего из более чем ста пятидесяти родов, у каждого из которых ранее имелось свое священное родовое дерево; 2) культ деревьев, населенных духами (*ээлиг агастар*), к этой категории относятся некоторые деревья, одиноко стоящие в степи, или вихоревые деревья (*тирби агастар*) [Бутанаев, 2003, с. 201], встречающиеся в лесу. У вихоревых деревьев часть ветвей образует шарообразные сплетения, которые вызывают суеверный страх у многих народов, в том числе и у хакасов, считается, что в них обитают духи-хозяева (*ээзи*) данного участка местности; 3) культ собственно ритуальных деревьев, произрастаемых на священных горах, чаще всего Священной березы (*алтын пүрлиг Пай хазың*), реже Священной лиственницы (*Пай тым*), располагающихся в центре ритуальной площадки на вершинах священных гор либо у их подошвы и являвшихся одним из главных атрибутов церемоний, отправляемых на лоне природы.

Стоит также добавить, что ветви березы широко использовались в качестве своеобразных жезлов-опахал (*чилбег/ах-көк* и т. д.) [Яковлев, 1900, с. 106] при проведении ритуальных действий, применяли их и благословители (*алгысчылар*), и шаманы (*хамнар*).

Однако высшей степени почитания, как нам кажется, культ деревьев достиг в празднично-обрядовом календаре, где бытовал праздник *Хазың тайыг/тайиш* (букв. праздник Березы), проводившийся в начале июня и по срокам совпадающий с православным праздником Троицы (*Тройсин күн*). Объектом поклонения на этом празднестве выступали высшие небесные силы, а в роли главного ведущего выступало выборное лицо – благословитель (*алгысчыл*), а в случае отсутствия такового его, видимо, мог заменить и шаман (*хам*). В роли Священной березы использовались деревья, как выросшие на лоне природы, так и произрастающие в пределах селения, и даже специально выращенные для этой цели. Но, к сожалению, в научной литературе

информации об этом некогда распространенном празднике (известном у хакасов, шорцев, алтайцев и телеутов) очень мало. На сегодняшний день не сохранилось его детального описания ни о теологической, ни о ритуальной части, имеется лишь его краткое описание у этнографа В. Я. Бутанаева [Бутанаев, 2003, с. 201–202]. Известно, что этот праздник имел свои локальные особенности, например, у шорцев ритуальные ленточки-чалымы дополнялись шкурками белок, а в качестве даров широко использовались *абыртхы* (напиток типа кваса) и *арага* (молочное вино). А в хакасском аале Перевоз (рядом с современным селом Усть-Таштып, Аскизского р-на РХ) местные жители проводили Хазың тайыг в огороде одного из сельчан, который специально для этого вырастил Священную березу (*Парбахай хазың*). На ветви березы повязывали чалымы – красного, синего и желтого цветов, а рядом кололи жертвенных барашков и просили у высших сил благополучия и здоровья для своих детей¹.

Наш информант поделилась и представлениями о двух божествах женского рода *Ымай Іче* и *От Ине*. О значении божества *От Ине* сохранилось много сообщений, одно из самых ранних принадлежит перу служилого атамана Мугунчакова (1737), позднее эту тему освещали такие исследователи, как Е. К. Яковлев, Н. Ф. Катанов, Ю. А. Шибаева, В. Я. Бутанаев и др. Известно, что ни один более или менее значимый праздник или обряд не обходился без разжигания ритуального костра и почитания Богини огня. Более того, *От Ине* ежегодно посвящали семейный праздник *От тайыг/тайиш* [Катанов, 2007, с. 13–14; Яковлев, 1900, с. 107, 108].

Достаточно высокое положение среди божеств и духов занимала и богиня Умай (*Ымай Іче*), которая, по народным представлениям, являлась покровительницей женщин и защитницей детей с момента их рождения и примерно до трех лет, когда ребенок начинает ходить. При этом у разных субэтнических и этнографических групп хакасов

¹ ПМА – 2006 г., информант – Дарья Ачаевна Кызычакова (Торбастаева), 1924 г. р., сөк Ах чыстар, аал Усть-Таштып, Аскизский р-н РХ.

термин *Ымай* иногда произносили как *Умай*, *Нумай* или *Омай*, сам термин *Ымай*, по нашим подсчетам, имеет восемь значений [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 1040; Бутанаев, 2003, с. 179, 180; Потапов, 1973, с. 271]. Разнообразие значений этого термина подчеркивает значимость этого культа для духовной культуры хакасов. Одним из первых о почитании богини *Ымай Іче* сообщал Н. Ф. Катанов, который в ходе научной экспедиции (1892) записал текст молитвы, обращенной к духу Матери-Огня на празднике *От тайыг* (букв. праздник огня). В тексте отдельный фрагмент целиком посвящен богине *Ымай Іче*, где в стихотворной форме вместе с благодарениями описываются и ее функции по приумножению и обереганию людского рода. Считается, что на земле, помимо божества *Ымай Іче*, у каждого грудного ребенка с момента его рождения и примерно до трех лет имеется свой персональный дух-хранитель (ангел-хранитель) женского рода – *Ымай*, которую, скорее всего, следует отнести к категории *тӱс'ей* (оберег, амулет). Которая так же, как и одноименное небесное божество, невидима глазу простых людей, а ее материальным воплощением являлись амулеты (*тӱс*), подвешиваемые к колыбели в качестве апомропей и имевшие различия в зависимости от пола ребенка.

Основная часть

ХАЗЫҢ ТАЙЫҒДАҢАР [00 – 06:09]

А. Б.: Адап пиреңер [пиріңер – А. Б.] постарыңны.

С. М.: Майнагашева Светлана Митрофановна [полчам – А. Б.].

А. Б.: А ноо чылдыңзар [чылдаңзар – А. Б.] сілер [сілер – А. Б.]?

С. М.: Пір муң [тоғыс чӱс – А. Б.] иліг пір чылданзым [1951 ч. – А. Б.].

А. Б.: А хайдығ [хайдағ – А. Б.] аалда тӱреезер [тӱреезер – А. Б.]?

С. М.: Казановка аалда тӱреем.

А. Б.: Мында, я ... Казановкада?

С. М.: Эғэ, [мында мінің – А. Б.] тӱреен чирім.

А. Б.: А нима, профессияларың хайдығ [хайдағ полған – А. Б.]?

С. М.: Ӯгретчі, үгретчі.

А. Б.: А, ноо нимаң үгретчізі [полғазар – А. Б.]?

С. М.: [Школада палаларны – А. Б.] орыс тілін[е] үгреткем.

А. Б.: Тӱреезер [тӱреезер – А. Б.] мында, ӱскезер [ӱскезер мында – А. Б.] анаң [хайда үгреткезер – А. Б.]?

С. М.: Тӱреем мында, ӱскем [ӱскем – А. Б.] мында.

А. Б.: И туғынғазар [тоғынғазар мында – А. Б.], я?

С. М.: Туғынғам [тоғынғам – А. Б.] мындок, ам мындок чуртап парчам, мындок.

А. Б.: Мындығ [мындағ – А. Б.] сурығ [Сірге – А. Б.], Сілер [Сілер – А. Б.] **Хазың тайығныңар** [**тайығдаңар** – А. Б.] нойма [ноо нима – А. Б.] искезер, [паза – А. Б.] хайди [искезер, чоохтап пиріңер – А. Б.]?

С. М.: Нома [ноо нима чоохтим – А. Б.] ... **хазыңны** ... мінің хасты-хазинем [полғанар – А. Б.], э-э, нима ... улардың [оларның пір – А. Б.] **хазың** ӱскен [ӱскен – А. Б.] ... [ол полған – А. Б.] улардың [оларның – А. Б.] оғордтарында ... [ол – А. Б.] специальный **хазың** [ӱнетің – А. Б.] ӱскірілік [ӱскірілген – А. Б.] полған ... [анда – А. Б.] **ікі хазың** [полған, олар ікізі пір тӱстең сыхханнар – А. Б.].

А. Б.: Мында [ба – А. Б.] Казановка аалда?

С. М.: Я, [мында – А. Б.] Казановка аалда, только чоғарха [чоғархы – А. Б.] аалда чуртаннар олар.

А. Б.: А олардың [оларның – А. Б.] фамилиялары ... [кем полған – А. Б.]?

С. М.: Тортчоковтар полған [оларның – А. Б.] фамилиялары, Тортчоковтар.

А. Б.: А хастыларыңның ады-солазы кем полған [адап пиріңер – А. Б.]?

(Информант ӱр нима хасты-хазинезінің аттарын сағысха кирче, ол туста ағаа аның оолғы Тортчоков Виталий Анатольевич полыс пирче – А. Б.)

С. М.: [Хастымның ады – А. Б.] Ефим Николаевич, ипчізінің [тадар ады – А. Б.] – Хызыно, [пічікке кірген ады – А. Б.] Саломея [полған – А. Б.]. Бабушканың [отчество – А. Б.] ... Харитоновна [полған – А. Б.], Хызыно Харитоновна ноо.

А.Б.: А улар [олар – А.Б.] нуу [ноо – А.Б.] чылдаң пулғаннар [полғаннар – А.Б.]?

(Информант ұр нимес хасты-хазинезінің төреен чылларын сағысха кирче, ол туста агаа пазох аның оолгы В.А. Торточаков полыс пирче – А.Б.)

В.Т.: Ну, дед [позы – А.Б.] пулған [полған – А.Б.] он ұс чылдаң [1913 ч. – А.Б.], а Хызыно бабушка пулған [полған – А.Б.] ун [он – А.Б.] чылдаң, пір муң тоғыс чұс ун [он – А.Б.] чылдаң [1910 ч. – А.Б.].

С.М. *(оолгынзар айланча – А.Б.):* А син пілче пуларзың [поларзың оларның төреен чылларын – А.Б.], мин пілбинчим [пілбинчем, ундут салғам – А.Б.].

А.Б.: А ниме, улар [олар – А.Б.] хайдығ [хайдағ – А.Б.], ниме, [хайдағ – А.Б.] сағыстаң [сағыснаң – А.Б.], [ол – А.Б.] **хазыңны** анда, ниме, огрут [огород – А.Б.] пазында удырытханнар [одыртханнар – А.Б.], [ноо нимее аны анда – А.Б.] үскіргеннер [өскіргеннер – А.Б.]?

С.М.: Ну, [аны – А.Б.] хастым үскіртір [өскіртір – А.Б.], ул [ол аны өскіртір – А.Б.], ноо, **хазыңны** специально үскіртірлар [өскіртірлер – А.Б.], специально, штобы тайығ [тударға – А.Б.], ул [ол – А.Б.] тайығ итчең [анда А.Б.]. [Ол хазыңнар – А.Б.] просто **хазыңнар** полбаан ул [ол – А.Б.], а [өнетін – А.Б.] тайығ итчең [ызых – А.Б.] **хазыңнар** полған.

А.Б.: А ниме ... *(читіре сурирға маңнан-маам, информант чоогын узарадыбысхан – А.Б.)*.

С.М.: [Олар анда – А.Б.] хамға хамнадып, Тройсин [күнінде – А.Б.], чайғыда [итчеңнер ол тайығны – А.Б.].

А.Б.: Чылығ туста, я?

С.М.: Я, чайғыда. Хачан Тройсин [үлүкүн – А.Б.] пулчи [полча – А.Б.], андығ [андағ – А.Б.] тайығ идіп [алчаңнар – А.Б.], улар не [көп чонға – А.Б.] тайығ идіп [үлүкүннеңеңнер – А.Б.], я, [постарына ла паза туған-чағыннарына ла – А.Б.], андара [андар – А.Б.] иттер ілігледі [иттең оор-пус тутчаң поларлар, іди сағынчам – А.Б.] анда [анаң той салып – А.Б.] удырчаң [одырчаң – А.Б.] поларлар, [ол – А.Б.] хазың төзінде.

А.Б.: А Сілер [Сілер – А.Б.] пустарың [постарың – А.Б.] кұрбеезер [көрбеезер ба ол тайығны – А.Б.]?

С.М.: А [чох – А.Б.] мин пузым [позым – А.Б.] кұрбеем [көрбеем – А.Б.] *(информант пазын чайхапча – А.Б.)*.

А.Б.: А Сілердің [Сілернің – А.Б.], ниме, [сілер анда чуртаан – А.Б.] туста, сілер пілерде, улар [олар – А.Б.] хайди-да анда үлүкүн тутчаңнар ба, чох па?

(Пу сурығны пирген соонаң информаторның оолгы Торточаков Виталий чоохха хозылған – А.Б.)

В.Т.: Чох, улар да [олар даа ол туста, хачан пабазы іңезінең хоных хон салғанда – А.Б.] чох пулғаннар [полғаннар, ікізінең үрееннер – А.Б.].

С.М.: А мин уларды [оларны көрбеем – А.Б.], чух [чох – А.Б.] пулғаннар [полғаннар – А.Б.] уже [үрееннер – А.Б.]. Мин ирге парғамда андара [андар чоғархы аалзар – А.Б.], а улар [олар – А.Б.] уже чух пулғаннар.

А.Б.: Чух [чох – А.Б.] пулғаннар [полғаннар – А.Б.], я? А **хазыңны** Сілер [Сілер – А.Б.] теезер, – ікі хазың полған, я?

С.М.: Я, ам даа [ол – А.Б.] **хазыңнар** [хазых – А.Б.] полған [андох турчалар – А.Б.] *(Информант пазынаң икінче – А.Б.)*.

А.Б.: Ам [даа олар андалар, я – А.Б.], ам даа турчилер [турчалар – А.Б.] анда, я?

С.М.: Ну, конечно, ам даа турчилер [турчалар – А.Б.]!

А.Б.: А ниме, паза нойма [ноо ниме сурирға итчем – А.Б.], [тайығ иртірзе чи, олар – А.Б.] пірее [молитва – А.Б.] ниме [алай ба алғычаң сөстер чоохтачаң полбастар ба – А.Б.] ... ну [пірее алғыс сөстерін адап – А.Б.] чоохтанчаңнар полар **хазыңнаңар**? [Чоохтап пиріңер – А.Б.] хайди олар [тайығны – А.Б.] иртірчилер [иртірчеңнер – А.Б.], хайдығ сағыснаң ол **хазыңны** улуғлачаңнар?

С.М.: Улар [олар – А.Б.] аны итчең [полғаннар – А.Б.] ол **хазыңнаңарды** [улуғлап – А.Б.], үлүкүнде, Тросинде, тайығ ундайының [оңдайынаң – А.Б.] полбастар ба пы за, чтобы олардың [оларның – А.Б.] маллары прай мағат [маңат – А.Б.] ... үскен [өскен – А.Б.], маллары мағат [маңат – А.Б.] үскен!

А. Б.: А нима, ол тайыҥда кізі кўп [көп – А. Б.] чыылчаң ма?

С. М.: Ну, постары ла полчаң полар, [анзын пір дее – А. Б.] пілбинчим, анзын пілбинчим [пілбинчем – А. Б.].

А. Б.: А кем тайыҥды [тайыҥны – А. Б.] апарчаң?

С. М.: Минің тігі, хам [бабушка полған – А. Б.], бабушкам хам полған, [ады – А. Б.] Ма-кый хам [полған – А. Б.], мынее ол [апарчаң тайыҥны – А. Б.], аны [өнетін – А. Б.] хыыртып, видимо бабушкадаң, кемнең...

(Информант оолгынзар айланча, анзы агаа полызарга кўстенче – А. Б.) [Минің – А. Б.] апчағымның [апсаамның – А. Б.] іңезінең хада [олар – А. Б.] хайдыҥ [хайдағ – А. Б.] да [даа – А. Б.] туғаннар полған полбас пы за?

В. Т.: [Олар туғаннас парған – А. Б.] Сунчугашевтар [паза – А. Б.] Кызласовтар [полғаннар – А. Б.].

С. М.: Сунчугашевтар – Кызласовтар. Ана-ңара аны [тай іңезін – А. Б.] чылдың [сай – А. Б.] олар Тройсинде хыыртып [хығыртып – А. Б.], анда, может кўлетечең поларлар, анаң [ол – А. Б.] уларға [оларға – А. Б.], нима, [тайыҥ – А. Б.] итчең [апарчаң – А. Б.] полтыр чылдың [сай – А. Б.]. Тайыҥ итчең полбас пы за.

А. Б.: Анызын, хам анда [тайыҥда – А. Б.] араласхан[ын] кем [сірерге – А. Б.] чоохтаан? Кемнең искезер? Ну, что хам[ны – А. Б.] хыыр-чаңнар [хығырчаңнар андар – А. Б.]?

С. М.: Ну, хайди?! Мин аны [позым чахсы – А. Б.] пілчим, просто!

(Информант оолгынзар айланча, анзы агаа полызарга кўстенче – А. Б.)

В. Т.: Мамаң чоохтаан [нимес пе – А. Б.]?

С. М.: [Я, орта – А. Б.] мамам, ічем чоох-таан, мамам чоохтаан полар.

А. Б.: А нима...

С. М.: [Паза – А. Б.] минің апчағым [ирім – А. Б.] Толя чуухтан [чоохтаан – А. Б.] полбас па!

В. Т.: А точно, ул [ол – А. Б.] пузының [по-зының сөбірезінеңер – А. Б.] чоохтапчатпас па?

С. М.: Толя даа чуухтапчатпас [чоохтапчат-пас – А. Б.] па [мағаа – А. Б.].

А. Б.: А нима, ул [ол – А. Б.] хам килзе, ол, нима, пырай тирігліг килчең ма, алай хайди?

С. М.: Аназын [анзын – А. Б.] вообще пілб-инчим, ол времяда, ол да [даа – А. Б.] тирігліг килбечең полар, а то аны же ...

А. Б.: [Ол ўлгее – А. Б.] хатыҥлатырачых?!

С. М.: Конечно!

А. Б.: А ол хам [кем полған – А. Б.], хамның прай [толдыразынаң – А. Б.] фамилия, ады-солазын адап поларзар ба?

С. М.: Кемчех [кем полды – А. Б.]?

(Информант пазох оолгынзар айланча, анзы агаа полысча – А. Б.)

В. Т.: Кызласова Мария Трофимовна.

С. М.: Кызласова, я, Кызласова Мария Тро-фимовна [полған – А. Б.].

А. Б.: А ол нуу [ноо – А. Б.] чылдаң полған?

С. М.: Вообщее мин аны[ң] [төреен чылын – А. Б.] пілбинчим.

(Информант пазох оолгынзар айланча, анзы агаа полысча – А. Б.)

В. Т.: Ну, алтон [1960 ч. – А. Б.] чылда ўреен ол, ну, где-то ...

С. М.: Я, алтон чылда [ол – А. Б.] ўреен.

В. Т.: Нинче частыҥ[да] ўреен [полчаң – А. Б.] ол? Иліг-алтонға чидібіскен полбас па?

С. М.: Алтонох частыҥ полған [полар – А. Б.], алтон частыҥ примерно полған.

(Информант, оолгынаң чаразып, пазын икіпче – А. Б.)

В. Т.: Значит, ол [төреен – А. Б.] примерно [пір муң – А. Б.] тоғыс чўс чыллар (1900 ч. – А. Б.) пасталчатханда.

С. М.: Я, ноо, [агаа – А. Б.] ол зўн [ол син – А. Б.] полған полар.

(Информант, оолгынаң чаразып, пазын икіпче – А. Б.)

А. Б.: А хайдыҥ сўўктіг [сөөктіг – А. Б.] кізі полған [ол хам – А. Б.]? Нуу [ноо – А. Б.] сўўктең [сыххан кізі полған А. Б.]?

С. М.: Кызласов хыстары [полған – ол А. Б.].

В. Т.: Ноо [я – А. Б.].

А. Б.: А олар наверно, нимелер, Суғ хар-ғалары.

В. Т.: Чох, Тағ харғалары ол.

С. М.: Харғалар.

А. Б.: Суғ, Суғ харғалары!

С. М.: [Я – А. Б.] Суғ харғалары, Суғ хар-ғалары, ноо.

А.Б.: А ол, ниме, піди, ниме, тайыҥда чыылдың зай [сай – А.Б.] итчаңнар ба алай нинче-де чыл пазынаң?

С.М.: Ол [хастым – А.Б.], пу тайыҥ [хайди – А.Б.] итчең, [чахсы пілбинчем – А.Б.] чылдаң итчаң поларлар [неке – А.Б.].

В.Т.: Чылдаң [сай тутчаң поларлар – А.Б.], ноо [мин ідөк сағынчам – А.Б.]...

С.М.: Ибдегі [тайыҥ – А.Б.], ибде чи ичткеннер [итчеткеннер аны – А.Б.], [тутхан поларлар – А.Б.] чылдың [сай – А.Б.], постары, [пос А.Б.] алынча [алнынча – А.Б.] чи.

А.Б.: А мындыҥ ниме [сірерге – А.Б.] истерге килісчең ме? Анда [тайыҥда – А.Б.], ниме, [ағасха – А.Б.] чаламалар палҕацаңнар, андыҥ ниме [искезер бе – А.Б.]?

С.М.: Чох, аны испеем мин. Пу [чаламалар палҕиры – А.Б.], ол же [үр ниместе ле – А.Б.], мында ла, как бы [амҕы тустаҕы – А.Б.] мода пулчи [полча – А.Б.] нимес пе? Мының алнында андыҥ [андаҥ – А.Б.] ниме испеем мин, вообще.

ХАЗЫҢ ТАЙЫҢДАҢАР [28:06–31:47]

А.Б.: Пазох пу Хазың тайиине айланарҕа сағынчим, ниме, а пу аалда пасха кізілер іди хазыңнарды [хазыңнарны – А.Б.] үскірчеңнер [өскірчеңнер – А.Б.] ба?

С.М.: Я, мында минің ырах нимес [пір турада – А.Б.] миніңох [туғаннар – А.Б.] ... [ол туғанымның – А.Б.] аның ах хазыңнар үскен [өскеннер – А.Б.], аны [олар – А.Б.] ноҕа үскіргеннер, анызын пілбинчим мин. Ам олар [пабазы-ічезі – А.Б.] чоғыллар, [палаларының – А.Б.] покос ам олардың [оларның анда – А.Б.].

А.Б.: А, ниме, олар ідүх [ідөк – А.Б.] тайиичаң полбастар ба?

С.М.: Тайыҥ ичткеннерін [итчеткеннерін – А.Б.] испеем тоже. Апчаҕы пастых [пастыҥ – А.Б.] кізі полған.

А.Б.: Пу аалда ікі [ле – А.Б.] семьяда, я, хазың [өнөтің – А.Б.] ... піди [иб аразында – А.Б.] үскіргеннер [өскіргеннер – А.Б.], я? Или ...?

С.М.: Я, олардаң [оларның ла – А.Б.] ... пістің тадар чоны вообще-то хазың үскірбинчилер [өскірбинчелер – А.Б.] олар. Ане

олардың хазың пулған, аны может палалары үскірген[нер – А.Б.] или постары үскіргеннер [өскіргеннер – А.Б.] анызын [анзын – А.Б.] пілбинчим [пілбинчем – А.Б.].

А.Б.: А [пуларның – А.Б.] пасха еще пулардың [пуларның – А.Б.], ікі семьядаң чи, [аалдаҕы – А.Б.] пірее пасха кізілер [хазың өскіргеннер бе]?

С.М.: Чох, чох, [мин пілерде – А.Б.] пістің ла семья, пулардың на семья[зы].

(Информант оолҕынзар көзітче – А.Б.)
[Торточаковтарның сөбірезі – А.Б.].

В.Т.: Чох, может, полиҕлаан полбас па [пасха аал-хончыктарда – А.Б.] мының алнында?

С.М.: Может, мының алнында полған [даа – А.Б.] полар [че минің тузымда пасха кізілерде андаҥ ниме чох полған – А.Б.].

В.Т.: Чох [син ундубыстырзың – А.Б.], а мында да ол тігілердің [аал-хончыктарның – А.Б.] вообще пүзік [пөзік – А.Б.] хазыңнар полчаң зе, я, мам?

С.М.: Чуун [чоон, пөзік – А.Б.] хазыңнар полған [я – А.Б.].

В.Т.: Олар-да [хазыңнар – А.Б.] чүс часха читкілеп парғаннар.

С.М.: Чуун [чоон – А.Б.] хазыңнар [хончыктар чуртаан чирде – А.Б.] полған ноо.

В.Т.: А ол тееге [тігі – А.Б.] Ине хайа хыринда, нома, хара хазың [мының алнында – А.Б.] полған ма?

С.М.: Ол хазың ам даа турчи анда.

В.Т.: Хара, хара ба ол [позы хазың алай хайди, ноҕа аны «хара хазың» адапчалар – А.Б.]?

С.М.: Ну пілбинчим хайдыҥ ол [хара ба, ах па – А.Б.].

В.Т.: Чох, Ине хайа хыринда ол, ниме чи, анда [хайда – А.Б.] мичік...

С.М.: Ол хазың турчин ус [осхас – А.Б.] ол [чирде – А.Б.] ... хазың...

В.Т.: Син [позың мының алнында – А.Б.] чуухтанчазың же [піске – А.Б.] што пастап анда хара хазың полчаң. Хара чи, хара [хазың – А.Б.] полчаң ма анда?

С.М.: Цведін та [ол аҕастың мин чоохтап полбасын – А.Б.].

В. Т.: Чох [мының алнында поэзоох чоох-таазың піске – А. Б.], анаң ол іріктеп [чирге – А. Б.] түс парған [тіп – А. Б.].

С. М.: Конечно, чох полчатпас па, ол [иргі өөн хазың – А. Б.] хақан-та полған полар, ам чоғыл анда.

В. Т.: Чох, [син поэзың – А. Б.] чуухтанчаңзың чуун хазың [тіп – А. Б.] полчаң анда, анаң ол, иргіленіп, нимет парған ... нимет ... түскен [андарыл парған – А. Б.]. Полған ма андығ хазың? Ине хайа хыринда чи, Ине хайа хыринда.

С. М.: Ам даа анда хазың турчи [турча – А. Б.]. Хазың, чуун [чоон – А. Б.] хазың ам даа ... ам мынее ниме палғапчилер [палғапчалар – А. Б.] нізе [нооза – А. Б.] андар, ленталар [чалалар – А. Б.].

В. Т.: А ол чуун [чоон – А. Б.] хазыңа ба?

С. М.: Ну аның ... ол же чиит хазың аның...

В. Т.: Чох [піс пасха ниме сурапчабыс – А. Б.], аның орнында [мының алнында – А. Б.] пулған [полған – А. Б.] ма хазың, пулған?

С. М.: Ну, пулған пулар [полар – А. Б.], ноо, ноға пулбас [полбас – А. Б.], пулған пулар анда [че аңзын чахсы пілбинчем – А. Б.].

ОТ ИНЕДЕҢЕР [15:07–20:06]

А. Б.: А, ниме, паза Сілер [Сілер пайаа – А. Б.] чуухтазар [чоохтазар – А. Б.] хайди, ниме, Сілер, наа тураа кўскенде [кўскенде – А. Б.], Ут инезін [От инезін хада – А. Б.] ағылғазар?

С. М.: А ноо-ноо (*информант сала кўлінче – А. Б.*), я [полған андағ кирек – А. Б.], наа тураа кўскенде [кўскенде – А. Б.], минің [иргі тураам хыринда – А. Б.] хончых ипчіек чуртаан, тоже Мойнах [Мойнагашевтер төлінең – А. Б.] ипчіек. Анаң [ол пірсінде – А. Б.] тіпчи мині [мағаа – А. Б.] ... [ол поэзы – А. Б.] минзер [наа туразар – А. Б.] килтір пір кўн, тіпче: «Ой, специально [сірерзер – А. Б.] килдім, – тіпче, – Ут инезін [От инезін – А. Б.] ноға [хада – А. Б.] ағылбаазың, анда ла пулуңда ылғапчи-ылғапчи». [Анаң От иненің сөстерін мағаа читірген – А. Б.]: «Людочка, Питалыдаң [информаторның палалары – А. Б.] нуға [ноға мині – А. Б.] апарбинчилер?! Мында халғыс салғаннар!». [Амды ол хончых ипчі От инезінзер айланча – А. Б.] «Че, ам килдің!» –

тіп, [анаң – А. Б.] пестің пу нимезін [чабиин – А. Б.] азыбысхан, уйазын и андара тігі ... нима, ағыл килтір тўүнчік [анда – А. Б.] ... ниме чи, кўл [иргі тураның пезінің от кўлі – А. Б.]. [Ол – А. Б.] кўлді [от кўлін – А. Б.] андара [андар – А. Б.] хахтабысхан: «Че, ибінзер читтің!». Мында, мол, все – «паза ылғаба!».

А. Б.: А ниме, Сілер [Сілер – А. Б.] пастап пеере [пеер – А. Б.] кўзібіскенде [кўс килгенде – А. Б.] оттың кўлін пір дее албаазар [ба – А. Б.], я?

С. М.: Ноо, мин андығ [андағ – А. Б.] ниме пір дее сағынминчатхам [ол туста – А. Б.].

А. Б.: А ол, ниме, [андығ кибір полча ба – А. Б.] я, наа тураа кірген кізілер [иргі оттың кўлін хада ағыларға киректер бе – А. Б.]?..

С. М.: [Я, олар – А. Б.] постарының [прай – А. Б.] нимелерін ағылчилер, [ол – А. Б.] орта же [кибір – А. Б.], пузынаң [поэзының – А. Б.] нимелерін [хада – А. Б.] ағыларға [кирек – А. Б.] нізе [нооза – А. Б.], Ут инезін [От инезін ідők наа – А. Б.] ибізері [хадох ағыларға кирек – А. Б.]! Хайда [син – А. Б.] чурта, наа туразар ул [ол андох поларға кирек – А. Б.] ... мин [тізең, – А. Б.] аны ағылбаандырзым, анаң [ол, хомзынып, – А. Б.] ылғапчатпас па. Анаң мин аны [пессер – А. Б.] хахтабысхам (*информант холынаң пессер көзітче – А. Б.*), анаң все, паза ылғабиныбыстырлер.

А. Б.: А ол чуухтаан [чоохтаан кізі – А. Б.] ипчі кізі полған [ма – А. Б.], я?

С. М.: Я, миніңох [туғаным – А. Б.] ... ниме, нигеңім [полған – А. Б.], ипчі полған, нигеңім.

А. Б.: Паза Сілер [Сілер – А. Б.] чуухтазар [чоохтазар – А. Б.] хайди, ниме, Сілер наа тураа кўскенде [кўскенде – А. Б.], Ут инезін [От инезін – А. Б.] ағылғазар.

С. М.: (*Мында информант оолгынзар айланча – А. Б.*) Абааның [пабаңның – А. Б.] харындазының ипчізі [ол аны ағылған – А. Б.].

А. Б.: А ол сілердің тураларыңа одырыбысхан, я, [хада – А. Б.] чуртир полыбысхан, [я – А. Б.]?

С. М.: Я, ол как раз минің иргі турачағымда, пала[зың] [андар чуртирға кир салған полған – А. Б.] ... э ... кемні [кемні андар – А. Б.] кир салдычых ол [аның адын даа ундут салтырбын – А. Б.]?

В.Т.: Путь [чи – А.Б.], [аның – А.Б.] кішіг оолғы [анда чуртап сыххан – А.Б.].

С.М.: Я, оолғын кир салған, кішіг оолғын. Анаң [тураларын – А.Б.] убирать полчатпастар ба, хазартып. Кірер [алнында – А.Б.], тураа кірер алнында хазартыглаан поларлар, анаң [даа пасха – А.Б.] ниме итчетпас па ... Анаң килген мында, нуға [ноға От инеңні – А.Б.] албаазың тіп. [От инелерің – А.Б.] анда ылғапчи!

А.Б.: А хайди [ол – А.Б.] ылғапчи? Нуйма [ноо ниме – А.Б.] чуухтанчи [чоохтанча – А.Б.] Ут ине [От ине – А.Б.]? Нуйма [ноо ниме ол – А.Б.] чуухтаан [чоохтаан – А.Б.] ылғапчин туста? Хайдығ сүстер [сөстер сығарған – А.Б.]?

С.М.: Пілбинчим хайди [ол – А.Б.] ылғаан!

В.Т.: [Пу кирек – А.Б.] хайди полтыр, анда [иргі турада – А.Б.] ікі комната, зе.

С.М.: Я, [анда – А.Б.] ікі комната [полған – А.Б.].

В.Т.: Пір комнатазында хайынчатса, ул [ол – А.Б.] тігі комнатазында ылғапчи [аны прайзы истіпче – А.Б.], ноо.

С.М.: Ноо, ылғапчи.

В.Т.: Анаң, ниме, тіптір: «Нуға халғыс салгазар мині?!».

С.М.: Я, ноо.

В.Т.: «Хайдазар?! Нуға [ноға – А.Б.] килбинчизер?!» Анаң ...

С.М.: И анаң [нигечім аны пеер – А.Б.] ағылтыр, мында [ол аны – А.Б.] читіртірчіх. Читірген мында.

В.Т.: Анаң тігізі [нигечізі, отты пеер ағылар алнында, ағаа – А.Б.] тіптір [От инезіне – А.Б.]: «Че парааң, амох апар салам сині!». Анаң [пестең – А.Б.] кұл [алып – А.Б.] ағыл килчетпес пе [наа туразының пезінзер – А.Б.].

С.М.: Я, анаң салыбысхабыс пеере [песер – А.Б.].

В.Т.: Анаң ул [ол – А.Б.], ниме, [нигечізі, От инезін ағыл – А.Б.] килчеткенде, [пістің – А.Б.] огруд [огород – А.Б.] пазы [пазына – А.Б.] читіре ылғап килтір зе, кистінде, анаң на [ылғирға – А.Б.] тухтаптыр [тохтаптыр – А.Б.] ул [От ине – А.Б.].

А.Б.: Тураа чит паринда [ба]?

В.Т.: Чох, анда [огород хыринда – А.Б.], тігідең [иргі турадаң килчеткенде чи – А.Б.]...

С.М.: Ибдең [ылғап ала – А.Б.] сығып, пеере [пеер – А.Б.] поворотта [тураа чағын килгенде – А.Б.] ... мында [ла – А.Б.], огруд [огород – А.Б.] пазында [ылғырын тохтаттыр – А.Б.]. [Пістің] улицаа кірібіскенде, анда [ла ылғирға – А.Б.] тохтапчатпас па.

В.Т.: [Пістің] улицеге [улицаа – А.Б.], пазына читіре ул [От ине ылғап килтір – А.Б.].

А.Б.: Ылғап килтір, я?

В.Т.: Ноо, вот, ноо ... истілтір пузына [позына (нигечізіне) – А.Б.], кистінде чи.

С.М.: Ағаа пузына [позына – А.Б.] истілчетпес пе, ол Зоя [нигечім] ... [ол туста] бабка полбаан ул [ол – А.Б.] еще ...

В.Т.: Ну, хайдығ [ноо – А.Б.] чыл полған ул [ол – А.Б.], хайдығ...?

С.М.: Ну, хақан ... чибірге чыл ирт парды [иртіп парды полар – А.Б.].

В.Т.: Ну, андада ол най ла андығ чиит полбады.

С.М.: Улуғох полчатпас па, конешно, улуг [частығ – А.Б.] ул пулған [ол полған – А.Б.].

А.Б.: А ниме, Сілер [Сілер – А.Б.] хайди санапчизер, Ут [От – А.Б.] инезі ул [ол – А.Б.] сын ниме [бе – А.Б.], я?

С.М.: Ну, конешно, мин киртінчим ағаа, чуртас та заставляет [пу – А.Б.] кізіні киртінерге, ирік чох киртінерзің!

А.Б.: А хайди, нуйманың [ноо нимее төстеніп – А.Б.], нуймаа [ноо нимее – А.Б.] сылтанып, сілер [сілер – А.Б.] андығ [андағ – А.Б.] сағысха килгезер, что Ут ине [От ине сынында – А.Б.] пар? Нуйманың [ноо нимезінең – А.Б.] ол пілдірчи кізее?

С.М.: Ну ... хайди [сағаа чоохтирға – А.Б.] ... [ол – А.Б.] прай ниме[нең – А.Б.] пілдірчи полбас па, прай ... если [син – А.Б.] чахсы чуртапчизең [чуртапчазың – А.Б.], значит, ул сего [ол сағаа – А.Б.] полысси [полысча – А.Б.], а если хумай [хомай – А.Б.] хайдығ-да ниме пулчи [полча – А.Б.], значит, ол нойма [ноо ниме А.Б.] та [-да – А.Б.] тарынчи [тарынча – А.Б.].

В.Т.: [Іцең син отты – А.Б.] азырабчин [азырапчазың – А.Б.] нимессин ма, мама?

С.М.: [Я – А.Б.] аны азырирге кирек! И [соғым полза – А.Б.], хуй [хой – А.Б.] ниме сухса [сохса А.Б.], ит [отха – А.Б.] тастап пирчем, ам пір дее мал тутпинчатханда, нуйма [ноо ниме,

пирчең ит чоғыл – А.Б.]... Сосха идін те сал-
бассым мин андара [андар – А.Б.].

В.Т.: Сосха иді [отха – А.Б.] салылбинчи
ба?

А.Б.: Салылбинчи [салылбинча, апсах-
инейлердең позым иском – А.Б.].

С.М.: Сосха иді те салылбинчи, пістің чон
[аны отха салбинча – А.Б.] ...

А.Б.: Сосха иді, тіпчелер [тадарлар – А.Б.],
худай малы нимес!

В.Т.: А-а, а үске [өске иді отха салылча ба –
А.Б.]?

С.М.: Ну, үскені[нің] [өскенің идін – А.Б.]
салчам мин [отха – А.Б.], ноо. [Паза – А.Б.]
хайах чи, хайах салчатпассым ма!

А.Б.: [Паза – А.Б.] сүттің [отха – А.Б.]
наныпчилер, я?

С.М.: А?

А.Б.: Сүттің наныпчилер [ба – А.Б.]?

С.М.: Сүт іспинчим мин, [аннаңар – А.Б.]
сүттің азырабинчим мин.

А.Б.: А чай[наң – А.Б.] наныпчизер [бе
А.Б.]?

С.М.: Чай? ...Тоже, мин [аны отха наны-
бинчам – А.Б.], ние, ... мин хайах ла [отха
салчам – А.Б.].

В.Т.: Чох, үлүкүн пулза [полза, син отха –
А.Б.] сеектепчін нимесің ма?

С.М.: Үлүкүн полза, конечно, нуйма [ноо
ниме – А.Б.] даа сеектирге кирек. Хачан даа
сеектіпчизең, нуйма даа, все равно.

А.Б.: А мындыг [мындаг – А.Б.] ние паза
пар тіпчилер – тура ээзі? Андыг [андаг – А.Б.]
ниме[деңер – А.Б.] искезер бэ, тура ээзі?

С.М.: Ээліг тура ба?

А.Б.: Чох, тураның ээзі. Ну, кізі нимес, а
мындыг, хайдыг-та күренмес [кізі харағына
көрінмес – А.Б.] ние?

С.М.: А-а, домовой ба? Ну, хазахтар [орыс-
тар – А.Б.] да тіпчилер «домовой», мин да
андыг ниеме учурабаам.

А.Б.: Учубааазар, я?

С.М.: А піс та ... От инезіне киртінчибіс!
Піс ағаа киртінчебіс! А тура ээзіне так
[алынча киртінминчебіс – А.Б.] ... От инезі ол
[пістің – А.Б.] тура ээзі [полча полар – А.Б.] ...
[«домовойнаң» – А.Б.] одинаково ... примерно
полчатпас па?

ЫМАЙ ІЧЕДЕҢЕР ПАЗА ПУБАЙДАҢАР [43:49 – 46:35]

А.Б.: А ние чи, Ымай Іче андыг [андаг
ниме – А.Б.] искезер бэ [бе – А.Б.]?

С.М.: Я, ну, конешно, иском!

А.Б.: А ол нуйма [ноо ние – А.Б.] полчи
[полча – А.Б.]?

С.М.: Паланың [үс часха читіре хайрал-
лачаң харахха көрінмес ічезі – А.Б.] ... [час
пала – А.Б.] ағырыбысса Умай [лит. Ымай –
А.Б.] ічезі кұмес [көмес – А.Б.] үүрлебiскен
[өөрлебiскен, учух парыбысхан пасха чир-
зер – А.Б.] тіп чуухтапчилер [чоохтапчалар
кізілер – А.Б.] нiзе [нооза – А.Б.], анаңара ол
ниметчи [ниме итче, ағырыбысча ол пала
А.Б.].

А.Б.: Үүрлебiскен [өөрлебiскен Ымай ічезі
ол паланы нинче-де тусха – А.Б.] тастап пары-
бысхан [полча – А.Б.], я?

С.М.: Ну ... үүрлеп ... как бы кұмес [кө-
мес – А.Б.] ... күдірінібіскен [көдірілібіскен
чирнiң үстүнзер – А.Б.]

*(Информант сол холын иңніне тиң
көдірбіскен, холы иңнінең тиңнес парча, айазы
чирзер айланых – А.Б.)*

А.Б.: А Ымай іче паза нуйма [ноо ние
А.Б.], мының алнында [пістің чон аны] тигірге
[чурттыг чайааннарнаң (худайларнаң) хости –
А.Б.] чуртапчатхан [тіп – А.Б.] санаңаңар,
Худай [ба ол полча – А.Б.] ... Чайаан ма [ол
полчаң – А.Б.]? Ну [ол андаг – А.Б.] ние
[полар ба ол – А.Б.]?

С.М.: Худай даа, Чайаан даа [ол даа – А.Б.]
тигірге ... чуртапчатпас па.

А.Б.: А улардың [оларның, чайааннарның –
А.Б.] аразында [аймах пасхалары пар полар
ба – А.Б.]?

С.М.: А улардың [оларның – А.Б.] аразында
тоже ... пістің та мында, пістің аразында тоже,
наверно, чуртағлапчилер [чуртағлапчалар
олар – А.Б.]...

В.Т.: Пістің аразыбысты худайлар пас
чүрчилер [чөрчелер тіп сағынчазың – А.Б.] бэ
[ма – А.Б.]?

С.М.: Чох, худайлар нимес, конешно [олар-
даң пасха нимелер – А.Б.]...

А.Б.: Но, тигіргегілер [я – А.Б.]?

С.М.: Но [олар – А.Б.], земной кізілер те нимес, точно.

А.Б.: А ниме[лер] [олар – А.Б.]...

С.М.: Пу даа (*информант, пессер хайбаганып, чоохтапча – А.Б.*), пу От инезі чи, пістің хада чуртапчи [чуртапча нооза – А.Б.].

В.Т.: А чох [ол даа өөркілернің санына кірбинче – А.Б.], ул [ол – А.Б.] та ноо [піснен хада сыбыра полча – А.Б.]...

А.Б.: Ымай іче, ниме, мында [чирде, піснен хада – А.Б.] ... үүркілердің [өөркілернің – А.Б.] пірсізі [полбас па – А.Б.]?

С.М.: Я, ноо, эғм (*информант, чаразып, пазын икінче – А.Б.*).

А.Б.: А ул [ол – А.Б.], ниме тіпчилер [тіпчелер, полған на – А.Б.] паланың [позының – А.Б.] Ымайы пар [полча – А.Б.]...

С.М.: Паланың ноо [позының Ымай іңезі пар полча – А.Б.], пала-да [соонаң – А.Б.] чуун [чоон – А.Б.] иде үс парза [өс парза – А.Б.], ул [ол – А.Б.] уже парыбысси [парыбысча – А.Б.] паланың, азып парыбысси полбас па. [Кішіг – А.Б.] палада ла пулчи ул [полча ол Ымай іче – А.Б.].

А.Б.: Ну, [научнай – А.Б.] книгаларда пазылы, мының алнындағы ученыйлар [істезіп – А.Б.] пасхлааннар, тадарлар, ниме, санаңнар [Ымай іче ол – А.Б.] тізі Худай [полча – А.Б.] алай [ба – А.Б.] тигірдегі [ипчілерні паза кішіг палаларны хайраллаңаң ниме – А.Б.].

С.М.: Ноо, [тигірдегі – А.Б.] Худай пулчин [полчатхан – А.Б.] пулбас [полбас – А.Б.] па [ол – А.Б.].

А.Б.: Ипчі пала таапчатса, [ол ағаа – А.Б.] пулыс пирчи [полыс пирче – А.Б.], [хомай нимеден – А.Б.] арачылапчи [арачылапча – А.Б.] тіп.

С.М.: Кішіг паладаң [паланаң сыбыра хада полча – А.Б.], эғм, ноо или ...

В.Т.: [Ол – А.Б.] үс часха кире полчых [полчатхан осхас – А.Б.] бэ [ба – А.Б.] паланың хада, Ымай іңезі, я?

С.М.: Ну, нинче часха [читіре хада полча – А.Б.] пілбинчим [пілбинчем – А.Б.], ноо кішіг паланың [Ымай іңезі пар – А.Б.] пулчи [полча – А.Б.].

А.Б.: Пулчи [полча – А.Б.], я?

В.Т.: А пу уйда (?) кем ичілік [итчеткен, иткен – А.Б.], мам, син пузың [позың – А.Б.] иткен нимесің ма, Андрюшкаға?

С.М.: Мин пузым [позым иткен аны – А.Б.], ноо ...эғм.

В.Т.: [Аны – А.Б.] іди идерге кирек пулчи [полча – А.Б.] ба?

С.М.: Ну, [пархама – А.Б.] Андрюшаға пузым [позым – А.Б.] иткен [ол нимені – А.Б.], ноо.

В.Т.: А-а.

С.М.: Но сала-сула даа [итсем – А.Б.] ... сумнах [самнах андар – А.Б.] сухчат-пассым ма ... анаң пағдаң палғап салчизен [салказың аны – А.Б.] паза нуйма [нойма, пала хайраллаңаң ниме тимде – А.Б.].

А.Б.: Пубыйда [пубайны – А.Б.] постарың иткезер бэ [бе – А.Б.]?

С.М.: Я, ноо.

А.Б.: Ағастаң, я?

С.М.: Минің внугыма [пархама – А.Б.] чи, ноо [ағастаң – А.Б.], аны талдаң [талдаң – А.Б.] идерге кирек, а так-та мин аның на иткен [орта иткен – А.Б.] тіп сағынчим [сағынчам – А.Б.], хайди та [даа – А.Б.] Азыр тағзар парып [аның ағазынаң иткен мин – А.Б.].

В.Т.: А нома [ноо ниме – А.Б.], [ағасты пубайға тимнеенде – А.Б.] пірее ниме чуухтан-газың [чоохтангазың – А.Б.] ма анаң?

С.М.: Ну, конешно, нуйма [ноо ниме – А.Б.] та [даа – А.Б.] чуухтанчатпассың [чоохтанчатпассың – А.Б.] ма [суранып – А.Б.], што [бы – А.Б.] мында [пу ағастарда палаа – А.Б.] чохсы [уйғу-чадығ полған – А.Б.], анаң [андар – А.Б.] ниме сал салчилер [салчалар – А.Б.] же [чабал нимені хуйдырзын тіп – А.Б.] хыпты.

А.Б.: А ниме ...

В.Т.: И хыпты ул [ол анда – А.Б.] постоянно [паланың частығы алтында – А.Б.] пулаға [поларға – А.Б.] кирек, анда чадарға, [я – А.Б.]?

С.М.: Я, ноо ул [ол паланы – А.Б.] хайралапчи [хайраллапча нооза – А.Б.].

А.Б.: А ниме чи, [тадар кибірі хостыра – А.Б.] кўчүгес[ті] андара [пубайзар пала чатырар алнында – А.Б.] салғазар ба?

С. М.: Күчүгес пе? Аны не помню, [пістің – А. Б.] күүске [лит. хоосха – А. Б.], күүске чи чатчаң анда.

А. Б.: [Сірер аны күчүгес орнына] күүскени [пубыйзар – А. Б.] чатырғазар үнетің [өнетін – А. Б.] ма или хайди?

С. М.: [Өнетін нимес – А. Б.] күүске вообще [позы – А. Б.] хынчи [хынча – А. Б.] анда пуйли [пойли – А. Б.] чадарға.

А. Б.: А то [тадарларның – А. Б.] мының алнында паланы [пубайзар пастағызын – А. Б.] кирер, ну чатырар алнында чи...

С. М.: Ноо.

А. Б.: Андара күчүгесте [пастап – А. Б.] салчаңнар...

С. М.: А-а.

А. Б.: Анаң [анаң ол пубайны – А. Б.] үс хати чайхабалып [чайхап алып – А. Б.] үзінчизінде [күчүгесті чирзер – А. Б.] түзүрібісчаңнар [түзіріп алчаңнар – А. Б.].

С. М.: Ну, мин хайди иткем [ундут салтырбын – А. Б.] ... даже не помню.

В. Т.: Кем [іңең ме – А. Б.] сеге [сағаа іди идерге чоохтаан – А. Б.], [алай – А. Б.] кізі чуухтаан [чоохтаан – А. Б.] ма хайди идерге?

С. М.: Мама чуухтапчатпас [чоохтапчатпас па – А. Б.] паза кем [чоохтир – А. Б.] меге [мағаа А. Б.], мама чуухтаан [чоохтаан – А. Б.] пулчатпас [полчатпас – А. Б.] па іди [идерге – А. Б.], паланы чатырар алнында хайди идерге. Мин пузымнаң [позымның – А. Б.] іңезінең [іңемнең – А. Б.] исчетпессім [истіпчетпессім – А. Б.] ме.

Заключение

Опубликованные материалы свидетельствуют о сохранении остаточных фрагментарных представлений об отдельных культах и связанных с ними обрядов в среде пожилых людей, в основном в местах компактного проживания хакасов. Что позволяет нам говорить о деградации традиционных изустных форм передачи знаний на современном этапе и, вероятно, переходе на новую форму передачи традиций – на книжный и цифровой уровень. В качестве примера этого суждения мы ссылаемся на отсутствие у наших информантов четких представлений о цели проведения тра-

диционных праздников, в том числе и *Хазың тайыг`а*, об утере его смысла, незнании обрядовых действий и, соответственно, отсутствии стремления продолжить эту традицию. Также на современном этапе мы отмечаем ухудшение полноты и качества сообщаемых информантами представлений о женских божествах в сравнении со сведениями наших предшественников – представителей более старших поколений.

Источники

Полевые материалы автора 2018 года – с. Казановка Аскизского р-на Республики Хакасия. Информант – Светлана Митрофановна Майнагашева, 1951 г.р., сёок Томнар, родилась и проживает в с. Казановка Аскизского р-на РХ, профессия – учитель русского языка, всю жизнь проработала в сельской школе, сейчас находится на заслуженном отдыхе.

Литература

- Бутанаев В. Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. 254 с.
- Катанов Н. Ф.** Домашнее жертвоприношение, совершенное 10 июля 1896 года // Этнографические экспедиции Н. Ф. Катанова (1896) и С. Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии / Сост. В. Н. Тугужекова, А. С. Чочиева. Абакан: [б. и.], 2007. С. 13–14.
- Потанов Л. П.** Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. М.: Изд-во «Наука», 1973. С. 265–286.
- Усманова М. С.** Дерево в традиционных представлениях хакасов // Вопросы этнокультурной истории Сибири / Отв. ред. В. М. Кулемзин. Томск: ТГУ, 1980. С. 100–106.
- Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстік / Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этнографического отдела музея. Описание минусинского музея.

Выпуск IV. Отдел этнографический. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 122 с.

References

- Butanaev V. Ya.** Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism of the Sayan-Altai Turks]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2003, 260 pp. (In Russian).
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanizm Khongoraya [Traditional shamanism of Khongorai]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2006, 254 pp. (In Russian).
- Katanov N. F.** Domashnee zhertvoprinoshenie, sovershennoe 10 iyulya 1896 goda [Domestic sacrifice on July 10, 1896]. In: Ethnographic expeditions of N. F. Katanov (1896) and S. D. Mainagashev (1913–1914) in Khakassia. Compiled by V. N. Tuguzhekova, A. S. Chochieva. Abakan, [without a publisher], 2007, pp. 13–14. (In Russian).
- Khakassko-russkii slovar'** [Khakass-Russian Dictionary] = Khakas-orys sostik (under the general editorship of O. V. Subrakova). Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 pp. (In Khakass and Russian).
- Potapov L. P.** Umai – bozhestvo drevnikh tyurkov v svete etnograficheskikh dannykh [Umai – the deity of the ancient Turks in the light of ethnographic data]. In: Turkological Collection, 1972. Moscow, Nauka, 1973, pp. 265–286. (In Russian).
- Usmanova M. S.** Derevo v traditsionnykh predstavleniyakh khakasov [A tree in the Khakass' traditional ideas]. In: Questions of ethno-cultural history of Siberia (executive editor V. M. Kulemzin). Tomsk, Tomsk State University Publ., 1980, pp. 100–106. (In Russian).
- Yakovlev E. K.** Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya [Ethnographic review of the indigenous population of the Southern Yenisei Valley]. In: E. K. Yakovlev. Ethnographic review of the indigenous population of the Southern Yenisei Valley and Explanatory catalog of the Department of Ethnography of the museum. Description of the Minusinsk Museum. Issue 4. The Department of Ethnography. Minusinsk, V. I. Kornakov Printing House, 1900, 122 pp. (In Russian).

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 1(41) 2024

Исторические науки / Historical sciences
Филологические науки / Philological sciences

Корректоры: *Н. М. Василенко, З. И. Султрекова*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: +(3902) 244-354, 243-039.
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 22.03.2024.
Формат 60 х 84 1/8.
Печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 13,02.
Тираж 200 экз. Заказ № 466.
Дата выхода в свет 25.03.2024.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.